THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

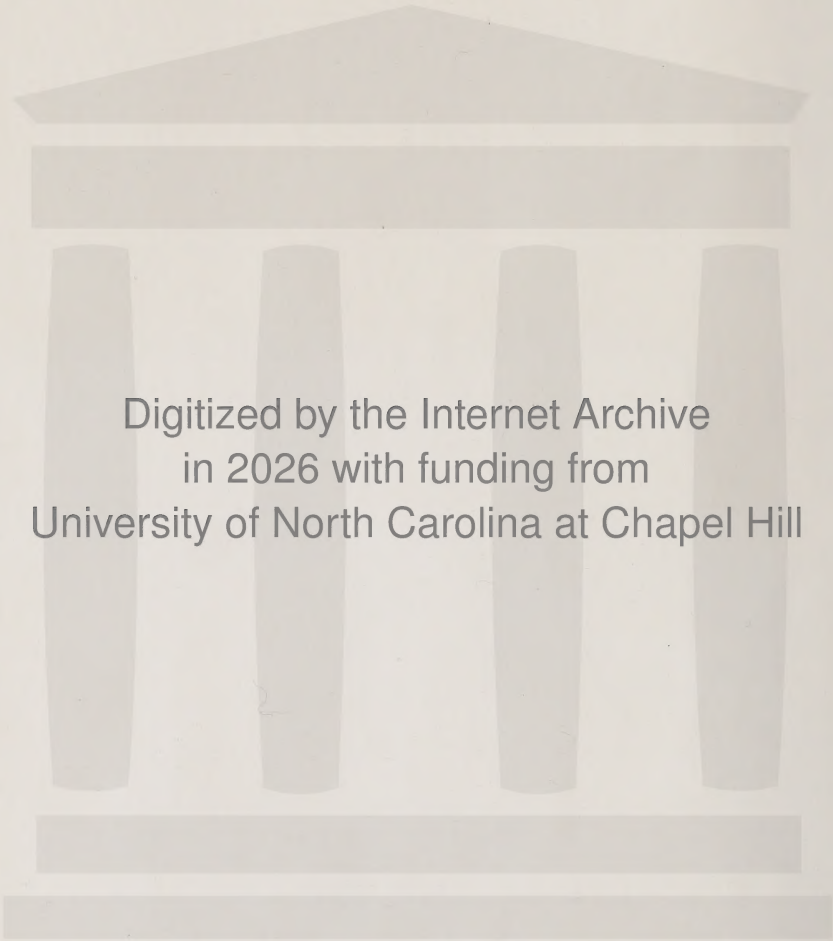
P587
.P7

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00024004612

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
APR 7 1979 W	APR 8 79		
MAY 7 1979 W	MAY 4 79		

Form No. 513


Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/ocherksravniteln00porz

ОЧЕРКЪ

СРАВНИТЕЛЬНОЙ ФОНЕТИКИ

ДРЕВНЕИНДІЙСКАГО, ГРЕЧЕСКАГО, ЛАТИНСКАГО И СТАРОСЛАВЯНСКАГО ЯЗЫКОВЪ.

ПОСОБІЕ КЪ ЛЕКЦІЯМЪ

проф. В. Поржезинскаго.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.
МОСКВА—1912.

Божена Ив. Краль

Acc. /2/75

OCHERKI

ОЧЕРКЪ

SRAVNITEL'NOI FONETIKI

СРАВНИТЕЛЬНОЙ ФОНЕТИКИ

ДРЕВНЕИНДІЙСКАГО, ГРЕЧЕСКАГО, ЛАТИНСКАГО И СТАРОСЛАВЯНСКАГО ЯЗЫКОВЪ.

ПОСОБІЕ КЪ ЛЕКЦІЯМЪ

(PORZEZINSKI)

проф. В. Поржезинскаго.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.

Москва — 1912.

PG587 .P7

LIBRARY
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
CHAPEL HILL

20

Оглавленіе.

Введеніе.

Стр.

1. Задачи сравнительноисторической грамматики индоевропейскихъ языковъ . . . 1
2. Индоевропейскій праязыкъ 2
3. Транскрипція звуковъ древнеиндійскаго языка 5
4. Транскрипція звуковъ общеславянскаго языка 6

Фонетика.

1. Гласныя и сонорныя согласныя индоевропейскаго праязыка 7
2. Исторія индоевропейскихъ e, o, a краткихъ 8
3. Исторія индоевропейскихъ ē, ō, ā 14
4. Индоевропейскія ē, ō, ā изъ стяженія гласныхъ 17
5. Индоевропейская неопредѣленная гласная 17
6. Индоевропейская слоговая ирраціональная гласная 20
7. Индоевропейская неслоговая ирраціональная гласная 22
8. Индоевропейскія i, ī, u, ū безъ послѣдующей гласной 27
9. Происхожденіе индоевропейскихъ краткихъ и долгихъ i и u 29
10. Общеиндоевропейскія i, u, а также i̯ и u̯ въ положеніи передъ гласной . . . 31
11. Дифтонги общеиндоевропейскаго языка и исторія ихъ въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ 32
12. Чередованіе гласныхъ въ индоевропейскомъ праязыкѣ 38
13. Плавныя согласныя индоевропейскаго праязыка 44
14. Носовыя согласныя индоевропейскаго праязыка 47
15. Согласныя индоевропейскаго праязыка 50
16. Исторія индоевропейскихъ взрывныхъ непридыхательныхъ согласныхъ 50
17. Исторія индоевропейскихъ звонкихъ придыхательныхъ согласныхъ 56
18. Исторія индоевропейскихъ глухихъ придыхательныхъ согласныхъ 61
19. Исторія индоевропейскихъ s и z 64
20. Исторія индоевропейскихъ ϑ и ð 71
21. Исторія индоевропейскихъ аффрикатъ 71
22. Исторія индоевропейскихъ j и i̯ 72
23. Исторія индоевропейскаго u̯ 74

Изъ исторіи сравнительной фонетики 77

Важнѣйшія пособія 82

312

6-13-78

18131 67

Оглавленіе.

Введеніе.

Стр.

1. Задачи сравнительноисторической грамматики индоевропейскихъ языковъ . . . 1
2. Индоевропейскій праязыкъ 2
3. Транскрипція звуковъ древнеиндійскаго языка 5
4. Транскрипція звуковъ общеславянскаго языка 6

Фонетика.

1. Гласныя и сонорныя согласныя индоевропейскаго праязыка 7
2. Исторія индоевропейскихъ e, o, a краткихъ 8
3. Исторія индоевропейскихъ ē, ō, ā 14
4. Индоевропейскія ē, ō, ā изъ стяженія гласныхъ 17
5. Индоевропейская неопредѣленная гласная 17
6. Индоевропейская слоговая ирраціональная гласная 20
7. Индоевропейская неслоговая ирраціональная гласная 22
8. Индоевропейскія i, ī, u, ū безъ послѣдующей гласной 27
9. Происхожденіе индоевропейскихъ краткихъ и долгихъ i и u 29
10. Общеиндоевропейскія i, u, а также ī и ū въ положеніи передъ гласной . . . 31
11. Дифтонги общеиндоевропейскаго языка и исторія ихъ въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ 32
12. Чередованіе гласныхъ въ индоевропейскомъ праязыкѣ 38
13. Плавныя согласныя индоевропейскаго праязыка 44
14. Носовыя согласныя индоевропейскаго праязыка 47
15. Согласныя индоевропейскаго праязыка 50
16. Исторія индоевропейскихъ взрывныхъ непридыхательныхъ согласныхъ 50
17. Исторія индоевропейскихъ звонкихъ придыхательныхъ согласныхъ 56
18. Исторія индоевропейскихъ глухихъ придыхательныхъ согласныхъ 61
19. Исторія индоевропейскихъ s и z 64
20. Исторія индоевропейскихъ ϑ и ð 71
21. Исторія индоевропейскихъ аффрикатъ 71
22. Исторія индоевропейскихъ j и i̯ 72
23. Исторія индоевропейскаго u̯ 74

Изъ исторіи сравнительной фонетики 77

Важнѣйшія пособія 82

312

6-13-75

18131 67

ВВЕДЕНІЕ.

1. Задачи сравнительноисторической грамматики индоевропейскихъ языковъ.

Терминъ «грамматика» примѣняется въ современномъ языкознаніи въ двухъ значеніяхъ: съ одной стороны, такъ называется ученіе о формахъ какъ отдѣльныхъ словъ (морфологія), такъ и цѣлыхъ словосочетаній (синтаксисъ), а, съ другой стороны, согласно съ давно уже установившейся школьной терминологіей, въ понятіе «грамматика» включается и тотъ отдѣлъ науки о языкѣ, который разсматриваетъ звуки языка въ ихъ исторіи. Этотъ послѣдній отдѣлъ въ русской лингвистической литературѣ называется фонетикой, тогда какъ нѣмецкіе ученые примѣняютъ названіе *Phonetik* къ физіологіи звуковъ рѣчи, называя фонетику русской терминологіи своимъ словомъ *Lautgeschichte*.

Слѣдуя давно и прочно установившемуся обычаю, и мы будемъ называть грамматикой въ широкомъ смыслѣ этого термина фонетику вмѣстѣ съ грамматикой въ собственномъ значеніи, т.-е. вмѣстѣ съ морфологіей и синтаксисомъ. Такимъ образомъ, подъ сравнительноисторической грамматикой индоевропейскихъ языковъ мы будемъ понимать какъ исторію звуковъ, такъ и исторію формъ въ языкахъ нашей семьи.

Общая сравнительноисторическая грамматика индоевропейскихъ языковъ должна раскрыть намъ исторію звуковъ и формъ всѣхъ отдѣльныхъ составныхъ частей индоевропейской группы языковъ, начиная съ эпохи общеиндоевропейской вплоть до послѣднихъ достижимыхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ моментовъ въ жизни каждаго языка этой обширной семьи. Понятно, что необходимость раздѣленія труда при столь обширной и сложной задачѣ заставляетъ ввести нѣкоторое хронологическое ограниченіе. Такимъ образомъ, подъ сравнительноисторической грамматикой индоевропейскихъ языковъ понимаютъ прежде всего исторію отдѣльныхъ индоевропейскихъ вѣтвей не въ полномъ ихъ объемѣ, а въ лицѣ ихъ древнѣйшихъ представителей, преимущественно въ древнѣйшіе періоды ихъ существованія. Рядомъ съ этимъ существуютъ сравнительноисторическія грамматики отдѣльныхъ вѣтвей и отдѣльныхъ членовъ этихъ послѣднихъ. Такое дѣленіе, не заключая въ себѣ принципіальнаго различія, является необходимымъ лишь съ точки зрѣнія разумнаго раздѣленія труда и не избавляетъ, ко-

нечно, отъ обязанности считаться при разработкѣ вопросовъ общей сравнительной грамматики въ тѣсномъ смыслѣ этого термина и съ позднѣйшими періодами въ жизни отдѣльныхъ вѣтвей и съ ихъ составомъ въ возможной для насъ вообще полнотѣ. Съ другой стороны, историческая грамматика отдѣльныхъ вѣтвей и языковъ должна покоиться на прочной основѣ, на общей сравнительной грамматикѣ всей нашей семьи языковъ.

Для цѣлей академическаго преподаванія, которое должно сообщать въ общихъ курсахъ наиболѣе прочно установленные выводы научнаго изслѣдованія и познакомить съ его методами и пріемами, прежде всего въ предѣлахъ болѣе доступнаго для учащихся матеріала, мы должны ограничить занятія сравнительноисторической грамматикой индоевропейскихъ языковъ, на этой первой ступени, изученіемъ исторіи звуковъ и формъ четырехъ важнѣйшихъ для насъ вѣтвей: индійской, греческой, италійской и славянской, въ лицѣ ихъ древнѣйшихъ представителей: языковъ древнеиндійскаго, древнегреческаго, латинскаго и старославянскаго; явленій другихъ представителей этихъ вѣтвей и представителей прочихъ вѣтвей мы будемъ касаться лишь въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, когда это будетъ существенно необходимо.

Такъ какъ къ занятіямъ общей сравнительноисторической грамматикой индоевропейскихъ языковъ приступаютъ послѣ прослушанія курса введенія въ языковѣдѣніе, то я предполагаю уже извѣстными тѣ вопросы, которые разсматриваются въ моемъ курсѣ введенія («Введеніе въ языковѣдѣніе», 2-е изд., М., 1910); поэтому я и не предпосылаю настоящему курсу изложенія генеалогической классификаціи языковъ, физіологіи звуковъ рѣчи, процессовъ, происходящихъ при измѣненіи внѣшней и внутренней стороны языка и т. д. Кромѣ помѣщенныхъ въ концѣ книги подробныхъ библіографическихъ указаній по общей сравнительноисторической грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ и по отдѣльнымъ историческимъ грамматикамъ (ср. «Введеніе», стр. 49—52), я по мѣрѣ надобности буду давать указанія на спеціальную литературу предмета. Для тѣхъ, кто не прослушалъ спеціальнаго курса санскрита, необязательнаго для словесниковъ и классиковъ, могутъ оказаться полезными дополнительныя справки въ учебникѣ санскрита (Ф. И. Кнауэръ, «Учебникъ санскритскаго языка», 1908). Для нихъ же прежде всего предназначены тѣ разъясненія, которыя содержитъ 3-й отдѣлъ введенія на стр. 5, а также таблицы основныхъ образцовъ образованія формъ отдѣльныхъ словъ въ древнеиндійскомъ языкѣ, помѣщенныя въ приложеніи къ морфологіи.

2. Индоевропейскій праязыкъ.

Сравнительноисторическое изслѣдованіе всѣхъ отдѣльныхъ вѣтвей индоевропейской семьи языковъ открываетъ намъ ту эпоху въ ихъ жизни, когда они составляли еще одно цѣлое, одинъ индоевропейскій праязыкъ. Эта эпоха относится по времени своего существованія къ тому моменту, который не оставилъ послѣ себя никакихъ письменныхъ слѣдовъ: письменность появляется у народовъ, являющихся носителями индоевропейскихъ языковъ, въ различные хронологическіе моменты, у однихъ раньше, у

другихъ позже, но и у древнѣйшихъ въ этомъ отношеніи племенъ, у древнихъ индусовъ и грековъ, она возникла уже въ тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ застаетъ ихъ исторія, и, какъ можно думать, довольно много времени спустя послѣ окончательнаго распаденія индоевропейскаго праязыка. Такимъ образомъ, этотъ послѣдній мы знаемъ не по какимъ-либо письменнымъ источникамъ, а по тѣмъ даннымъ, которыя мы получаемъ, подвергая сравнительноисторическому изученію отдѣльныя вѣтви, образовавшіяся вслѣдствіе распаденія общаго ихъ предка, т.-е., другими словами, мы возстанавливаемъ, реконструируемъ индоевропейскій праязыкъ путемъ сравнительнаго изслѣдованія его потомковъ. Результатъ, который оказывается при этомъ на лицо, не есть только продуктъ игры ума, не есть безполезное, хотя и блестящее, созданіе нашей пытливости, напротивъ, онъ обладаетъ всѣми признаками, какими отличаются научныя реконструкціи вообще, даже превосходя большинство ихъ абсолютною точностью. Дѣло въ томъ, что правильное примѣненіе сравнительноисторическаго метода, при условіи правильнаго различенія тѣхъ процессовъ, которые происходятъ въ физической сторонѣ языка, и тѣхъ явленій, которыя существуютъ въ его внутренней, психической сторонѣ, позволяетъ намъ открывать прошлое языка и съ большою точностью возсоздавать тотъ путь, которымъ шло его измѣненіе. Вѣдь исторія языка и состоитъ въ томъ, что въ теченіе его существованія отдѣльные моменты связаны закономѣрно съ эпохою непосредственно предшествующею и непосредственно слѣдующею, слѣдовательно, зная два или бо́льшее количество родственныхъ языковъ, образовавшихся изъ общаго праязыка, мы путемъ сравнительнаго ихъ изученія можемъ реконструировать этотъ послѣдній. Равнымъ образомъ, зная, напримѣръ, по письменнымъ памятникамъ нѣсколько хронологически послѣдовательныхъ моментовъ въ жизни извѣстнаго языка, мы, опять-таки при условіи правильнаго примѣненія сравнительнаго метода, раскрываемъ тотъ путь, которымъ шло измѣненіе языка въ этихъ предѣлахъ. Сущность и свойства лингвистическихъ методовъ остаются тѣми же самыми, беремъ ли мы эпохи, оставившія послѣ себя письменные слѣды, или тѣ періоды, отъ которыхъ такихъ слѣдовъ нѣтъ, а которые познаются путемъ сопоставленія отдѣльныхъ лингвистическихъ единицъ, потомковъ такихъ моментовъ, остается, слѣдовательно, та же самая достовѣрность выводовъ и результатовъ научной работы. Въ одномъ отношеніи изслѣдователь, работающій въ области письменной традиціи, обреченъ даже на нѣкоторую невыгоду своего положенія, именно онъ долженъ всемѣрно заботиться о томъ, чтобы за письменной передачей, нерѣдко весьма несовершенной, не проглядѣть живыхъ фактовъ самого языка.

Признавая, такимъ образомъ, за нашей реконструкціей индоевропейскаго праязыка объективное значеніе, мы тѣмъ не менѣе должны сдѣлать нѣкоторую оговорку, вытекающую опять-таки только изъ самой сущности матеріала, которымъ мы располагаемъ, а не изъ свойствъ самого лингвистическаго метода. Именно, индоевропейскій праязыкъ мы знаемъ непосредственно, на основаніи сравнительнаго изученія его потомковъ, только въ такъ называемую эпоху его распаденія, т.-е. въ послѣдніе моменты его существованія, непосредственно предшествовавшіе его распаденію на от-

дѣльныя вѣтви. Въ глубь исторіи самого праязыка нашей семьи языковъ, несомнѣнно имѣвшаго за собою длинное прошлое, мы проникнуть вообще не можемъ, такъ какъ пока у насъ нѣтъ матеріала для дальнѣйшаго приложенія сравнительнаго метода по той причинѣ, что мы не знаемъ никакой другой однородной величины, съ которой можно бы сопоставить индоевропейскій праязыкъ, т.-е. не знаемъ никакого другого языка, который вмѣстѣ съ нимъ образовался бы изъ общаго, болѣе древняго источника. Конечно, нѣкоторые отдѣльные факты индоевропейскаго праязыка (это мы увидимъ впослѣдствіи) представляютъ такія соотношенія, которыя могутъ наводить насъ на болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія объ ихъ связи по происхожденію, т.-е. о болѣе древнемъ и болѣе первоначальномъ ихъ видѣ, но тѣмъ не менѣе прошлое нашего праязыка во всей совокупности его фактовъ остается для насъ закрытымъ. Итакъ, съ одной стороны, мы не можемъ идти въ глубь дальше эпохи его распаденія, но, съ другой стороны, эта послѣдняя пока не можетъ быть опредѣлена нами, такъ сказать, въ чистомъ ея видѣ, т.-е. у насъ нѣтъ пока достаточныхъ матеріаловъ для сужденія о томъ, насколько въ отдѣльныхъ пунктахъ ушло впередъ діалектическое расщепленіе праязыка въ моментъ, предшествовавшій окончательному его распаденію.

Всякій вѣдь живой языкъ, какъ извѣстно, распадается на діалекты въ связи съ дѣленіями въ томъ или другомъ отношеніи на группы самихъ людей, которымъ принадлежитъ данный языкъ. Углубленіе границъ между отдѣльными группами сопровождается бо́льшимъ съ теченіемъ времени расхожденіемъ ихъ діалектовъ. Для эпохи распаденія праязыка мы устанавливаемъ тотъ общій звуковой, морфологическій и т. д. фондъ, съ которымъ отдѣльныя вѣтви вступаютъ въ жизнь, и намѣчаемъ извѣстныя діалектическія группировки въ общемъ этомъ фондѣ, но вообще мы не въ состояніи сказать, насколько этотъ общій фондъ успѣлъ измѣниться въ діалектахъ самого праязыка, насколько быстро шло дальнѣйшее его видоизмѣненіе въ древнѣйшіе періоды жизни отдѣльныхъ вѣтвей, и какъ долго отдѣльныя вѣтви сохраняли отдѣльныя черты въ старомъ ихъ видѣ. Конечно, для извѣстныхъ явленій (напр., для такъ называемаго общегерманскаго передвиженія согласныхъ) намѣчаются извѣстныя относительныя и даже абсолютныя хронологическія рамки, но въ общемъ мы здѣсь пока не знаемъ слишкомъ многаго. Такимъ образомъ, мы не въ состояніи сказать, дѣйствительно ли на всемъ протяженіи территоріи индоевропейскаго праязыка существовали всѣ опредѣляемые для эпохи распаденія факты въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мы ихъ возстановляемъ. Наша реконструкція соединяетъ въ одну картину факты, существовавшіе въ праязыкѣ, можетъ быть, не вездѣ въ одинъ и тотъ же моментъ въ томъ самомъ видѣ, на какой мы извлекаемъ указанія изъ сравнительнаго изученія отдѣльныхъ вѣтвей. Индоевропейскій праязыкъ не есть фикція, не есть, съ другой стороны, только рабочая гипотеза, онъ—реальная величина, но величина, не уложенная еще вполнѣ въ надлежащія хронологическія и діалектическія рамки.

Равнымъ образомъ, мы не знаемъ точно, какимъ путемъ шло распаденіе индоевропейскаго праязыка, гдѣ именно была его родина, и какія этническія группы были первоначальнымъ его носителемъ. Можно даже

думать, опираясь на выводы антропологіи о наличности смѣшанныхъ расъ въ Европѣ въ очень древнее время (уже въ ледниковый и послѣледниковый періоды), что и индоевропейцы эпохи распаденія своего праязыка не были въ этомъ отношеніи однороднымъ цѣлымъ. Съ распространеніемъ же ихъ за предѣлы первоначальной родины, гдѣ бы она ни лежала, они несомнѣнно передали свои языки цѣлому ряду другихъ этническихъ единицъ. Что касается вопроса объ общемъ уровнѣ матеріальной и духовной культуры, достигнутомъ до окончательнаго распаденія индоевропейскаго праязыка, то мы, несмотря на различныя затрудненія, все же можемъ составить довольно полное представленіе объ этомъ предметѣ. Не входя здѣсь въ подробности, отсылаю къ послѣдней главѣ моего «Введенія», гдѣ содержится обзоръ всѣхъ затронутыхъ теперь проблемъ.

3. Транскрипція звуковъ древнеиндійскаго языка.

Гласныя слоговыя: a, ā, i, ī, u, ū, ē, ō.

Дифтонги: ai, au.

Буква y обозначаетъ i̯, т.-е. i неслоговое, а буква v обозначаетъ старое u̯, ставшее рано согласнымъ фрикативнымъ звукомъ зубногубного класса.

Носовое свойство гласныхъ тамъ, гдѣ это были дѣйствительно носовыя гласныя (см. въ фонетикѣ), обозначаемъ по способу польскаго письма: ą (a носовое, не o носовое, какъ въ польской азбукѣ), i̯, u̯ и т. д.

Сонорныя согласныя: 1) плавныя: r, l; слоговое свойство плавныхъ сонорныхъ согласныхъ обозначается слѣдующимъ образомъ: r̥, l̥ (долгота слоговой плавной обозначается обычнымъ способомъ).

2) Носовыя: n зубное, n̂ задненебное, ń мягкое передненебное n, n̥ церебральное n (см. ниже о церебральныхъ согласныхъ), m.

Шумныя согласныя. Общія замѣчанія: 1) придыхательное свойство согласныхъ обозначается написаніемъ буквы h за буквою, обозначающею данную согласную какъ непридыхательную: kh есть k придыхательное и т. д. 2) церебральныя согласныя небнозубного класса (т.-е. переднебныя согласныя, образующіяся съ загибомъ кончика языка назадъ) обозначаются написаніемъ точки подъ буквою, обозначающею соотвѣтственную небнозубную согласную не церебральную, напримѣръ, ṭ обозначаетъ t церебральное.

Задненебныя взрывныя непридыхательныя и придыхательныя: k, kh, g, gh.

Небнозубныя взрывныя непридыхательныя и придыхательныя (post-dentales): t, th, d, dh.

Небнозубныя церебральныя взрывныя непридыхательныя и придыхательныя: ṭ, ṭh, ḍ, ḍh.

Аффрикаты: c, ch (непридыхательное и придыхательное мягкое tš, ср. русское непридыхательное мягкое ч), j, jh (непридыхательное и придыхательное мягкое dž, ср. итальянское непридыхательное dž въ giorno).

Губныя взрывныя непридыхательныя и придыхательныя: p, ph, b, bh.

Фрикативная небнозубная глухая s; фрикативная церебральная глухая ṣ (условно можно произносить русское ш), тогда какъ буква ç обозначаетъ мягкое небное š (условно можемъ произносить шь).

Буква ḫ обозначаетъ фрикативную глухую гортанную согласную, т.-е. такъ называемое придыханіе, тогда какъ буква h обозначаетъ не этотъ звукъ латинскаго h, а звонкую (или, можетъ быть, полузвонкую) фрикативную согласную гортаннаго ряда.

Примѣчаніе. 1) Ударепіе обозначено въ дальнѣйшемъ изложеніи только тамъ, гдѣ его мѣсто извѣстно намъ изъ акцентуированныхъ текстовъ. 2) Склоняемыя слова приводятся, если это не оговорено, въ формѣ им. ед., при чемъ окончаніе самого падежа отдѣляется тире, напримѣръ, áçva—s «конь», pāt «нога», mánas «умъ, мысль» (послѣднее слово представляетъ основу ср. р. на дринд. as (индоевр. os — es), ср. греческія основы типа γένος. Глаголы, поскольку не даются только корни, приводятся въ формѣ 3-го л. наст. вр., при чемъ личное окончаніе отдѣляется тире, напр., bhára—ti «несетъ» и т. д.; 3) гдѣ былъ нѣкогда звукъ s, подвергшійся въ окончаніи словъ извѣстнымъ измѣненіямъ при тѣсномъ сочетаніи словъ въ рѣчи (см. фонетику) и являющійся въ абсолютномъ концѣ слова какъ придыханіе (ḫ), согласно съ принятымъ въ лингвистической литературѣ обычаемъ, дается вездѣ s, послѣ же i, u, ē, ō мы пишемъ ṣ (см. фонетику), напр., áçva—s «конь», но agní—ṣ «огонь».

4. Транскрипція звуковъ общеславянскаго языка.

Слова общеславянскаго языка въ томъ ихъ звуковомъ видѣ, который мы опредѣляемъ на основаніи показанія сравнительнаго изученія славянскихъ языковъ и сопоставленія ихъ съ другими индоевропейскими языками, передаются буквами латинскаго алфавита, при чемъ, кромѣ обычныхъ знаковъ этой азбуки въ обычномъ ихъ значеніи, за исключеніемъ буквы y, которой передаютъ звукъ ы, пользуются знаками ǫ, ę, į, ų для передачи соотвѣтственныхъ носовыхъ гласныхъ; общеславянскія ирраціональныя гласныя, образовавшіяся изъ краткихъ i и u, обозначаютъ или этими буквами съ знакомъ краткости, или кирилловскими буквами ъ и ь, что по многимъ соображеніямъ удобнѣе; то звуковое сочетаніе, изъ котораго получилось старославянское ѣ, мы условно будемъ обозначать соотвѣтственной кирилловской буквой. Что касается согласныхъ, то знаки č и ž обозначаютъ звуки ч и ж, а буква š—звукъ ш. Буква c всюду обозначаетъ звукъ ц, а общеславянская глухая фрикативная задненебнаго класса передается написаніемъ ch.

ФОНЕТИКА.

1. Гласныя и сонорныя согласныя индоевропейскаго праязыка.

Въ индоевропейскомъ праязыкѣ были слѣдующія отдѣльныя гласныя: e, o, a, ē, ō, ā, i, u, ī, ū, такъ называемая неопредѣленная гласная, качество которой не можетъ быть нами точно опредѣлено, и которую мы условно называемъ поэтому неопредѣленной; по количеству она была гласной краткой; условное ея обозначеніе — ə; ирраціональная гласная (или, точнѣе, гласныя), обозначаемая условно греческою буквою α; эта послѣдняя гласная была извѣстна въ эпоху распаденія по преимуществу въ неслоговомъ употребленіи (a̯) въ сочетаніи съ слоговою плавною и носовою. Гласныя i и u извѣстны были также и въ неслоговомъ употребленіи (i̯ и u̯).

Въ долгихъ гласныхъ различались въ эпоху распаденія индоевропейскаго праязыка два качества долготы: одна, при которой гласная распадалась на части въ томъ или другомъ отношеніи, Ф. Ѳ. Фортунатовымъ называется прерывистой, другая, при которой такого распаденія не было, называется имъ длительной. Этотъ второй видъ долготы существовалъ въ бо́льшемъ количествѣ случаевъ сравнительно съ долготой прерывистой, которая существовала преимущественно тамъ, гдѣ сама долгота гласной образовалась путемъ стяженія двухъ гласныхъ; о случаяхъ другого рода, въ которыхъ прерывистая долгота получалась изъ длительной, я буду говорить ниже.

Сонорныя согласныя: 1) плавныя: r, l и неопредѣленная плавная, какъ ее называетъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ (или извѣстный видъ r, или извѣстный видъ l); ея условное обозначеніе—греческая буква λ; 2) носовыя: небнозубное n, задненебное n̂, средненебное n̂̆ и губная носовая m. Слоговое свойство согласныхъ обозначается кружкомъ подъ соотвѣтственною буквою: r̥, l̥, n̥ и т. д. Долгота обозначается обычнымъ знакомъ.

Точное опредѣленіе способа образованія указанныхъ звуковъ въ эпоху индоевропейскаго праязыка намъ пока недоступно,—мы можемъ установить лишь въ общихъ чертахъ принадлежность того или другого звука къ тому или другому классу, при чемъ мы должны считаться также съ возможностью діалектическихъ различій въ самомъ праязыкѣ, а также съ нѣкоторою расплывчатостью нашихъ хронологическихъ рамокъ (см. выше стр. 4). Дальнѣйшія свѣдѣнія о звукахъ праязыка см. въ соотвѣтствен-

ныхъ отдѣлахъ, гдѣ излагается исторія данныхъ звуковъ индоевропейскаго праязыка въ древнеиндійскомъ, греческомъ, латинскомъ и старославянскомъ языкахъ.

2. Исторія индоевропейскихъ e, o, a краткихъ.

Въ краткой гласной o мы должны различать два звука: 1) o, чередовавшееся съ e (т.-е. въ одномъ и томъ же корнѣ или въ одномъ и томъ же суффиксѣ въ извѣстныхъ образованіяхъ являлось o, въ другихъ образованіяхъ—e) и, надо думать, имѣвшее общее съ нимъ происхожденіе, именно развившееся при извѣстныхъ условіяхъ въ самомъ праязыкѣ раньше эпохи его распаденія изъ какой-то другой гласной, которая при другихъ условіяхъ давала e. Открыть эти условія для насъ пока трудно, такъ какъ къ эпохѣ распаденія старое соотношеніе между o и e было уже нарушено вліяніемъ аналогіи; 2) такое o, которое не было въ чередованіи съ e и которое, надо думать, было другого происхожденія сравнительно съ o перваго рода. Гласная o, чередовавшаяся съ e, обозначается нами или просто буквою o, или тамъ, гдѣ это нужно особо обозначить, буквою o_1, гласная же o, не чередовавшееся съ e, всегда обозначается нами написаніемъ o_2.

Краткія гласныя «e, o_2, a» еще въ индоиранскую эпоху совпали въ одномъ a, откуда и древнеинд. a, тогда какъ o_1 дало здѣсь ā, откуда и древнеинд. ā, въ открытомъ слогѣ не въ концѣ слова, при другомъ фонетическомъ положеніи отсюда получилось тоже a *).

Въ греческомъ яз. e, o обоихъ видовъ и a дали ε, ο, α; въ аттическомъ нарѣчіи ε и ο были закрытыми гласными, т.-е. гласными близкими къ i и u.

Въ латинскомъ яз. мы находимъ соотвѣтственно e, o, a съ ихъ дальнѣйшими фонетическими измѣненіями, о которыхъ см. ниже.

Въ старославянскомъ языкѣ изъ индоевроп. e мы находимъ **є**, а изъ индоевроп. o и a гласную **о**; совпаденіе o и a въ одной гласной произошло еще въ балтійскославянскомъ языкѣ. О дальнѣйшихъ измѣненіяхъ этихъ гласныхъ при особыхъ условіяхъ въ общеславянскую эпоху смотр. ниже.

---

*) Изложенный выше законъ объ измѣненіи индоевроп. o_1 въ индоиранскую эпоху, называемый по имени ученаго, его открывшаго, закономъ Бругмана, вызвалъ много возраженій, и самъ Бругманъ въ настоящее время не рѣшается защищать его въ полномъ объемѣ, но я продолжаю думать, что первоначальная точка зрѣнія Бругмана справедлива. Можно было бы, правда, считать древнеинд. ā указаннаго происхожденія старою долгою гласною, что и принимали нѣкоторые ученые, не соглашавшіеся съ названнымъ ученымъ и ему возражавшіе. Такъ какъ, однако, съ другой стороны, ясно, что для части случаевъ никакъ нельзя подыскать сколько-нибудь достовѣрныхъ указаній на долгія гласныя, то скептикамъ приходится поэтому отказаться отъ такого скепсиса по отношенію къ закону Бругмана и слѣдовать примѣру Kleinhans'a и Pedersen'a (ср. статью послѣдняго въ Zeitschrift für vergl. Sprachf. XXXVI, p. 86 sq.), которые допускаютъ удлиненіе всякаго стараго o передъ плавной и носовой въ открытомъ слогѣ не въ концѣ слова, что не спасаетъ ихъ отрицательнаго отношенія къ закону Бругмана, такъ какъ приходится оперировать съ цѣлымъ рядомъ сомнительныхъ аналогій. Противъ закона Бругмана могло бы рѣшительно гсворить только одно дринд. kaŧará-s „который“, но здѣсь 1-ое a изъ индоевроп. α (см. ниже).

Примѣчаніе. Относительно древнеинд. яз. нужно замѣтить, что передъ тѣмъ a, которое изъ стараго e, мы находимъ фонетически не k и g, а c и j; смягченіе k и g произошло въ индоиранскую эпоху еще до того времени, какъ e утратило свой характеръ гласной передненебнаго ряда; такое же смягченіе произошло и передъ i. Понятно, въ древнеинд. яз. фонетическое соотношеніе между k и c, g и j нерѣдко является нарушеннымъ дѣйствіемъ аналогіи.

Примѣры: 1) индоевр. e: греч. ἔστι, ἐστί, лат. est, стсл. **ѥсть**, дринд. ásti; греч. φέρω, лат. ferō, стсл. **берѫ** — 3 лицо ед. ч. **береть** и **беретъ**, дринд. bhárati «несетъ»; греч. γένεος, γένους, изъ * γένεσος, лат. generis, греч. νέφεος, νέφους изъ * νέφεσος; дринд. nábhasas, при имен. nábhas «туманъ, облако, небо» (ср. греч. νέφος); въ суффиксѣ такихъ именъ въ индоевр. яз. было es, чередовавшееся съ os.

2) Индоевр. o, чередовавшееся съ e, въ окончаніи основъ именъ и мѣстоименій муж. и ср. р.: греч. ἵππος, ἵππον, древнелат. equos, equom, дринд. áçva-s áçva-m «конь, коня (вин. ед.)»; въ стсл. сюда принадлежатъ имена типа **рабъ**, гдѣ **ъ** въ им. ед. и вин. ед. образовался еще въ общеслав. яз. изъ -os, -om; греч. τό, лат. quod, стсл. **то**, дринд. tad; (ср. зват. форму греч. ἵππε, лат. eque, дринд. áçva, стсл. **рабе**); греч. ὄχος изъ ϝόχος ср. тожественное стсл. **возъ**, дринд. vāhá-s, «тотъ, кто везетъ, упряжное животное», гдѣ ā изъ индоевр. o_1, чередовавшагося съ e, при положеніи въ открытомъ слогѣ, т.-е. передъ одною согласной, не въ концѣ слова; въ именахъ ср. р. ср. o_1 въ окончаніи такихъ основъ, какъ дринд. yugá-m «ярмо», греч. ζυγόν, дрлат. jugom, стсл. **иго**, гдѣ **о** вм. ожидаемаго **ъ** изъ— om подъ вліяніемъ мѣстоименій ср. р. ср. **то**, гдѣ конечное d отпало еще въ балтійскослав. эпоху; греч. φόρος «подать» и φορός «тотъ, кто несетъ», стсл. **съ-боръ**, ср. индоевр. e въ φέρω, ferō, **берѫ**; ср. индоевр. o_1 въ окончаніи глагольныхъ основъ наст. вр. тематич. спряженія въ извѣстныхъ формахъ лица при гласной e во 2, 3 л. ед. и дв. ч. и во 2 м. мн. ч.: дринд. bháranti, bhárāmas (гдѣ ā изъ o), греч. аттич. φέρουσι, дорич. φέροντι дорич. φέρομες, лат. ferunt изъ feront, ferimus (гдѣ i изъ o_1, см. ниже), стсл. **берѫть-ѫтъ**, гдѣ носовая гласная въ общеслав. яз. изъ on, тогда какъ **беремъ** имѣетъ e нефонетическаго происхожденія подъ вліяніемъ того, что глаголы типовъ—**пишемъ**, **дѣлаѥмъ** и т. д. получили e изъ o послѣ мягкой согласной въ самомъ общеслав. яз. (см. ниже), а, съ другой стороны, ср. дринд. bháratha, 2-ое л. мн. ч., греч. φέρετε, лат. legitis, стсл. **берете**.

3) Индоевр. o_2, не чередовавшееся съ e: дринд. ávi-s, лат. ovis, греч. ὄις изъ ὄϝις, стсл. **овьца**; греч. ὀκτώ, лат. octō, позднее octo, стсл. **осмь**, дринд. aṣṭáu, вед. aṣṭā́; дринд. páti-s «господинъ», «мужъ», греч. πόσις.

4) Индоевр. a: греч. ἄξων, лат. axis, стсл. **ось**, дринд. ákṣa-s; греч. ἄγω, лат. agō, дринд. ájāmi; дринд. ájra-s «выгонъ», греч. ἀγρός, лат. áger.

Примѣры для дринд. c и j передъ a изъ e: дринд. ca «и», лат. que, греч. τέ (лат. qu и греч. τ, здѣсь изъ k лабіализованнаго); отъ глагольнаго корня kar «дѣлать» 3-ье л. ед. ч. perf. cakā́ra, отъ глагольнаго корня gam «идти» та же форма jagā́ma; ср. греч. ε въ слогѣ удвоенія въ perf.; съ этимъ сопоставьте c и j передъ i: дринд. cid—энклитика, по происхожденію ср. р. мѣстоименія = лат. quid, греч. τί изъ *τιδ, ср. стсл.

ъь-то; дринд. jivá-s «живой», лат. vīvus, гдѣ v изъ g лабіализованнаго, стсл. **живъ**, гдѣ **ж** еще въ общеслав. языкѣ образовалось изъ g передъ мягкой гласной ī.

Измѣненія индоевр. e, o, a въ латинскомъ и общеславянскомъ языкахъ подъ вліяніемъ различныхъ фонетическихъ условій.

I. Въ латинскомъ языкѣ мы находимъ слѣдующія измѣненія гласныхъ e, o, a въ начальномъ слогѣ словъ (старомъ ударяемомъ, см. ниже) подъ вліяніемъ различныхъ фонетическихъ условій *).

1) Изъ e еще въ общеиталійскую эпоху явилось o передъ u неслоговымъ, обратившимся позже въ v, напр., novos изъ *nevos, ср. греч. νέος изъ νέϝος; древнелат. tovos, sovos, ср. греч. τεός, ἑός (лат. tuos, suos получились фонетически, въ положеніи безъ ударенія) лат. novem, ср. греч. ἐννέα, ἕνατος изъ ἔνϝατος.

2) Группа sue дала лат. so въ началѣ словъ, передъ согласною, напр., дринд. svásā, лат. soror, ср. греч. ἔορ (зв. ед.) у Гезихія (= θυγάτηρ, ἀνεψιός); sonit, дринд. svána-ti «звучитъ». Начальное vo- во 2-мъ в. до Р. Х. перешло въ ve- въ положеніи передъ t, s, r вслѣдствіе приспособленія гласнаго звука по условіямъ артикуляціи къ небнозубнымъ слѣдующимъ согласнымъ, votāre-vetāre voster-vester; vorsus-versus и т. п.

3) Гласная e обратилась въ o передъ велярнозубнымъ l, т.-е. передъ l, родственнымъ по природѣ съ русскимъ твердымъ л (а такое лат. l существовало передъ твердыми звуками; l не могло быть велярнозубнымъ передъ небными гласными и тамъ, гдѣ было долгое (двойное) ll). Ср., напр., holus «зелень» при helus, гдѣ e перенесено изъ такихъ формъ, какъ род. heleris, гдѣ l не было велярнозубнымъ (ср. стсл. **зелие**); volvō, ср. греч. ἑλύω; solvō изъ se-luō, oliva, olivom, заимствованныя изъ греч. ἐλαία, ἔλαιον, гдѣ между гласными исчезло u̯ (ϝ), получили o изъ e еще до перехода дифтонга ai въ ī въ слогѣ безъ ударенія, о чемъ см. ниже. Такой же переходъ e мы находимъ передъ c, ср. jocur, jocineris при jecur, jecinoris (первоначальное соотношеніе было jocur, jecinoris), ср. литовское jeknos (им. мн.) «печень»; coquō изъ *quequō, ср. стсл. **пекѫ**, дринд. páca-ti «варитъ»; что касается положенія передъ m, то ср. vomō при греч. ἐμέω; combrētum, ср. лит. szvèndrai (мн. ч.) «тростникъ», гдѣ въ началѣ слова мы имѣемъ co изъ que (com- въ combrētum изъ quem-).

4) Передъ группой задненебная носовая согласная + задненебная взрывная, а въ такомъ положеніи n въ лат. яз. было именно задненебнымъ, гласная e измѣнилась въ i, ср., напр., лат. tingō, tinguō, греч. τέγγω «смачиваю»; in (древнелат. еще en), ср. греч. ἐν, возникло фонетически изъ en передъ задненебными согласными, а затѣмъ было обобщено, ср., напр., inclīnō и далѣе intendō; quinque (а quintus изъ *quinctos), ср. греч. πέντε; въ quinque, какъ и въ ранѣе приведенномъ coquō изъ *quequō, начальное qu замѣнило начальное p нефонетическимъ путемъ подъ вліяніемъ слѣдующаго qu.

*) Не только e, o, a изъ старыхъ e, o, a, но тѣ же гласныя и всякаго другого происхожденія (см. ниже въ отдѣлахъ о неопредѣленной и ирраціональной гласной) имѣли въ латинскомъ языкѣ общую судьбу.

5) Гласная o измѣнилась въ u передъ n задненебнымъ, напр., лат. uncus, греч. ὄγκος «крюкъ»; unguis, ср. греч. ὄνυξ, далѣе мы находимъ u изъ o передъ mb, напр., umbō «выпуклость на срединѣ щита», umbilīcus «пупъ», ср. греч. ὀμφαλός. Ср. дальше numerus — греч. νόμος, umerus— греч. ὦμος дринд. ąsa-s «плечо» (съ удареніемъ на 1-мъ слогѣ). Съ другой стороны, мы имѣемъ, напр., longus, ср. нѣм. lang, гдѣ a изъ стараго o; domus, ср. греч. δόμος. Итакъ, для насъ остаются не вполнѣ ясными тѣ условія, при которыхъ o или переходило въ u, или оставалось передъ указанными выше согласными.

6) Гласная o перешла въ u передъ l + согласныя (но не передъ ll), ср. sulcus «борозда» съ греч. ὀλκός, ἕλκω «тяну»; culmen «вершина», но collis (изъ *colnis, ср. литовское kálnas «гора»), ср. греч. κολώνη «холмъ».

7) Измѣненіе стараго e въ i происходило подъ вліяніемъ i, ī слѣдующаго слога, если между e и i стояла звонкая или сонорная согласная или придыханіе h, ср. milium, «просо», греч. μελίνη; cinis изъ *cenis съ старымъ e, ср. греч. κόνις съ o; vigil изъ *vegil, ср. нѣм. wachen съ старымъ o; mihi изъ *mehei, но, напр., brevis, levis, heri изъ *hesi, ср. hesternus; veniō и т. п. примѣры объясняются тѣмъ, что i передъ гласной въ живомъ языкѣ было i̯. При o въ слѣдующемъ слогѣ гласная e переходила въ томъ же положеніи въ o, ср. bonus изъ древняго duenos, homō при древнелат. hemō.

8) Въ слогахъ безъ ударенія гласныя e, o, a подверглись слѣдующимъ измѣненіямъ въ качествѣ звука, при чемъ нужно имѣть въ виду, что въ древнѣйшую эпоху жизни латинскаго языка сохранялось еще общеиталійское мѣсто ударенія на начальномъ слогѣ словъ, позже здѣсь установился въ литературномъ нарѣчіи законъ, по которому удареніе падало или на второй, или на третій слогъ отъ конца (послѣднее при краткости второго слога). Такимъ образомъ, напр., ádigō имѣетъ удареніе на начальномъ слогѣ и по позднѣйшему закону, тогда какъ conficiō изъ *cónficiō. То, что въ древнѣйшее время въ латинскомъ языкѣ удареніе падало на начальный слогъ, видно изъ тѣхъ измѣненій въ гласныхъ, которыя происходили здѣсь въ слогахъ неначальныхъ; имъ подлежали и древнѣйшія заимствованія изъ греческаго (примѣры см. ниже).

Въ старомъ неударяемомъ (неконечномъ) слогѣ гласныя o и a за исключеніемъ o, сохранившагося передъ r (напр., o въ temporis), обратились въ латинскомъ языкѣ сперва въ e, которое совпало со старымъ e (изъ индоевр. e), а затѣмъ e различнаго происхожденія въ такомъ положеніи въ открытомъ слогѣ, но не передъ r, не передъ губной согласной и не передъ велярнозубнымъ l, а также и не послѣ i перешло въ i, напр., obsidet, ср. sedet; agite ср. греч. ἄγετε; novitas, ср. греч. νεότης; adigō, ср. agō. Передъ r и послѣ i гласная e различнаго происхожденія въ такомъ положеніи сохранялась, напр., generis (съ старымъ e), pereī̆ къ pariō (съ e изъ a), societas (здѣсь e изъ o, ср. novitas), а передъ губными согласными она измѣнилась въ гласную промежуточную между u и i (звукъ ряда ü), которая передавалась буквами u и i; изъ этого ü при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ получалось i (напр., передъ i въ слѣдующемъ слогѣ) и u; ср. accipiō, optumus—optimus, possumus, volumus, mi-

nimus, legimus и т. д.; тотъ же звукъ получался и изъ u въ слогѣ безъ ударенія передъ губными, ср. inclutus, inclitus (греч. κλύω), lacruma, lacrima (греч. δάκρυ).

Передъ велярнозубнымъ l гласная e перешла въ результатѣ въ u, ср. exsulō «живу въ изгнаніи» (1-го спряженія), древнелат. exsolō при простомъ глаголѣ saliō «прыгаю», ср. при другихъ фонетическихъ условіяхъ exsiliō «выскакиваю». Гласная o въ неконечномъ закрытомъ слогѣ безъ ударенія измѣнилась въ u, напр., euntem, ср. греч. ἰόντα. Гласная e, получившаяся изъ гласной a въ неконечномъ закрытомъ слогѣ безъ ударенія сохранилась, напр., imberbis при barba, fefellī при fallō; старое e въ такомъ положеніи, понятно, сохранилось, напр., scelestus, но передъ l + согл. изъ стараго и новаго l мы находимъ u, ср. perculsus при percellō, exsultō при saltō; передъ n + задненебныя согласныя мы находимъ i, ср. attingō при tangō.

Въ конечномъ слогѣ передъ s, t, d гласная e въ лат. яз. въ III в. является измѣненной въ i, напр., vehis, vehit, стсл. **вєзєтъ, вєзєть, вєзєшн**; Veneris род. ед., древнелат. Veneres. Гласная o въ конечномъ закрытомъ слогѣ измѣнилась въ лат. яз. уже въ III в. до Р. Х. въ u, напр., genus изъ genos, filius изъ filios, но послѣ u и u̯ (v) o сохранялось въ классическую эпоху, напр., novos, equos, suos, отсюда съ теченіемъ времени появились novus, suus, ecus, а въ императорскую эпоху и equus съ qu, извлеченнымъ изъ косвенныхъ падежей (equī и т. д.).

Кромѣ разсмотрѣнныхъ выше явленій, происходившихъ въ слогѣ безъ ударенія и состоявшихъ въ общемъ въ измѣненіи качества краткой гласной, мы встрѣчаемся въ латинскомъ яз. съ полной утратой гласной слога, слѣдующаго за удареніемъ. Не всѣ условія этого явленія выяснены наукою, такъ какъ первоначальное соотношеніе фактовъ сильно затемнено цѣлымъ рядомъ новообразованій по аналогіи. Что касается наличности дублетовъ типа caldus—calidus «теплый, горячій» (съ утратой гласной и ея сохраненіемъ), то она, по весьма вѣроятному предположенію, сводится къ различіямъ въ темпѣ рѣчи. Эти различія въ связи съ различіемъ между живой разговорной рѣчью и традиціоннымъ литературнымъ языкомъ, богатымъ архаизмами, въ особенности въ формулахъ, съ своей стороны усложняютъ дѣло изслѣдованія условій, при которыхъ происходила утрата краткой гласной слога, слѣдующаго за удареніемъ. Замѣчу еще, что языкъ осковъ также имѣетъ рядъ случаевъ, гдѣ исчезла гласная въ такомъ фонетическомъ положеніи. Примѣры: ulna «локоть» изъ *olenā, ср. греч. ὠλένη съ старымъ ō; suprā, extrā изъ *superā(d), *exterā(d), ср. superus, exterus; dexter изъ *dexiteros, ср. δεξιτερός; quindecim изъ *quinqdecem, *quinquedecem; surgō изъ *surregō. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ исчезавшей гласной предшествовали i̯ и u̯ послѣ согласной, они получали слоговое свойство, а плавныя и носовыя въ такомъ положеніи становились слоговыми, и въ результатѣ передъ ними развивалась новая гласная, въ связи съ чѣмъ они теряли слоговое свойство. Примѣры: conicīō, obicīō изъ *conjacīō, *objacīō (conjicīō—новообразованіе подъ вліяніемъ простого глагола); concutiō изъ *conquatiō; sacerdos изъ *sacrodōs; paternus изъ *patrinos; sigillum изъ *signolom.

Что касается положенія подъ удареніемъ, то гласная i исчезла передъ согласной послѣ r, которому предшествовала согласная, ср. testis изъ *tristis, собственно, значитъ, «третейскій судья»; ter, ср. греч. τρίς, cernō изъ *crinō, ср. греч. κρίνω (съ ι долгимъ) изъ *κριν̯ιω̯.

Въ извѣстныхъ случаяхъ новая гласная развивалась между согласной и плавной и въ такихъ словахъ, гдѣ не происходило никакой утраты гласной слѣдующаго слова; ср. заимствованное изъ греч. μνᾶ лат. mina; facilis изъ *fac-lis; vehiculum, piāculum изъ vehiclom, piāclom, гдѣ старый индоевроп. суффиксъ tlo, подвергшійся еще въ общеиталійскую эпоху измѣненію въ clo; съ такими именами съ первоначальнымъ инструментальнымъ значеніемъ и старымъ tlo смѣшались старыя уменьшительныя образованія типа porculus изъ *porcelos, гдѣ старое —celo—; у Плавта обѣ эти категоріи различаются еще въ достаточной мѣрѣ.

Въ конечномъ слогѣ мы также находимъ утрату краткихъ гласныхъ безъ ударенія, особенно послѣ плавныхъ, при чемъ и здѣсь не вполнѣ ясны для насъ всѣ фонетическія условія; ср. mors изъ mortis (дринд. основа mr̥ti—), fors (дринд. основа bhr̥tí—«доставленіе», «доставленіе пропитанія»), mens, pars—все это основы на i, но рядомъ sitis, panis и т. д.; liber изъ *liberos; ager изъ *agr̥s, *agros; acer изъ *acris и т. д. Въ открытомъ концѣ слова на утрату гласной, вѣроятно, имѣло вліяніе начало слѣдующаго слова при тѣсномъ сочетаніи словъ въ рѣчи, ср. dīc, dūc изъ dīce, dūce, извѣстныхъ въ древней латыни; et, ср. греч. ἔτι; ac и atque и т. д.

Примѣчаніе. При разсмотрѣніи конкретныхъ примѣровъ, подходящихъ подъ дѣйствіе разсмотрѣнныхъ фонетическихъ законовъ, необходимо считаться съ вліяніемъ аналогіи; ср. invocō, arrogō, oppetō и т. д. подъ вліяніемъ простыхъ глаголовъ; integer вм. *intiger подъ вліяніемъ integrī и т. д.; quindecim вм. *quindicem объясняется вліяніемъ decem и далѣе—decimus и т. д. Относительно случаевъ типа alacer, alacris вм. ожидаемыхъ *alicer, *alecris можно сомнѣваться, не имѣло ли вліяніе то обстоятельство, что здѣсь рядомъ стоитъ тоже a; ср. еще segetis вм. *segitis; oportet вм. *opurtet и т. д.

II. Въ старославянскомъ языкѣ вмѣсто **є** передъ **в** безъ послѣдующей мягкой гласной мы находимъ **о**, напр., **новъ**, ср. греч. νέ(ϝ)ος, **слово**, ср. греч. κλέ(ϝ)ος, но **девѧть**. По указаніямъ балтійскихъ яз. это явленіе произошло еще въ балтійскославянскую эпоху.

Въ общеслав. яз. изъ e передъ j получилось i, откуда далѣе діалектическое **ь**, напр., дринд. tráyas, лат. trēs, греч. τρεῖς (общеит. и греч. яз. получили treies; въ греч. яз. послѣ исчезновенія i̯ между гласными два ε слились въ ē закрытое, писавшееся черезъ ει (см. объ этомъ въ отдѣлѣ объ дифтонгахъ); стсл. **трии**, въ діалектахъ **трьи**.

Въ конечномъ закрытомъ слогѣ въ общеслав. языкѣ o измѣнилось въ u, перешедшее дальше въ **ъ**, ср., напр., по окончанію лат. equos (-us), греч. ἵππος, стсл. **рабъ**; лат. equom (-um), греч. ἵππον, стсл. **рабъ**. Стсл. **иго** и т. п. имѣетъ **о** нефонетическаго происхожденія (ср. дринд. yugá-m, греч. ζυγόν, лат. jugom (-um); на слова этого типа оказали вліяніе формы ср. р. мѣстоименій типа **то**, гдѣ конечное d (ср. дринд. tad, греч. τό изъ

*τοδ) отпало еще въ балтійскославянскую эпоху. Нѣкоторые ученые, впрочемъ, думаютъ, что только конечное -om фонетически давало -ъ; въ формѣ именит. на -ъ они видятъ поэтому форму винит., перенесенную въ имен.

Послѣ мягкаго неслогового звука общесл. о измѣнилось въ е; напр., ср. стсл. дат. п. множ. ч. **конѣмъ** съ дат. п. мн. ч. **рабомъ**. Послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ гласныя различнаго качества вообще измѣнялись въ общеслав. яз. въ направленіи къ і, а потому и изъ стараго ъ въ такомъ положеніи получился ь, откуда объясняется соотношеніе **конь** при **рабъ**.

Общеслав. гласныя **о** и **є** съ послѣдующей носовой согласной того же слога, значитъ, безъ послѣдующей гласной обратились въ общесл. яз. въ носовыя гласныя ǫ и ę, откуда стсл. ѫ и ѧ, напр., **нєсѫтъ**, **-ть**, ср. лат. dicont, -unt; **пѧтый**, греч. πέμπτος, въ греч. яз. здѣсь второе π изъ k лабіализованнаго, которое въ πέντε является въ видѣ τ, вслѣдствіе положенія передъ мягкой гласной; въ общеслав. яз. **к** исчезало передъ t фонетически, если не слѣдовала дальше мягкая гласная, поэтому pętyjь фонетически изъ pękt'yjь, въ слав. же pęть эта утрата нефонетическаго происхожденія, мы ждали бы изъ kt передъ мягкой гласной ту группу, которая въ стсл. яз. дала бы **шт**, въ русскомъ ч, ср. стсл. **пєштн** р. печь.

Передъ начальнымъ е развивалась въ общеславянскую эпоху i̯, j (см. въ отдѣлѣ, посвященномъ исторіи i̯), ср. стсл. **ѥсть** и дринд. ás-ti, греч. ἐστί, ἔστι, лат. est.

3. Исторія индоевропейскихъ ē, ō, ā.

Индоевроп. ē, ō, ā совпали въ древнеиндійскомъ ā; по указаніямъ иранскихъ языковъ это явленіе относится еще къ индоиранской эпохѣ. Передъ ā изъ ē старыя k и g фонетически должны являться въ дринд. яз. въ видѣ c и j (ср. выше то, что говорилось объ измѣненіи k и g въ c и j передъ старымъ e).

Въ древнегреческомъ языкѣ ē, ō, ā дали соотвѣтственныя долгія гласныя, при чемъ въ іоническоаттическомъ нарѣчіи изъ ē и ō мы находимъ гласныя, изображавшіяся буквами η, ω; ā здѣсь обратилось въ η, которое въ аттическомъ нарѣчіи частью вновь измѣнилось въ ā (α). Это іоническоаттическое η нѣкогда отличалось отъ общегреческаго η, которое было болѣе закрытымъ звукомъ; объ этомъ свидѣтельствуютъ діалектическія іоническія надписи, пишущія общегреч. η знакомъ Е при знакѣ Н для іонич. η, а также говоритъ объ этомъ переходъ этого η въ аттическомъ нарѣчіи въ α послѣ ρ, ι, ε, υ.

Въ латинскомъ яз. изъ индоевроп. ē, ō, ā мы находимъ ē, ō, ā съ ихъ позднѣйшими фонетическими измѣненіями.

Въ старославянскомъ яз. мы находимъ изъ индоевроп. ē то звуковое сочетаніе, которое въ кирилловскихъ текстахъ писалось буквою ѣ; въ общеслав. яз. это было сочетаніе звуковъ іе одного слога; индоевроп. ō и ā еще въ общеслав. яз. совпали въ одномъ ā, откуда старослав. **а**.

Примѣры: 1) Индоевроп. ē: дринд. глагольный корень dhā «класть, ставить» (á-dhā-m 1-ое л. ед. ч. аориста д. з., dhāsyá-ti 3-е л. ед. ч.

буд. вр. д. з., dádhā-mi 1-ое л. ед. ч. д. з. наст. вр. съ удвоеніемъ), греч. глаг. корень θη, напр., въ τίθημι, ἔθηκα, лат. fēc-ī, стсл. неопред. ф. **дѣ-ти**; лат. sēmen, стсл. **сѣмѧ**; лат. nē, дринд. nā (вед.).

2) Индоевроп. ō: дринд. глагольный корень dā «давать» (á-dā-m, dāsyá-ti, dádā-mi, см. выше корень dhā), греч. глагольный корень δω, напр., въ δίδωμι, въ лат. принадлежитъ сюда по корню dōnum,, ср. стсл. **даръ**, **да-ти**; греч. ζωστός, «опоясанный», ζωστήρ, «поясъ», стсл. **поясъ**, гдѣ **по** приставка; греч. ζ изъ j.

3) Индоевроп. ā: дринд. mātá им. ед. «мать», (основа mātár-), греч. дорич. μάτηρ (съ долгимъ α), іонич. аттич. μήτηρ, лат. māter, стсл. **мати** (см. ниже); дринд. bhrátā им. ед. «братъ» (основа bhrátar-), греч. φράτωρ, φράτηρ (съ долгимъ α), «членъ фратріи»; лат. frāter; стсл. **братръ**, **братъ**, перешедшее въ склоненіе основъ типа **рабъ**.

Примѣчаніе. Примѣры для дринд. с и j передъ ā изъ ē: jāmí— «братній», ср. лат. geminus съ старымъ e; дринд. jāgarti 3-е л. ед. ч. наст. вр. съ интенсивнофреквентативнымъ значеніемъ отъ корня gar, gṛ «бодрствовать».

Измѣненія индоевроп. ē, ō, ā подъ вліяніемъ особыхъ фонетическихъ условій въ греческомъ, латинскомъ и старославянскомъ языкахъ.

I. Въ аттическомъ нарѣчіи измѣненіе іоническоаттической η въ α долгое происходило послѣ ρ, ι, ε, υ; примѣры: χώρα, но τιμη—іонич. χώρη; πράττω—іонич. πρήσσω; καρδία, «сердце»—іонич. κραδίη; γενεά—іонич. γενεή «происхожденіе, родъ», σικύα—іонич. σικύη, «тыква». Противорѣчіе между аттич. κόρη, іонич. κούρη изъ κόρ(ϝ)η, гдѣ исчезло u̯, и аттич. νέα изъ νέ(ϝ)η объясняется тѣмъ, что дѣйствіе ρ на послѣдующее η исчезло ко времени исчезновенія u̯, тогда какъ гласныя ε, ι, υ продолжали оказывать свое дѣйствіе; ср. однородный случай, гдѣ η изъ стяженія ε и α, между которыми исчезло σ: аттич. τριήρη вин. ед. «тріеру», ὄρη им. вин. мн. «горы», но ὑγιᾶ вин. ед. отъ ὑγιής «здоровый», ἐνδεᾶ та же форма отъ ἐνδεής «нуждающійся» и εὐφυᾶ та же форма отъ εὐφυής «статный, стройный». Въ IV в. до Р. Х. встрѣчаются по аналогіи σαφῆ, гдѣ η сохранилось фонетически, ὑγιῆ и т. д.

Въ положеніи передъ η въ іоническоаттич. изъ η получилось α долгое, ср. ἀήρ «воздухъ», іонич. ἠήρ—новообразованіе подъ вліяніемъ ἠέρος и т. д., а въ аттич. обратно ἀέρος есть новообразованіе подъ вліяніемъ ἀήρ.

Что касается гомеровскаго текста, то α вм. η въ такихъ случаяхъ, какъ Ἀτρείδαο, πυλάων, Ἑρμείας и т. д. объясняется какъ эолизмъ.

II. Въ латинскомъ яз. произошло въ широкихъ размѣрахъ сокращеніе старыхъ долгихъ гласныхъ. 1) Сокращалась долгая гласная передъ гласной, если ей не предшествовала гласная, ср. flēō но flēs, spēī но spēs; съ другой стороны diēī. Случаи типа fūimus при fuit у Эннія объясняются тѣмъ, что между двумя гласными, вѣроятно, развивалось неслоговое i̯; ср. еще unīus у старыхъ поэтовъ при unius у поэтовъ классической эпохи; позднѣйшее литературное unīus вызвано вліяніемъ unī.

2) Въ односложныхъ словахъ сокращеніе долгихъ гласныхъ произошло передъ m и t, ср. rem, quam, stet, det, также sit, но stās, dēs, pār, sīs, cūr и т. п.

3) Сокращались долгія гласныя въ концѣ слова при присоединеніи энклитики, сливавшейся съ нимъ въ одно цѣлое, ср. quoque «также» изъ quō + que.

4) Въ открытомъ концѣ словъ неодносложныхъ долгія гласныя сократились въ словахъ съ краткимъ предпослѣднимъ слогомъ, напр., duo изъ duō, но octō; подъ вліяніемъ однихъ случаевъ на другіе происходило при этомъ смѣшеніе долгихъ и краткихъ гласныхъ въ употребленіи, напр., при homo, могло появиться homō подъ вліяніемъ случаевъ, гдѣ не должно было быть фонетическаго сокращенія. Съ другой стороны вм. фонетическаго nēmō появилось nēmo. Въ классической латыни въ этой категоріи случаевъ (им. ед. основъ на n) вообще всюду долгота. Дѣйствіе этого закона о сокращеніи долгихъ гласныхъ, который условно называютъ закономъ сокращенія долготы при ямбическомъ сочетаніи слоговъ, мы можемъ наблюдать въ цѣломъ рядѣ случаевъ въ архаической латыни (въ метрическихъ текстахъ); въ классическую эпоху остались только отдѣльные случаи, какъ duo, bene, male, но octō (при нефонетическомъ octo въ позднемъ языкѣ), longē и т. д., вообще же въ отдѣльныхъ категоріяхъ произошло обобщеніе, хотя колебаніе и не исчезло вполнѣ, напр., въ 1-мъ л. глаголовъ на o мы находимъ частью краткость, но вообще сохранилась долгота.

Въ им. ед. ж. р. мы всюду находимъ только a, что, можетъ быть, вызвано вліяніемъ вин. ед. на am, здѣсь же сокращеніе долгой гласной въ конечномъ слогѣ предъ сонорной согласной; въ им., вин. мн. ч. ср. р. долгота ā, вообще сократившагося, является еще въ trigintā и т. д., изолированныхъ словахъ. Здѣсь—gintā есть по происхожденію им. вин. мн. ч. ср. р. отъ индоевроп. основы ǩm̥t (лат. g вм. ожидаемаго с неяснаго происхожденія) съ суффиксомъ, извлеченнымъ изъ именъ ср. р. 2-го склоненія; ср. греч. -κοντ- въ составѣ числительныхъ 30—90; эта основа въ индоевроп. праязыкѣ была произведена отъ числительнаго 10 (ср. дринд. dáça, гр. δέκα, лат. decem).

5) Думаютъ, что въ закрытыхъ конечныхъ слогахъ сокращеніе фонетически происходило также только въ ямбическомъ сочетаніи слоговъ, а затѣмъ переносилось и на другіе случаи. Такъ объяснялось бы то явленіе, что въ древнемъ языкѣ передъ конечнымъ s долгія гласныя сокращаются при ямбическомъ сочетаніи чаще тамъ, гдѣ не было вліянія другихъ образованій (напр., чаще foras, чѣмъ amās). Въ позднѣйшемъ языкѣ передъ s всюду проведена долгота.

III. Въ концѣ словъ общеслав., старослав. ѣ сохранялось въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ долгота произошла изъ длительной долготы, напр., въ вѣ «мы оба». На старую длительную долготу указываетъ сокращеніе ē въ литовскомъ vèdu—«мы оба» (сложеніе изъ ve + du); общесл. ѣ съ долготой изъ прерывистой долготы переходило въ концѣ словъ въ і, откуда стсл. и, напр. **мати** (основы на r имѣли въ им. ед. въ праязыкѣ тѣ же двѣ формы, что и основы на n, т.-е. съ сонорной согласной и длительной долготой

гласной и безъ согласной, но съ прерывистой долготой гласной, слѣдовательно, слав. **мати** изъ старой формы только на ē съ прерывистой долготой; греч. μήτηρ—старое образованіе на ēr, а дринд. mātá = слав. **мати**, различіе это, образовавшееся въ праязыкѣ путемъ обобщенія одного изъ двухъ фонетическихъ дублетовъ, возникшихъ въ сочетаніи словъ въ рѣчи, было діалектическимъ). Общесл. ē изъ стараго ē еще до распаденія на дифтонгическое сочетаніе iē (ѣ) послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ обратилось въ ā, откуда стсл. **а**, напр., **стоꙗти**, **слышати**, ср. съ такимъ же образованіемъ основы, напр., **горѣти**; ср. также **жаръ** при **горѣти**, **множа** при **сильнѣи**.

Общеслав. ā и ē съ послѣдующею носовою согласною, если дальше не слѣдовала гласная, обратились въ носовыя гласныя ǫ и ę, откуда ст.-сл. **ѫ** и **ѧ**, напр. **рыбѫ** (ср. греч. χώραν), ст.-сл. **мѧ** (ср. дринд. mām «меня»).

Въ стсл. языкѣ въ нѣкоторыхъ діалектахъ, гдѣ **ѣ** отличалось отъ **ꙗ**, изъ **ѣ** въ началѣ слова получалось **ꙗ**, напр. **ꙗмь** при болѣе древнемъ **ѣмь**.

4. Индоевропейскія ē, ō, ā изъ стяженія гласныхъ.

Общеиндоевроп. ē, ō, ā получились въ извѣстныхъ случаяхъ изъ соединенія въ словѣ двухъ краткихъ или долгихъ гласныхъ—e, o, a, принадлежавшихъ различнымъ частямъ слова; таково происхожденіе ō въ окончаніи тв. п. ед. ч.—ōd отъ основъ на o, ср., напр., лат. equō,— гдѣ ō изъ болѣе стараго — ōd, — дринд. áçvād (въ индоевроп. ōd слились o окончаніе основы + гласная неизвѣстнаго качества самого суффикса); ср., далѣе, окончаніе им. п. мн. ч. именъ муж. и ж. р. индоевр.—es (др.-инд. pitáras, греч. πατέρες, ст.-сл. **несѫтѣ**) въ основахъ на согласныя и инд.-евр.—ōs и ās въ основахъ на o и ā, получившіяся изъ стяженія o + e и ā + e (др.-инд. áçvās «кони» (основа áçva—им. ед. áçva-s), др.-инд. áçvās «кобылы» (им. ед. áçvā), гр. и лат. образованія им. п. мн. ч. именъ 1-го и 2-го склоненія—новообразованія по аналогіи мѣстоименій, но ср., напр., осское scriftas = лат. scriptae). Затѣмъ, были въ общеиндоевр. языкѣ и такіе случаи, гдѣ долгая гласная возникла изъ соединенія двухъ гласныхъ одного и того же качества при сліяніи двухъ словъ въ одномъ словѣ; сюда принадлежитъ именно общеиндоевр. ē въ началѣ глаголовъ въ формѣ прош. вр. отъ корней, начинавшихся съ e, образовавшееся изъ e въ началѣ глагола въ соединеніи съ аугментомъ e. Въ общеиндоевр. языкѣ аугментъ былъ еще отдѣльнымъ несамостоятельнымъ частичнымъ словомъ, а затѣмъ, въ тѣхъ языкахъ, гдѣ онъ сохранился, онъ слился съ глагольной формой и обратился въ префиксъ, напр., ср. дринд. ábharam, гр. ἔφερον. Но въ положеніи передъ e аугментъ e слился съ нимъ въ ē еще въ индоевр. праязыкѣ, откуда греч. η, напр., гомеровское ἦα, ср. дринд. ásam, imperf., 1-ое лицо единственнаго ч. отъ глагольнаго корня as—быть.

5. Индоевропейская неопредѣленная гласная.

Общеиндоевр. неопредѣленная гласная, обозначаемая условно буквою ə, имѣла, повидимому, двоякое происхожденіе. Въ однихъ случаяхъ

она являлась въ чередованіи съ долгими гласными ē, ō, ā и получалась изъ этихъ долгихъ гласныхъ вслѣдствіе ихъ сокращенія при положеніи въ слогѣ безъ ударенія (обыкновенно, въ слогѣ, предшествовавшемъ слогу съ ударéніемъ). Такое происхожденіе имѣла общеиндоевр. неопредѣленная гласная всюду въ первомъ слогѣ слова и частью въ другихъ слогахъ. Общеиндоевр. слова, имѣвшія въ корнѣ или въ суффиксѣ гласную ə такого происхожденія, представляли поэтому такъ называемый «слабый звуковой видъ» корня или суффикса въ чередованіи съ «сильнымъ или полнымъ» звуковымъ видомъ того же корня или суффикса, съ гласною ē, ō, ā въ другихъ словахъ. Въ случаяхъ другого рода общеиндоевр. ə не находилось въ такомъ чередованіи съ долгими гласными ē, ō, ā, при чемъ по отношенію къ употребленію этого ə существовали различія между діалектами общеиндоевр. яз.; такое ə фонетически являлось во второмъ слогѣ словъ, образованныхъ отъ тѣхъ корней, которые въ другихъ словахъ, не заключавшихъ въ себѣ этой гласной, извѣстны намъ, какъ оканчивающіеся на долгій неслоговой звукъ или на группу «долгій неслоговой звукъ + другой неслоговой звукъ». Въ этихъ случаяхъ общеиндоевр. ə представляетъ по происхожденію гласную, развившуюся фонетически послѣ долгаго неслогового звука въ положеніи передъ извѣстными согласными или группами согласныхъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ гласная ə передъ начальною согласною словообразовательнаго суффикса могла казаться принадлежностью этого суффикса и переносилась поэтому вмѣстѣ съ даннымъ суффиксомъ и въ другія слова, гдѣ фонетически она не могла возникнуть.

Въ европейскихъ языкахъ общеиндоевр. ə въ своей исторіи совпало съ общеиндоевр. a, т.-е. въ греч. языкѣ изъ общеиндоевр. ə получилась α, въ лат.—a, въ стсл. о, но индоиранскіе языки позволяютъ намъ отличать общеиндоевр. ə отъ a, а именно въ дринд. яз. изъ общеиндоевр. ə явилось i, въ извѣстныхъ случаяхъ ī не фонетическаго происхожденія, а объясняющееся вліяніемъ аналогіи (см. ниже, отд. 12).

Примѣры; 1) Общеиндоевр. ə изъ сокращенія долгихъ гласныхъ ē, ō, ā.

Дринд. pitá им. ед. (основа pitár-) «отецъ», греч. πατήρ, лат. pater; дринд. sthíti-ṣ (стояніе), sthitá-s (стоящій) тождественно съ греч. στάσις σ передъ ι изъ τ), στατός, лат. status; (ср. отъ того же корня съ общеиндоевр. ā, греч. ἵσταμι (съ α долгимъ), іон. ἵστημι, дринд. ásthām = греч. ἔσταν (съ α долгимъ), ἔστην, стсл. **стати**, (а въ стсл. **стоꙗти** видятъ **о** изъ ə); дринд. ádita (3 л. ед. ч. аог. medii), ср. греч. ἔδοτο, (гдѣ ο вмѣсто α подъ вліяніемъ долгаго ō (ω) въ δίδωμι), лат. datus, греч. δάνος «даръ, ссуда» —имѣетъ фонетическое α изъ ə, ср. сильный звуковой видъ корня въ дринд. dádāmi, гр. δίδωμι, лат. dōnum, стсл. **даръ**. Дринд. hitás, ср. греч. θετός (ε вмѣсто α такого же происхожденія, какъ ο въ ἔδοτο, δοτός); ср. дринд. dádhāmi, гр. τίθημι, стсл. **дѣ-ти**. Дринд. суффиксъ основъ настоящаго времени въ сильномъ звуковомъ видѣ nā, въ слабомъ звуковомъ видѣ nī, гдѣ ī нефонетическаго происхожденія вм. i изъ ə, ср. греч. суффиксы такихъ же основъ να (съ α долгимъ), іоническоаттич. νη : νᾱ, напр., krīṇá-mi «я покупаю», krīṇīm-ás «мы покупаемъ», ср. греч. δάμνημι, δάμναμεν «укрощаю, укрощаемъ».

О предположеніи Бругмана и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ, что въ дринд. яз. индоевроп. ə является въ видѣ a передъ y, см. ниже въ отдѣлѣ о чередованіи гласныхъ.

2) Общеиндоевр. ə безъ чередованія съ долгими ē, ō, ā, развившееся фонетически послѣ долгаго неслогового звука: дринд. duhitá (основа другихъ падежей duhitár—) «дочь», греч. θυγάτηρ, тогда какъ стсл. **дъшти**, русскія дочи́, дочь получены изъ общеиндоевр. яз. безъ гласной ə; дринд. janitá «родитель» (основа janitár—) имѣетъ i изъ ə, а греч. γενετήρ, γενέτωρ имѣетъ ε изъ индоевр. e такъ же, какъ, напр., въ ἐγένετο, лат. genitor можетъ быть связываемо и съ греч. γενέτωρ и дринд. janitár, такъ какъ i въ слогѣ безъ ударенія допускаетъ въ латинскомъ яз. различное объясненіе (изъ e и изъ a). Въ стсл. яз. аористъ на **охъ**, который нѣкоторые ученые считаютъ славянскимъ новообразованіемъ, напр., **несохъ**, гдѣ х изъ индоевр. s, имѣетъ, повидимому, гласную **о** изъ общеиндоевр. ə. Въ дринд. аористахъ съ примѣтою—iṣ—это i, по крайней мѣрѣ, въ части такихъ образованій можетъ быть старымъ ə.

Примѣчаніе. (Большинство ученыхъ и въ случаяхъ 2-го рода объясняетъ индоевр. ə изъ сокращенія долгой гласной; напр., индоевр. ĝenə (ĝ обозначаетъ средненебное g), откуда др.-инд. jani, эти ученые выводятъ изъ конструированнаго прототипа ĝenē. О другихъ звуковыхъ видахъ такихъ корней см. ниже въ отдѣлѣ о чередованіи гласныхъ. Мнѣніе, приведенное мною въ тексте, принадлежитъ Ф. Ѳ. Фортунатову).

Въ эпоху распаденія общеиндоевр. яз. неопредѣленная гласная сохранялась въ первомъ слогѣ передъ удареніемъ, во внутреннемъ же слогѣ слова она подвергалась утратѣ, если не препятствовало этому извѣстное стеченіе неслоговыхъ звуковъ, ср., напр., при дринд. dádā-mi— 1-е л. ед. ч. наст. вр. «я даю», др.-инд. dadmás «мы даемъ», гдѣ da— слогъ удвоенія, а корень d изъ индоевр. d съ утратою ə въ слабомъ звуковомъ видѣ; стсл. **дадать** имѣетъ точно также въ корнѣ только **д**.

Въ случаяхъ другого рода неопредѣленная гласная сохранилась во внутреннемъ слогѣ, и подъ вліяніемъ аналогіи могла переноситься въ однородныя формы, гдѣ она подлежала утратѣ, напр., такъ объясняются греч. κίρναμεν, гдѣ α изъ общеиндоевр. ə, при κίρνημι. Во внутреннемъ слогѣ слова передъ гласной суффикса общеиндоевр. ə исчезло, напр., дринд. krīṇīmás «мы покупаемъ», но 3 л. мн. ч. krīṇ-ánti,, гдѣ передъ anti (индоевр. enti) исчезло ə; въ начальномъ слогѣ словъ общеиндоевр. неопредѣленная гласная сливалась со слѣдующей краткой гласной въ одну гласную; такъ объясняется ā въ глаголахъ съ односложными основами на ā въ формѣ 3 л. мн. ч., гдѣ суффиксъ былъ enti; ср., напр,, греч. φασί изъ φαντί, а это послѣднее изъ fānti съ сокращеніемъ долгой гласной передъ ν + согласная, въ дринд. яз. ср. yánti «они идутъ» (корень yā); въ дринд. яз. то же ā было перенесено въ тѣ формы лица, гдѣ первоначально былъ слабый звуковой видъ корня (yāmás «мы идемъ», ср. греч. φαμέν съ α изъ ə).

6. Индоевропейская слоговая ирраціональная гласная.

Общеиндоевр. ирраціональная гласная ɑ получилась изъ сокращенія краткихъ e, o, a въ слогѣ безъ ударенія, предшествовавшемъ слогу съ удареніемъ; образованія съ ɑ въ корнѣ (или суффиксѣ) представляли, поэтому, слабый звуковой видъ корня (или суффикса). Нѣкогда ɑ такого происхожденія существовало въ различныхъ слогахъ словъ въ сочетаніи съ различными звуками, но въ эпоху распаденія общеиндоевр. яз. ɑ сохранялось передъ шумными только въ 1-мъ слогѣ словъ въ началѣ рѣчи или въ началѣ отдѣла рѣчи.

Въ дринд. яз. отсюда a, въ греч. ι или υ (въ сосѣдствѣ съ губными или задненебными согласными), въ лат. a съ его дальнѣйшими измѣненіями, въ стсл. яз. **ь**, частью **ъ**.

Примѣры: греч. ἴσθι «будь», др.-инд. ēdhí изъ *azdhi, ср. тотъ же глаг. корень въ полномъ звуковомъ видѣ, который въ индоевр. яз. звучалъ какъ es; dhi—суффиксъ повел. формы 2-го л. ед. ч. дѣйств. зал. въ нетематическомъ спряженіи; z здѣсь изъ s въ положеніи передъ звонкой согласной, а z передъ d исчезло въ дринд. яз. съ удлиненіемъ предшествующей краткой гласной; гр. гомер. πίσυρες, лат. quattuor, общсл. čьtyre при četyre съ полнымъ звуковымъ видомъ (первое, напр,, въ польскомъ cztery); гр. κύκλος, дринд. cakrá-m, cakrá-s «колесо, кругъ»; стсл. **коло, колесе** представляетъ тотъ же корень, но безъ удвоенія; стсл. **ь** изъ общеиндоевр. a мы находимъ въ: **пьци, тьци**; стсл. **ъ**, напр., въ **хътѣти** при **хотѣти**, стсл. **нзъ** изъ общеслав. is + zъ (извѣстная частица), а слав. s изъ k средненебнаго, ср. греч. ἐκ, лат. ex съ полнымъ звуковымъ видомъ.

Общеиндоевроп. ɑ въ сочетаніи съ шумными согласными подверглось полной утратѣ, если не находилось въ первомъ слогѣ рѣчи или отдѣла рѣчи передъ слогомъ съ удареніемъ, и если этой утратѣ не мѣшало извѣстное стеченіе неслоговыхъ звуковъ (см. выше). Утрата въ индоевр. яз. ɑ въ сочетаніи съ шумной согласной наблюдается, напр., въ томъ словѣ, изъ котораго произошло гр. πίπτω: общеиндоевр. pipt здѣсь изъ pipɑt, ср. съ полнымъ звуковымъ видомъ дорич. ἔπετον, атт. ἔπεσον, гдѣ σ перенесено изъ формы будущаго вр. Въ индоевр. яз. корень es въ слабомъ звуковомъ видѣ являлся какъ ɑs (гр. ἴσθι, см. выше), но при употребленіи глагольныхъ формъ отъ этого корня безъ самостоятельнаго ударенія или въ тѣсномъ сочетаніи съ предшествовавшимъ словомъ являлось одно s съ утратой ɑ (ср. дринд. s-ánti, лат. sunt, ст.-сл. **сѫть**); затѣмъ одни случаи, понятно, вліяли на другіе, и обобщался тотъ или другой звуковой видъ. Утрату общеиндоевр. ɑ мы встрѣчаемъ также передъ сонорной согласной съ послѣдующей гласной не въ первомъ слогѣ слова; ср. гр. πατρί (старый мѣстн. пад. ед. ч.), лат. patrī (дат. ед. ч.), дринд. pitré (дат. ед. ч.), ср. гр. πατέρα, дринд. pitáram, гдѣ мы находимъ сильный звуковой видъ. Утрата общеиндоевр. ɑ послѣ сонорной согласной является, напр., въ дринд. lā́ṣa-ti «желаетъ», гдѣ laṣ изъ lals, общеиндоевр. lels, изъ lelɑs, ср. греч. λιλαίομαι изъ *λιλασ̯ομαι. Передъ сонорной согласной, за которой не слѣдовало гласной, индоевр. ɑ всюду сохранилось, перейдя въ неслоговую гласную (см. ниже).

Изложенная мною теорія, принадлежащая Ф. Ѳ. Фортунатову (см. ниже), кажется мнѣ наиболѣе удачнымъ разрѣшеніемъ вопроса о происхожденіи гласныхъ въ образованіяхъ типа греч. ἴσθι, стсл. **пыи**, такъ какъ я не вижу никакой возможности разсматривать такія гласныя, какъ образовавшіяся въ отдѣльныхъ языкахъ независимо другъ отъ друга при позднѣйшихъ сокращеніяхъ на почвѣ отдѣльныхъ языковъ.

Остается, однако, неяснымъ, какъ смотрѣть на такія образованія, какъ греческіе перфекты τέτεκται, πέπεπται (τίκτω, πέσσω), гдѣ ε врядъ ли можно объяснить какою-нибудь аналогіей на почвѣ греческаго языка; очень можетъ быть, что здѣсь мы имѣемъ еще индоевропейское явленіе: *a*, которое должно было бы выпасть, при извѣстномъ стеченіи согласныхъ переходило въ гласную e; такимъ же образомъ и дринд. a, напр., въ перфектѣ tatakṣúr, takṣúr отъ корня takṣ «обтесывать» можетъ быть индоевроп. e этого особаго происхожденія (ср. указанную ниже статью Ф. Ѳ. Фортунатова).

Общеиндоевр. *a*, получившееся изъ сокращенія e, при положеніи въ слогѣ, который стоялъ за слогомъ, имѣвшимъ также *a*, подлежавшее фонетической утратѣ (см. выше), удлинялось, по мнѣнію Ф. Ѳ. Фортунатова, въ долгое ē, отличавшееся качествомъ звука отъ обычнаго ē въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ иначе оно подвергалось бы утратѣ.

Образованія съ такою гласною ē существовали въ слабыхъ основахъ перфекта отъ корней, имѣвшихъ въ полномъ звуковомъ видѣ гласныя e, o. Напр., отъ корня pet, pot («падать, летать») слабая основа перфекта являлась, между прочимъ, въ видѣ pēt изъ paat, гдѣ *a* перваго слога (слогъ удвоенія въ слабомъ звуковомъ видѣ) исчезло фонетически и въ связи съ этимъ удлинилось *a* второго слога; такое ē въ дринд. яз. въ отличіе отъ другого ē дало ē, ср. дринд. pēt-úr (3-е л. мн. ч. д. з. перфекта) при papáta въ 3-мъ л. ед. ч., гдѣ слогъ удвоенія и корень въ сильномъ звуковомъ видѣ; какъ извѣстно, въ дринд. яз. такое образованіе слабыхъ формъ перфекта сохранилось только у тѣхъ глаголовъ типа pat, гдѣ первая согласная и въ слогѣ удвоенія является неизмѣненной по законамъ дринд. языка, но, напр., корень bhar «нести» образуетъ сильную основу перфекта babhar—и въ слабыхъ формахъ имѣетъ babhr—, гдѣ ba— перенесено въ слогъ удвоенія изъ сильныхъ формъ. Въ лат. яз. съ дринд. ē такого происхожденія однороднаго ē, напр., въ vēnī. Однородные случаи извѣстны и изъ германскихъ языковъ.

Лингвисты, не видящіе возможности объяснить германское ē этого рода путемъ аналогіи (а дринд. и лат. образованія можно бы съ нѣкоторою натяжкою объяснить какъ новообразованія по аналогіи типа дринд. sēd-úr, лат. sēdī, гдѣ индоевроп. sezd—слабый звуковой видъ удвоенной основы перфекта отъ корня sed «сидѣть»—дѣйствительно по законамъ дринд. и лат. фонетики (см. въ отдѣлѣ o z) долженъ былъ дать sēd; въ дринд. яз. ē получилось бы фонетически и въ yēm-úr (корень yam «держать, давать»), гдѣ было получено въ основѣ ya-im—, а ai передъ согласною давало въ дринд. яз. ē) пришли къ мысли, что въ указанныхъ образованіяхъ дринд., лат. и германскихъ языковъ сохранился старый типъ слабой удвоенной основы перфекта, подвергшейся фонетическому измѣне-

нію еще въ праязыкѣ, хотя тотъ путь, который отъ pəpət привелъ къ pēt и понимается различно (ср. мнѣнія Михеля и Штрейтберга, Streitberg, Urgerman. Gramm. p. 81, sq).

7. Индоевропейская ирраціональная неслоговая гласная (̯ə).

Въ разсмотрѣнныхъ нами выше фонетическихъ положеніяхъ индоевропейская ирраціональная гласная исчезла или, поскольку она сохранилась, въ сочетаніи съ шумными согласными была слоговой. Въ прочихъ случаяхъ, т.-е. въ сочетаніи съ сонорными согласными (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ она исчезла передъ сонорной согласной, за которой дальше слѣдовала гласная) и съ неслоговыми i и u, эта гласная стала неслоговой, передавая свое слоговое свойство сонорной согласной или i̯ и u̯. Такимъ образомъ, напр., сочетаніе er полнаго звукового вида, подвергаясь сокращенію, переходило въ ər и далѣе въ ə̯r; равнымъ образомъ изъ сочетаній ei̯ или i̯e получалось при сокращеніи ə̯i и далѣе i. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ за сонорной согласной слѣдовала гласная, тамъ между слоговой плавной или носовой и слѣдующей гласной развивалась въ качествѣ переходнаго звука соотвѣтственная сонорная согласная неполнаго образованія, такъ что, напр., сочетаніе ə̯ri мы точнѣе должны были бы писать ə̯rʳi, сочетаніе ə̯ni должны были бы передавать какъ ə̯nⁿi, но въ виду типографскихъ затрудненій и въ виду того, что не можетъ быть недоразумѣній, если мы будемъ помнить объ этомъ обстоятельствѣ, мы можемъ остаться при менѣе точной транскрипціи ə̯ri, ə̯ni и т. д. Въ сонорныхъ согласныхъ въ индоевропейскомъ праязыкѣ мы, по указаніямъ преимущественно балтійскихъ и славянскихъ яз., стр. 45, должны различать краткія и некраткія согласныя; точно такъ же краткими и некраткими были i̯ и u̯; при сокращеніи сочетаній съ краткими гласными и i̯ и u̯ некраткими въ результатѣ получались ī и ū.

Въ поясненіе сказаннаго выше замѣчу, что не всѣ ученые принимаютъ изложенный генезисъ сочетаній ə̯ съ слоговыми плавными и носовыми и i и u краткихъ и долгихъ въ ихъ чередованіи съ сочетаніями краткихъ гласныхъ e, o, a и неслоговыхъ i̯ и u̯, не всѣ ученые принимаютъ для эпохи распаденія индоевропейскаго праязыка даже сочетанія ə̯ съ слоговыми плавными и носовыми, указывая на то, что если въ чередованіи, напр., es мы находимъ s, въ чередованіи съ ei мы находимъ i, то и въ чередованіи съ er мы должны ждать одно r̥. Нѣкоторые ученые все же допускаютъ для индоевропейскаго праязыка наличность минимальной гласной при плавной и носовой. Изложенное мною выше построеніе, хотя и не можетъ быть вполнѣ доказано, такъ какъ оно касается фактовъ индоевропейскаго праязыка болѣе древнихъ эпохъ, чѣмъ эпоха его распаденія, представляется мнѣ наиболѣе вѣроятнымъ, какъ по общимъ соображеніямъ, такъ между прочимъ и по той причинѣ, что, напр., при индоевроп. s, какъ слабомъ звуковомъ видѣ корня es, мы должны допускать существованіе əs, слѣдовательно, полному исчезновенію индоевропейской гласной въ s должна была предшествовать эпоха наличности ирраціональной гласной, сохранившейся лишь при извѣстныхъ условіяхъ. За-

мѣчу еще, что теорія, которой я слѣдую, принадлежитъ Ф. Ѳ. Фортунатову и изложена имъ въ университетскихъ его лекціяхъ и въ статьѣ въ Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, XXXVI.

Замѣчу еще, что такъ назыв. индоевроп. ирраціональныя неслоговыя гласныя въ сочетаніяхъ съ плавными и носовыми, вѣроятно, были различнаго качества въ зависимости отъ окружающихъ звуковъ. Нѣкоторые намеки въ этомъ направленіи даются отдѣльными индоевроп. языками, но вообще мы лишены возможности точно опредѣлить соотвѣтственные факты въ праязыкѣ.

Такъ какъ мы должны будемъ разсматривать сочетанія ирраціональной гласной съ плавными и носовыми въ ихъ переходѣ въ отдѣльные индоевропейскіе языки, то намъ необходимо сперва сказать нѣсколько словъ о томъ, какія именно плавныя и носовыя были въ индоевропейскомъ праязыкѣ, и какова была въ общихъ чертахъ ихъ исторія въ отдѣльныхъ языкахъ, при чемъ за болѣе подробными свѣдѣніями я отсылаю къ отдѣлу, посвященному спеціально исторіи этихъ согласныхъ.

Въ плавныхъ согласныхъ различались: 1) согласная r, которая во всѣхъ отдѣльныхъ индоевроп. языкахъ оставалась сама по себѣ какъ r; 2) согласная l, которая и въ европейскихъ языкахъ нашей семьи, и въ древнеинд. яз. вообще является какъ l (въ древнеиранск. яз. — r); 3) согласная плавная, качество которой мы точно пока не можемъ опредѣлить, было ли это извѣстнаго вида r, или извѣстнаго вида l; условно можемъ обозначить ее греческой буквой λ; эта неопредѣленная плавная (такъ мы будемъ ее условно называть) въ европейскихъ языкахъ нашей семьи была l, въ индоиранскихъ яз.—r. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ показанія отдѣльныхъ языковъ относительно качества индоевропейской плавной расходятся, и мы пока въ точности не знаемъ, какого происхожденія это различіе; можетъ быть, мы имѣемъ дѣло съ извѣстными діалектическими различіями въ самомъ праязыкѣ.

Относительно древнеинд. яз. надо замѣтить, что сочетаніе l+зубная согласная дало одну церебральную согласную.

Что касается носовыхъ согласныхъ, то въ индоевроп. праязыкѣ въ эпоху его распаденія различались задненебное n, среднебное n (оба эти вида n существовали только передъ соотвѣтственными согласными), зубное n и губная носовая m. Передвиженія въ области носовыхъ согласныхъ, т.-е. переходъ ихъ изъ одной группы въ другую, въ тѣхъ языкахъ, которые мы разсматриваемъ, зависѣли 1) отъ перехода задненебныхъ и средненебныхъ k и g въ звуки другихъ категорій (ср., напр., греч. πέμπτος, гдѣ π изъ k задненебнаго лабіализованнаго, а μ изъ стараго n задненебнаго) и 2) отъ того, что m передъ зубной согласной переходило здѣсь въ n; частью (въ греческомъ языкѣ, вѣроятно, и въ общеславянскомъ, м. б. еще балтійскославянскомъ) такой переходъ мы находимъ и въ концѣ слова, ср. греч. τόν и дринд. tam. Въ древнеиндійскомъ языкѣ сочетаніе гласная+носовая безъ послѣдующей гласной обращалось въ носовую гласную передъ фрикативными согласными. Въ извѣстныхъ случаяхъ, о которыхъ см. ниже въ отдѣлѣ о носовыхъ согласныхъ, зубное n въ древнеинд. яз. перешло въ n церебральное (ṇ). Въ общеславянскомъ яз. носо-

выя гласныя получались вообще изъ сочетаній гласная + носовая согласная безъ послѣдующей гласной.

А) Общеиндоевропейскія сочетанія „$\underset{\smile}{\alpha}$ + слогов. плавная согласная“ въ положеніи передъ гласной.

Въ этихъ сочетаніяхъ общеиндоевр. $\underset{\smile}{\alpha}$ во всѣхъ отдѣльныхъ индоевр. языкахъ обратилось въ слоговую гласную, а слоговая плавная согласная обратилась въ неслоговую. Изъ общеиндоевр. $\underset{\smile}{\alpha}$ въ такихъ сочетаніяхъ получилось въ дринд. яз. частью i, частью u (послѣ губныхъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ), въ греч. α, въ лат. o, u (которое частью изъ o по законамъ лат. яз., а частью не изъ o, представляя собою особый оттѣнокъ индоевроп. $\underset{\smile}{\alpha}$), въ общеслав. яз. **ь**, частью **ъ**, откуда и стсл. **ь** и **ъ**; греч. o и лат. a въ такихъ сочетаніяхъ получались, повидимому, при долготѣ плавной.

Примѣры: др.-инд. purás «передъ», греч. πάρος; др.-инд. puri-s (въ этомъ видѣ основа дается у грамматиковъ) «городъ», греч. πόλις; др.-инд. girá-ti «глотаетъ», стсл. **жьрѣть, жьрѣтъ**, родственно гр. βορά «жратва, пища», лат. vorāre, гдѣ греч. β и лат. v изъ стараго g задненебнаго лабіализованнаго; дринд. gilá-ti «глотаетъ», лат. gula «глотка, гортань» (гдѣ u не можетъ быть объяснено изъ o); дринд. gurú-s, гр. βαρύς; гр. τάλας, лат. tulī; лат. salix, но гр. ἑλίκη, съ гласной e.

В) Общеиндоевропейскія сочетанія „$\underset{\smile}{\alpha}$ + слогов. плавная безъ послѣдующей гласной“ въ отдѣльныхъ индоевроп. языкахъ.

Въ дринд. яз. эти сочетанія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ имѣли краткое r или краткое l, обратились въ дринд. слоговое r, которое передается написаніемъ r̥. Общеиндоевр. сочетанія $\underset{\smile}{\alpha}$r и $\underset{\smile}{\alpha}$l съ слоговыми долгими r и l безъ послѣдующей гласной въ дринд. яз. обратились въ īr и ūr, при чемъ старая долгота плавной согласной перенесена была на гласную. Общеиндоевр. сочетаніе $\underset{\smile}{\alpha}$l безъ послѣдующей гласной въ дринд. яз. обратилось въ il и ul. Въ образованіяхъ лишь отъ одного корня kalp мы находимъ изъ общеиндоевроп. $\underset{\smile}{\alpha}$l̥ безъ послѣдующей гласной въ дринд. яз. l̥.

Въ греч. яз. эти общеиндоевроп. сочетанія обратились въ αρ, ρα, αλ, λα при краткой плавной и въ ορ, ολ, ρω, λω при долгой плавной.

Въ лат. яз. такія сочетанія дали or, ur, ol, ul при краткой плавной (при чемъ лат. u частью изъ o, по законамъ латинской фонетики, а частью не изъ o), а также al, ar, rā, lā при долгой плавной.

Въ общеслав. яз. эти сочетанія дали **ьр̥, ър̥, ьл̥, ъл̥**, а въ старослав. яз. эти общеслав. сочетанія получили перестановку и обратились въ **рь, ръ, ль, лъ** съ плавными неслоговыми; въ русск. яз. въ общеслав. сочетаніяхъ, перешедшихъ въ него безъ перестановки звуковъ, **ь** перешло въ e, а **ъ**—въ o, при чемъ въ русск. яз. **ъ** и далѣе o—частью изъ общеслав. **ь**. Общеслав. яз. получилъ **ь** и **ъ** въ указанныхъ сочетаніяхъ изъ балтійскославянскихъ i и u, при чемъ **ъ** частью и изъ i (послѣ t и d передъ l + твердая согласная).

Примѣры: греч. καρδία, κραδίη, лат. cor, старослав. **срьдьце**, рус. сердце; дринд. mr̥ti-ṣ «смерть», лат. mors, старослав. **съмрьть**, русское смерть;

дринд. puṭa-s, puṭa-m «складка» изъ *pulṭa-s, *pulṭa-m, ср. нѣм. Falte, гдѣ a изъ стараго o въ полномъ звуковомъ видѣ корня, а также греч.—πάλτος, —πλάσιος въ окончаніи сложеній, напр., δίπαλτος, διπλάσιος, «двойной»; дринд. kl̥ptá-s part. perf. pass. къ глаг. корню kalp «служить къ чему, быть годнымъ»; дринд. yákr̥t «печень», лат. jecur, греч. ἧπαρ; дринд. dīrghá-s «длинный, долгій», старосл. **длъгъ** (здѣсь **ъ** изъ балтійскослав. i), русскіе долгій, дологъ, греч. δολιχός; старослав. **ꙁрьно**, русское зерно, лат. grānum, дринд. jīrṇám («нѣчто истертое»); греч. πέπρωται «суждено судьбой», ср. ἔπορον «я доставилъ, принесъ», лат. pars; греч. στόρνυμι στρωτός, лат. strātus, старослав. **прострьтъ**, дринд. stīrṇá-s «просыпанный, простертый»; дринд. pūrṇá-s «полный», ср. старослав. **пльнъ, плънъ**, рус. полный, ср. дринд. съ полнымъ звуковымъ видомъ корня pípar-ti «наполняетъ».

C) Общеиндоевропейскія сочетанія „a̯ + слоговая носовая согласная“ въ положеніи передъ гласной.

Въ дринд. яз. изъ общеиндоевроп. a̯ въ этихъ случаяхъ получилось a, въ греч. α, въ лат. передъ n—e и далѣе i, а передъ m—ü (см. стр. 11), въ общеслав. и старослав. **ь** и **ъ**, а въ началѣ словъ передъ **ь** въ общеслав. яз. развивалось i̯, j, а изъ jь получилось далѣе i, откуда старослав. **и**.

Примѣры: дринд. an-udrá-s «безводный», греч. ἄνυδρος, ср. лат. такія сложенія, какъ iners; дринд. daçamá-s, лат. decumus, decimus; старослав. **въꙁ-ьмѫ, имѫ** (старослав. **и** здѣсь изъ i = jь), ср. лат. emo; греч. ἔταμον при τέμνω; старосл. **гънати**, ср. **женѫ, гонѭ**; старослав. **на-чьнѫ**, греч. καινός «новый», ср. съ полнымъ звуковымъ видомъ старослав. **искони, коньць** (основное значеніе было, вѣроятно, «край»), дринд. kaniṣṭhá-s «наименьшій, наимладшій».

D) Общеиндоевроп. сочетанія „a̯ + краткая слоговая носовая согласная“ безъ послѣдующей гласной.

Въ дринд. яз. общеиндоевроп. a̯ обратилось въ a, а общеиндоевроп. n слоговое различнаго качества при всякомъ положеніи и m слоговое передъ согласной исчезли, а въ концѣ словъ изъ общеиндоевроп. a̯m̥ получилось, можетъ быть, фонетически дринд. am; по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ (Ioh. Schmidt, Brugmann) здѣсь am не фонетическаго происхожденія, а обобщено am, явившееся фонетически при тѣсномъ сочетаніи словъ рѣчи только передъ гласной въ началѣ слѣдующаго слова, передъ согласной мы бы ждали a; первые случаи получили преобладаніе и вытѣснили совершенно фонетическое a; однако, дринд. dáça, saptá имѣютъ въ концѣ a не изъ a̯m̥, какъ думаютъ эти ученые, а изъ a̯n̥, на n указываютъ формы герм. яз., ср. готское taihun и sibun «10» и «7».

Въ греч. яз. общеиндоевроп. a̯ въ разсматриваемыхъ сочетаніяхъ всюду обратилось въ a, а слоговая носовая согласная исчезла.

Въ лат. яз. изъ общеиндоевроп. a̯ получились e и i, а слоговая носовая согласная обратилась въ неслоговую.

Въ общеслав. яз. эти сочетанія были получены изъ балтійскослав. яз. въ видѣ сочетаній «i и u + носовая согласная», откуда «**ь** или **ъ** + носовая согласная»; въ эпоху распаденія общеслав. яз. изъ сочетанія

«ь + носовая согласная» въ однихъ случаяхъ существовало уже ę, откуда старослав. **ѧ**. Достовѣрныхъ примѣровъ для общеслав. ǫ, откуда старослав. **ѫ**, изъ сочетанія «ъ + носовая согласная», неизвѣстно. Въ другихъ случаяхъ, именно въ слогѣ безъ ударенія передъ слогомъ съ ударенiемъ, получились въ результатѣ **ь** и **ъ**, откуда старосл. **ь** и **ъ**; носовое свойство здѣсь исчезло, какъ и вообще въ į и ų, краткихъ и долгихъ; въ концѣ слова, гдѣ носовая согласная не была долгой, мы должны ждать въ результатѣ тоже **ь** или **ъ**. Такое различіе въ исторіи разсматриваемыхъ сочетаній объясняется, по мнѣнію Ф. Ѳ. Фортунатова, тѣмъ, что въ случаяхъ перваго рода ирраціональная гласная получила нѣкоторое удлиненіе, переданное ей носовой согласной, удлинившейся передъ согласной еще въ балтійскослав. языкѣ; въ случаяхъ же второго рода такого удлиненія не было.

Примѣры: дринд. основа a-pád «безногій» греч. ἄπους, ср. лат. in въ in-sanus; дринд. tatá-s part. perf. pass. къ глагольному корню tan «тянуть», греч. τατός, лат. tentus; дринд. máti-ṣ и matí-ṣ «мысль», лат. mens, старослав. **мать** въ **па-мать**, ср. греч. μένος съ полнымъ звуковымъ видомъ корня; греч. δέκατος, старослав. **десатый**; дринд. çatám (сто), греч. κατον въ ἑ-κατόν*), лат. centum, старослав. **сто**; старослав. **льгькъ**, русск. легокъ, легкій, ср. дринд. laghú-s «легкій», греч. ἐλαχύς, родственное лат. levis не имѣетъ носовой согласной.

E) Общеиндоевропейскія сочетанія „ą̯ + долгая слоговая носовая согласная“ безъ послѣдующей гласной.

Въ дринд. яз. эти общеиндоевроп. сочетанія обратились въ ā въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ имѣли n разнаго рода, а гдѣ было m передъ согласной, тамъ мы находимъ ām, при чемъ передъ зубными шумными вмѣсто m являлась зубная n, а передъ фрикативными m въ дринд. яз. исчезло, обративъ предшествующую гласную въ носовую, такъ что вмѣсто ām фонетически являлось ā долгое носовое. Въ греч. яз. эти сочетанія дали αν, αμ, а также съ перестановкой να, μα съ долгимъ α (іон. атт. νη, μη). Въ лат. яз. an, am, nā, mā. Въ общеслав. яз. эти сочетанія дали, можно думать, ę и ǫ, но достовѣрные примѣры изъ старослав. яз. неизвѣстны.

Примѣры: дринд. jātá-s «рожденный», part. perf. pass. къ глагольному корню jan, лат. nātus изъ gnātus, ср. cognātus; дринд. dāntá-s «обузданный», при damá-s «тотъ, кто укрощаетъ», греч. δμητός «укрощенный», δμητήρ «укротитель» ср. δάμνω «укрощаю», лат. domāre; дринд. ātí-ṣ «какая-то водяная птица», греч. νῆσσα, общеслав. ǫtьka, русск. утка, родственныя по корню слова нѣкоторыхъ другихъ языковъ имѣютъ звуковой видъ со старой краткой гласной, ср. латинское anas «утка» и литовское ántis «утка», гдѣ качество литовскаго ударенія указываетъ на старую долгую носовую.

F) Общеиндоевроп. сочетанія „ą̯ + слоговая сонорная согласная + ə“.

Эти сочетанія замѣняли діалектически при извѣстныхъ условіяхъ общеиндоевроп. сочетанія «ą̯ + долгая слоговая сонорная согласная», при

*) Въ ἑ-κατόν видятъ контаминацію двухъ сложеній *ἓν-κατον и *ἁ-κατον, гдѣ основа числительнаго вошла въ слабомъ звуковомъ видѣ индоевроп. sm̥.

чемъ, слѣдовательно, между слоговою сонорною согласною и слѣдовавшей далѣе неопредѣленной гласной существовала въ качествѣ переходнаго звука ирраціональная неслоговая сонорная согласная, т.-е. вмѣсто сочетаній $\underset{\smile}{\alpha}\underset{\circ}{r}$, $\underset{\smile}{\alpha}\underset{\circ}{n}$ съ долгими $\underset{\circ}{r}$ и $\underset{\circ}{n}$ передъ согласной въ діалектахъ общеиндоевроп. яз. употреблялись также сочетанія $\underset{\smile}{\alpha}\underset{\circ}{r}^{r}$ə, $\underset{\smile}{\alpha}\underset{\circ}{n}^{n}$ə. Въ греч. яз. изъ общеиндоевроп. сочетаній этого типа съ r, l, n, m получились сочетанія αρα, αλα, αμα, ανα, а въ положеніи безъ ударенія ρα, λα, να, μα съ долгими α съ дальнѣйшимъ измѣненіемъ ā въ η въ іон. атт. нарѣчіи, напр., греч. αλα является въ παλάμη «ладонь», ср. лат. palma; греч. αρα въ βάραθρον «пропасть», при βέρεθρον, ср. отношеніе греч. γενετήρ и дринд. janitá; греч. ρα въ κρατήρ, ср. κεράννυμι со старой гласной е и съ α изъ ə, существовавшей въ праязыкѣ послѣ долгой согласной; ср. еще греч. παν-δαμάτωρ «всеукротитель», δαμάω «укрощаю» при δάμνημι, δμητός. Нужно замѣтить, что намъ бываетъ трудно отличить греч. сочетанія νη, μη и т. д., связанныя съ ανα, αμα, и тѣ же сочетанія, получившіяся изъ индоевроп. сочетаній $\underset{\smile}{\alpha}$ съ долгой слоговой сонорной.

G) Общеиндоевроп. сочетанія „слоговая сонорная согласная + $\underset{\smile}{\alpha}$“.

Въ дринд. яз. эти сочетанія съ плавной согласной дали r слоговое, обозначаемое написаніемъ $\underset{\circ}{r}$. Въ греч. яз. такія сочетанія обратились въ ρᾰ, λᾰ, νᾰ, μᾰ; въ лат. яз. они также дали ra, la, na, ma; въ старослав. **ь** и **ъ** послѣ сонорной согласной.

Примѣры: дринд. $g\underset{\circ}{r}bhn\acute{a}mi$ «хватаю», ср. grábha-s «хватаніе» съ полнымъ звуковымъ видомъ, старослав. **грабити** съ старой долгой гласной; греч. ἔτραπον, ἐκλάπην, ср. τρέπω, κλέπτω; лат. fractus, ср. нѣм. ge-brochen, гдѣ о изъ u, а это послѣднее изъ $\underset{\smile}{\alpha}$; ср. старослав. **рь** въ **рьци** при **рєкѫ**, ср. далѣе **въньзити** и **ножь**.

H) Греческія ι и υ изъ общеиндоевроп. $\underset{\smile}{\alpha}$.

Въ соотвѣтствіи съ общеиндоевр. $\underset{\smile}{\alpha}$ въ сочетаніи съ слоговою сонорною согласною въ греч. языкѣ являются въ извѣстныхъ случаяхъ ι и общегреч. u, которое въ іон. атт. діалектѣ обратилось въ υ, т.-е. получились тѣ звуки, какіе получались въ греч. яз. изъ общеиндоевроп. слоговой ирраціональной гласной; ср. греч. λύκος, дринд. $v\underset{\circ}{r}ka$-s (удареніе на $\underset{\circ}{r}$) «волкъ», старослав. **влькъ**, **влъкъ**; греч. ῥίον «вершина горы», старослав. **врьхъ**, ср. дринд. várṣma (основа ср. р. на—an) «верхушка, вершина», лат. verrūca съ полнымъ звуковымъ видомъ корня (значеніе «бородавка» въ лат. verrūca изъ болѣе древняго «возвышеніе»).

8. Общеиндоевропейскія i, i, u и ū безъ послѣдующей гласной.

А) Общеиндоевроп. i является въ дринд. яз. въ видѣ i, въ греч. отсюда ι, въ лат. i (откуда е въ концѣ словъ и внутри словъ передъ r изъ s), общеслав. **ь**, откуда и старослав. **ь**.

Общеслав. и старослав. **ь** изъ общеиндоевроп. i надо отличать по происхожденію отъ **ь** изъ общеиндоевроп. α и $\underset{\smile}{\alpha}$ (см. выше). По качеству звука **ь** было въ общеслав. яз. е закрытымъ, по количеству очень крат-

кимъ, ирраціональнымъ. Относительно общеслав. **ь** различнаго происхожденія въ сочетаніи съ неслоговыми согласными надо замѣтить, что здѣсь различались сильный **ь** (въ слогѣ передъ слогомъ съ слабыми **ь** или **ъ** и въ слогѣ въ началѣ слова подъ удареніемъ) и слабый **ь**; первый—непремѣнно слоговой, въ діалектахъ старослав. яз. переходилъ въ е передъ слогомъ со старыми **ь** и **ъ**, а въ русск. языкѣ совпалъ съ гласною е; общеслав. слабый **ь** былъ неслоговымъ *). Впослѣдствіи въ старослав. яз. слабый **ь** между неслоговыми согласными подвергался утратѣ, а гдѣ не подвергся полной утратѣ, тамъ въ нѣкоторыхъ діалектахъ передъ согласной съ послѣдующей твердой гласной слабый **ь** измѣнился въ слабый **ъ**. Въ русск. яз. слабый **ь** исчезъ. Въ общеслав. яз. передъ **ь** въ началѣ словъ развилось i̯, откуда дальше j; такое сочетаніе i̯ь или jь въ эпоху распаденія общеслав. яз. дало i, откуда старослав. и русское **и**. Въ діалектахъ старослав. яз. старый **ь** при извѣстныхъ условіяхъ совпалъ съ **ъ**, и эта гласная передавалась то буквою **ъ**, то смѣшаннымъ употребленіемъ буквъ **ь** и **ъ**. О носовомъ i, равно какъ и о носовомъ u въ общеслав. яз. см. въ отдѣлѣ о носовыхъ согласныхъ.

Примѣры: дринд. ásti «есть», греч. ἐστί, старослав. **ѥсть** **), дринд. ávi-ṣ «овца», греч. ὄϝις, откуда οἰς, лат. ovis, старослав. **овь-цл**; лат. e изъ i, передъ r изъ s, мы находимъ, напр., въ cineris при им. cinis, ср. греч. κόνις «пыль», гдѣ старое o, а въ лат. cinis первое i изъ e (см. выше стр. 11); старослав. **и** въ началѣ слова изъ общеслав. **ı** вмѣсто ь является, напр., въ **игратн, игрл**, родственно дринд. íṅga-ti «двигается», гдѣ ṅ по происхожденію инфиксъ.

B) Общеиндоевроп. ī слоговое безъ послѣдующей гласной дало въ дринд. яз. ī, въ греч. долгое ι, въ лат. ī, въ общеслав. ī, откуда старослав. **и**.

Примѣры: дринд. jīvá-s «живой», греч. βίος (изъ βίϝος), съ старымъ краткимъ i, лат. vīvos (греч. β и лат. v здѣсь изъ ǧ задненебнаго лабіализованнаго), старослав. **живъ**; греч. ἰός—(съ ī) ядъ, лат. vīrus (r изъ s между гласными), дринд. viṣá-m «жидкость, ядъ» съ краткимъ i.

C) Общеиндоевроп. u слоговое дало древнеинд. u,греч. ὐ, откуда атт. іонич. ὐ (т.-е. ü), лат. u, при чемъ передъ губными согласными въ слогахъ подъ удареніемъ, при не вполнѣ ясныхъ условіяхъ, получалось и ü, а въ слогахъ безъ общеиталійскаго ударенія передъ губными согласными безъ послѣдующей гласной развивался изъ u звукъ ü. Въ общеслав. яз. изъ u мы находимъ **ъ**, откуда и старослав. **ъ**.

Общеслав. и старослав. **ъ** изъ общеиндоевроп. u надо отличать по происхожденію отъ **ъ** изъ общеиндоевроп. ᾰ и ᾰ̯. Въ сочетаніи съ неслоговыми согласными въ общеслав. **ъ** различались **ъ** сильный и слабый (ср. сказанное объ **ь**). Въ старослав. яз. общеслав. сильный **ъ**, непремѣнно слоговой, сохранялся, какъ слоговая гласная, а въ нѣкоторыхъ діалектахъ измѣнялся въ о въ слогѣ передъ слогомъ со слабыми **ъ** и **ь**. Въ русскомъ яз. сильный **ъ** фонетически обратился въ о. Общеслав. **ъ**

*) Термины сильный и слабый **ь** имѣютъ, само собою разумѣется, условное значеніе.
**) Въ общеслав. яз. передъ всякимъ начальнымъ е развивалось i неслоговое, j.

слабый въ сочетаніи съ неслоговыми согласными сохранялся нѣкогда и въ старослав. яз., а впослѣдствіи между согласными могъ подвергаться утратѣ. Въ русскомъ яз. слабый **ъ** исчезъ. Передъ **ъ**, какъ и передъ другими лабіализованными гласными въ началѣ словъ, въ общеслав. яз. развивалось u неслоговое, потомъ это u̯ не передъ o и o̯ измѣнилось въ v, откуда старослав. **к**, а передъ o и o̯ въ діалектахъ общеслав. яз. оно исчезло. Послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ гласный **ъ** въ общеслав. яз. измѣнялся въ **ь**, а изъ i̯ь или j̯ь въ началѣ словъ получилось общеслав. **і**, откуда старослав. **и**.

Примѣры: дринд. duhitá «дочь» (основа duhitár), греч. θυγάτηρ, старослав. **дъштн**, русск. дочь; дринд. snuṣá, «сноха», греч. νυός, лат. nurus, въ старослав. мы ждали бы **снъха**, ср. русское сноха; лат. ū изъ общеиндоевроп. u мы находимъ въ слогѣ безъ ударенія, напр., въ fluctuibus—fluctibus; въ слогѣ подъ удареніемъ ср. lubet, libet, ср. дринд. глагольный корень lubh «сильно желать»; въ старослав. **къпнтн**, русск. вопити, общеслав. vъ изъ **ъ**, передъ которымъ развивалось въ общеслав. u̯, ср. **въ̆-ъпнтн**; общеслав. и старослав. **ь** изъ индоевроп. u послѣ мягкаго неслогового звука мы находимъ, напр., въ **хвалѣ**, **хвальша** при **хвалнтн**, ср. **несъ**, **несъша**; по происхожденію это—причастія perf., распространенныя въ общеслав. яз. по образцу основъ типа **коньь**; съ старослав. **ъш**, гдѣ **ш** въ общеслав. яз. изъ sj, тожественно дринд. uṣ—въ слабомъ звуковомъ видѣ суффикса причастій perf., напр., vidúṣ—къ корню vid «знать».

D) Общеиндоевроп. ū безъ послѣдующей гласной дало дринд. ū, греч. ū (іон. атт. ῠ долгое), лат. ū, общеслав. y, старослав. **ы** (послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ ū въ общеслав. яз. дало ī, откуда старослав. **и**).

Примѣры: дринд. dhūmá-s «дымъ», греч. θυμός (съ ῠ долгимъ), лат. fūmus, старосл. **дымъ**; общеслав. ī, старослав. **и** изъ общеиндоевроп. ū послѣ мягкаго неслогового звука мы находимъ, напр., въ старослав. **шитъ**, дринд. syūtá-s «шитый»; старослав. **сынъ**, дринд. (вед.) sūnú-s; старосл. **бы-ти**, дринд. глаг. корень bhū «быть», греч. ἔφυ 3-е л. ед. ч. аор. (съ долгимъ ῠ) = дринд. ábhūt; ср. съ краткимъ u гр. φύσις, лат. futurus; дринд. údhar, (údhas)—«вымя», р. вымя, ср. гр. οὖθαρ, лат. ūber съ старымъ дифтонгомъ; р. вымя представляетъ передъ ы звукъ в, развившійся еще въ общеслав. яз. передъ гласными лабіализованными (а общеслав. y получилось изъ ū).

9. Происхожденіе индоевропейскихъ краткихъ и долгихъ i и u.

Слоговыя i и u имѣютъ двоякое происхожденіе: 1) изъ стяженія группъ «ai̯ и au̯», 2) изъ стяженія группъ «i̯ или u̯ + a», при чемъ a предварительно измѣнялось въ ą (см. выше стр. 22). Слѣдовательно, общеиндоевроп. слоговыя i и u такого происхожденія представляютъ собою слабый звуковой видъ, чередовавшійся съ сильнымъ, который являлся въ дифтонгахъ ei, oi, ai, eu, ou, au и въ звуковыхъ сочетаніяхъ i̯e, i̯o, i̯a u̯e, u̯o, u̯a. Чередованіе общеиндоевроп. слоговыхъ i, u съ дифтонгами мы находимъ, напр., въ дринд. i-más «мы идемъ», греч. ἴμεν, при дринд. émi

«я иду», греч. εἶμι, съ общеинд. дифтонгомъ ei (см. ниже), дринд. búdhya-tē «пробуждается, бодрствуетъ, замѣчаетъ» греч. ἐπυθόμην, стсл. **кѫдѣти**, ср. дринд. bódha-ti «пробуждается, бодрствуетъ, замѣчаетъ», греч. πεύθομαι, стсл. **блюдѣтъ** со старымъ дифтонгомъ eu̯ и стсл. **коудити** со старымъ дифт. ou̯. Общеиндоевроп. слоговыя i и u въ чередованіи съ i̯e, u̯e и т. д. являются, напр., въ дринд. iṣṭá-s «принесенный въ жертву», при дринд. yája-ti «онъ приноситъ въ жертву»; дринд. svápna-s «сонъ», лат. somnus изъ *sṷepnos, а, съ другой стороны, съ слабымъ звуковымъ видомъ греч. ὕπνος, гдѣ придыханіе изъ s, стсл. **сънъ** съ общесл. утратой «р» передъ «n», ср. **съпати**.

Общеиндоевроп. ī, ū происходили: 1) изъ стяженія a+i̯ или u̯ съ некраткими i̯ и u̯ съ измѣненіемъ a въ ā (см. выше), слѣдовательно, общеиндоевроп. слоговые ī, ū въ этихъ случаяхъ представляли слабый звуковой видъ, чередуясь съ сильнымъ, имѣвшимъ дифтонги на i̯ и u̯ долгія. Общеиндоевроп. слоговое ī такого происхожденія является, напр., въ стсл. **вити**, **витъ**, русск. вью, ср. дринд. váya-ti «плететъ». Общеиндоевроп. ū слоговое находимъ въ дринд. dhūtá-s, «приведенной въ сотрясеніе», dhūmá-s «дымъ» стсл. **дымъ**, ср. дринд. dhaviṣyá-ti «будетъ приводить въ движеніе», гдѣ дринд. avi изъ общеиндоевроп. eu̯ə, а послѣднее изъ eu̯. 2) Общеиндоевроп. ī, (ū?) слоговыя получились, можно думать, вслѣдствіе стяженія группъ iə и (uə); ī такого происхожденія существовало въ томъ суффиксѣ ī, который служилъ для образованія именныхъ основъ. ж. рода; отсюда дринд. ī, напр., въ dēvī́ «богиня», bháranti «несущая», ср. лат. genetrix, — īcis (съ новымъ суффиксомъ, стсл. **бержити**; въ діалектахъ индоевроп. яз. вмѣсто iə являлось i̯ə; такого происхожденія общегр. ια съ его дальнѣйшимъ измѣненіемъ, ср., напр., атт. φέρουσα изъ feronti̯a *). Общеиндоевр. ū изъ u̯ə существовало, напр., по предположенію нѣкоторыхъ ученыхъ въ суффиксѣ нѣкоторыхъ именныхъ основъ женск. рода на ū, напр., ср. въ дринд. яз. ç̣vaç̣rú-ṣ «свекровь», стсл. **свекръı**. 3) Общеиндоевроп. ī ū слоговыя происходили изъ стяженія двухъ i и двухъ u; такого происхожденія ī, напр., въ формѣ дринд. яз. ījé — 1-ое л. perf. medii отъ корня yaj «приносить въ жертву»; съ нимъ однородно ū, напр., въ формѣ ūcé 1-ое л. perf. medii отъ корня vac «говорить»; здѣсь въ индоевроп. праязыкѣ íĝ и úk̂ (съ g и k средненебными) образовались изъ i—iĝ, u—uk̂, а эти послѣдніе изъ i̯a—i̯aĝ, u̯a—u̯ak̂. 4) Общеиндоевроп. ī, ū слоговыя получались, быть можетъ, изъ дифтонговъ əi̯, əu̯, представлявшихъ слабый звуковой видъ по отношенію къ дифтонгамъ ēi̯ ōi̯, āi̯, ēu̯, ōu̯, āu̯ съ некраткими неслоговыми частями. Повидимому, такого происхожденія общеиндоевроп. ī, напр., въ стсл. **нити**, ср. лат. neō, nēre

*) Въ настоящее время Бругманъ (Grundriss II, 1², p. 212) склоняется къ мысли, что греч. ια является новообразованіемъ вмѣсто индоевроп. ī, возникшимъ на почвѣ самого греческаго языка, именно подъ вліяніемъ такихъ им. ед. какъ πτέρνα „пятка“, μέριμνα „забота“, гдѣ конечное α изъ Ə, ср. вед. dhartárī (такія образованія были первоначально отвлеченными именами ж. р.) им. ед. ср. р. „опора“. Это объясненіе мнѣ представляется не вполнѣ убѣдительнымъ, хотя бы уже по той причинѣ, что я не могу принять отожествленіе им. ед. ж. р. съ извѣстными образованіями ср. р. (теорія J. Schmidt'a). Подробнѣе объ этомъ вопросѣ я говорю въ морфологіи.

«прясть», гр. νῆμα «пряжа, нить» съ полнымъ звуковымъ видомъ, съ индоевроп. дифтонгомъ ēi̯, утратившимъ i̯, еще въ индоевроп. праязыкѣ. 5) Наконецъ, есть, кажется, основаніе думать, что i и u въ зват. формѣ ед. ч. именъ съ основами на старыя ī и ū получились вслѣдствіе сокращенія этихъ ī и ū въ связи съ перенесеніемъ ударенія, ср. дринд. зват. nádi при им. nadī-s (ведійская форма, въ классич. санскритѣ nadī́), а также зват. tánu при им. ед. tanū́-s «тѣло».

Общеиндоевроп. слоговыя i и ī, а также u и ū могли чередоваться между собою, ср., напр., дринд. vīrá-s, лат. vir; индоевроп. корень bhū при bhu (греч. ἔφυ (съ долгимъ υ), лат. futurus). Причины такого чередованія не вполнѣ ясны, да и вообще мы лишены возможности возстановить въ полномъ видѣ всю картину взаимоотношенія по происхожденію звуковъ i и u краткихъ и долгихъ и тѣхъ сочетаній, изъ которыхъ они образовались, съ тѣми сочетаніями, которыя представляли сильный звуковой видъ.

10) Общеиндоевропейскія i̯, u̯, а также i и ū въ положеніи передъ гласной.

Въ индоевроп. праязыкѣ i и u слоговыя были извѣстны, между прочимъ въ положеніи передъ гласными. Въ чередованіи съ общеиндоевроп. i и u въ такомъ фонетическомъ положеніи находились неслоговыя i и u, т.-е. i̯ и u̯. Общеиндоевроп. i и u передъ гласными сохранились въ ведійскомъ нарѣчіи дринд. яз., какъ слоговые звуки, а въ санскритскомъ нарѣчіи они перешли въ неслоговыя i̯ и u̯, откуда далѣе v, напр., въ санскритѣ мы находимъ pítrya-s (y = i̯) «отцовскій», въ ведійскомъ же нарѣчіи нужно читать по указанію метра, pitrias, ср. гр. πάτριος; санскритское dvau, ведійское, по указанію метра, duau, ср. гр. δύω, лат. duo, стсл. **дъва**.

Въ греч. яз. общеиндоевроп. i и u передъ гласными сохранились, какъ слоговыя: i и общегр. u, откуда въ іон. атт. діалектахъ υ. Въ лат. яз. общеиндоевроп. i и u передъ гласными въ ихъ исторіи совпадаютъ съ общеиндоевроп. i̯ и u̯.

Въ общесл. яз. общеиндоевроп. i передъ гласною должно было измѣниться въ i̯, которое затѣмъ послѣ согласной исчезло, смягчивъ предшествующую согласную; — сохранилось i̯ только въ части діалектовъ не въ 1-омъ слогѣ слова, гдѣ изъ группы «губная + i» не получилась группа «губная + l смягченное». Общеиндоевроп. u̯ передъ гласными въ общесл. яз. должно было измѣниться въ v, откуда стсл. «**к**».

Въ отдѣльныхъ индоевр. языкахъ. мы находимъ также вмѣсто i и u слоговыхъ передъ гласными или ихъ рефлексовъ сочетанія i—i̯, u—u̯. Въ общесл. яз. изъ ii̯ получилось **ь**—j, въ части діалектовъ i—j, а изъ u—u̯ получилось **ъ**—v; то же находимъ и въ стсл. яз., напр., **трин (трьн)**, ср. гр. τριῶν, лат. trium, кот. могли имѣть и i передъ гласной, и ii̯ съ утратою i̯ между гласными; **дъва**, ср. дринд. duau (см. выше), гр. δύω, лат. duo. Ср. далѣе дринд. apnuvánti; «достигаютъ», и sunvánti «выжимаютъ сокъ» (дринд. глаг. основы съ суффиксомъ nō/nu имѣютъ въ 3 л.

мн. ч. praes. передъ личнымъ суффиксомъ ánti изъ индоевроп. énti сочетаніе uv только тамъ, гдѣ самъ глагольный корень оканчивается на согласную).

Общеиндоевроп. слоговыя ī и ū передъ гласными измѣнялись въ сочетанія i — i̯, u — u̯, въ которыхъ i̯ и u̯ соединялись съ послѣдующей гласной въ одинъ слогъ.

Въ дринд. яз. общеиндоевроп. i — i̯, u — u̯ такого происхожденія даютъ i — i̯ (обозначается iy), u — v, напр., dhiyás родит. п. ед. ч. при им. dhīs «мысль»; bhuvás род. п. ед. ч. при им. bhūs «земля».—Въ стсл. яз. эти сочетанія дали **ь**—j, а въ части діалектовъ i—j и **ъ**—**в**, напр., **пріѧти**, дринд. priyá-s «милый»; ср, prīṇámi «радую, располагаю къ себѣ, радуюсь»; ср. стсл. род. ед. **любъвє** при имен. п. **любъı**, гдѣ **ъı** изъ общеиндоевроп. ū. Въ греч. яз. общеиндоевроп. i̯ между гласными исчезло еще въ общегр. эпоху, а потому общеиндоевр. i—i̯ передъ гласной совпало съ i передъ гласной, напр., ср. κιός при имен. κῖς «червь». Общеиндоевроп. u̯ передъ гласными сохранялось нѣкогда въ видѣ *F*, но въ іон. атт. діалектахъ этотъ звукъ рано исчезъ; поэтому здѣсь изъ общеиндоевроп. u—u̯ передъ гласными мы находимъ υ, напр., ср. ὀφρύς изъ ὀφρύϝος при им. п. ὀφρῦς. Въ лат. яз. общеиндоевроп. i—i̯, u—u̯ передъ гласными совпали со старыми i—u, ср., напр., лат. su—is при им. sūs.

Исторію общеиндоевроп. неслоговыхъ i̯ и u̯ не въ составѣ дифтонговъ мы разсмотримъ послѣ исторіи согласныхъ.

11. Дифтонги общеиндоевропейскаго яз. и ихъ исторія въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ.

Къ дифтонгамъ общеиндоевроп. яз. принадлежали сочетанія слоговыхъ гласныхъ e, o, a краткихъ и долгихъ съ послѣдующими i̯ и u̯ того же слога. Въ дифтонгахъ ei̯, oi̯, o₂i̯, ai̯, eu̯, ou̯, o₂u̯, au̯ различались дифтонги съ краткими i и u и съ долгими i и u неслоговыми.

А) Дифтонги съ краткой слоговой гласной.

Въ дринд. яз. всѣ упомянутые общеиндоевропейскіе дифтонги на i̯ совпали въ одной гласной ē и всѣ общеиндоевропейскіе дифтонги на u̯ въ дринд. яз. совпали въ одной гласной ō, поскольку, конечно, они были нѣкогда дифтонгами, т.-е. поскольку они въ положеніи передъ гласной не распались на звуки двухъ слоговъ.

Въ греч. яз. изъ общеиндоевроп. дифтонговъ ei̯, oi̯, o₂i̯, ai̯ получились дифтонги ει, οι, αι, а изъ общеиндоевроп. дифтонговъ eu̯, ou̯, o₂u̯, au̯—дифтонги ευ, ου, αυ. Изъ дифтонга ει получилось въ іон. атт. діалектѣ уже въ V в. до Р. Х. ē закрытое, откуда далѣе въ III в. до Р. Х. долгое ι, а изъ ου въ томъ же діалектѣ въ V в. до Р. Х. ō закрытое, откуда ū; по традиціи написанія ει, ου продолжали, однако, сохраняться; тѣ же написанія ει и ου примѣнялись здѣсь для обозначенія и такихъ ε и ο закрытыхъ, которыя получились изъ стяженія двухъ гласныхъ (ср. φιλεῖτε, ποιοῦμεν изъ φιλέετε, ποιέομεν) или изъ протяженія краткихъ ε и ο въ связи съ упрощеніемъ извѣстныхъ группъ согласныхъ (ср. εἰμί изъ *esmi, ср. дорич. ἠμί

(здѣсь протяженіе е дало η), лесб. ἔμμι; διδούς им. ед. прич. наст. вр. (основа διδόντ—). Такимъ образомъ тѣмъ іон.-атт. ē и ō закрытымъ, которыя произошли не изъ дифтонговъ (хотя и писались, какъ ει и ου въ то время, когда дифт. ει и ου звучали уже, какъ ε и ο закрытыя) въ строго дорическомъ діалектѣ соотвѣтствуютъ η и ω изъ удлиненія ε и ο. Дифтонги οι и αι въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ діалектахъ гр. яз. сохранялись какъ дифтонги, хотя въ беотійскомъ діалектѣ дифтонгъ αι рано, къ 400 г. до Р. Х., измѣнился черезъ ступень ае въ ē (η), а οι черезъ посредство ое въ ŭ долгое (3 в. до Р. Х.). Въ аттич.-нарѣчіи o̯i сохранялось долго и переходъ его въ ŭ долгое произошелъ не раньше 2-го в. до Р. Х.; въ 9—10 в. отсюда получилось новогреческое ι. Дифтонги αυ и ευ въ дргреч. яз. сохранились, при чемъ звукъ u не измѣнялся здѣсь въ ŭ, но съ теченіемъ времени перешелъ въ v передъ сонорными и звонкими согласными, а передъ глухими въ f: новогреч. εὐνή = evní, αὐτός = aftós.

Въ латинскомъ яз. изъ общеиндоевроп. дифтонговъ e̯i, o̯i, o₂i̯, a̯i получились дифтонги ei̯, oi̯, ai̯, а изъ общеиндоевроп. eu̯, ou̯, o₂u̯, au̯ получились дифтонги ou̯, au̯, при чемъ дифтонгъ eu̯ совпалъ съ ou̯ въ одномъ дифтонгѣ ou̯. Эти дифтонги съ теченіемъ времени стянулись въ долгія гласныя. Древнелат. дифтонгъ ei̯ перешелъ къ концу III и началу II в. до Р. Х. въ слогѣ подъ старымъ общеиталійскимъ удареніемъ въ ē закрытое, а далѣе въ ī. Дифтонгъ oi̯ въ положеніи подъ древнимъ удареніемъ на первомъ слогѣ далъ oe (еще у Плавта), ū (въ классическомъ періодѣ), при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ подъ вліяніемъ, можетъ быть, традиціи въ официальномъ яз. и орѳографіи сохранилось oe, ср. foedus, poena, заимствованное изъ греч. ποινή, но ср. pūnīō; ср. далѣе poenus и pūnicus (это oe въ живомъ народномъ произношеніи затѣмъ звучало какъ ē),—впрочемъ, какъ видно изъ дублетовъ poena—pūnio, poenus—pūnicus, а также изъ Poenia (слово самого живого языка), врядъ ли мы можемъ безусловно принять указанное выше объясненіе, предложенное нѣкоторыми учеными; съ другой стороны, попытки найти фонетическія причины для сохраненія oi̯ въ видѣ oe въ однихъ случаяхъ и для перехода его въ ū въ другихъ случаяхъ не дали надежныхъ выводовъ. Вопросъ остается поэтому неяснымъ. Въ началѣ словъ oi̯ послѣ u̯ перешло въ ei̯ и далѣе въ ī, ср. vīcus и греч. (ϝ)οῖκος, vīdī и греч. (ϝ)οἶδα. Дифтонгъ ai̯ перешелъ въ дифт. ae, сохранявшійся въ литературномъ яз. и послѣ Р. Х., а въ народномъ яз. онъ рано измѣнился дальше въ ē открытое. Дифтонгъ ou̯ далъ ū, кажется, уже въ 3 в. до Р. Х., а au̯ подъ удареніемъ сохранилось въ классическомъ яз., но въ народномъ дало ō. Въ положеніи безъ стараго ударенія на первомъ слогѣ словъ всѣ дифтонги на i̯ перешли въ результатѣ въ ī, черезъ ступень ē закрытаго, ср. ēdīcō изъ ēxdeicō, при dīcō изъ deicō; incīdō, ср. caedō, anquīna изъ *anqoina, заимствованное изъ греч. ἀγκοίνη — «кольцо, прикрѣпляющее рею къ мачтѣ»; всѣ дифтонги на u̯, въ такомъ положеніи перешли въ ū, напр., ср. inclūdō при claudō, excūsō—causa и т. д. Примѣръ дифтонга на i̯ въ концѣ слова lupī—именит. над. множ. ч., ср. греч. λύκοι; въ др.-лат. яз. мы находимъ еще poploe (пѣснь салiевъ), virei, ploirume (въ надписяхъ). Вообще въ слогахъ безъ стараго ударенія измѣненіе ei̯, въ которомъ совпали всѣ дифтонги на i̯, относится

къ времени болѣе раннему, чѣмъ появленіе ē изъ e̯i̯ подъ удареніемъ. Въ положеніи передъ r въ слогѣ безъ ударенія ē изъ дифтонга, повидимому, сохранилось, ср. rētērium изъ *rosmoiriom, ср. mūrus.

Въ общесл. яз. дифтонгъ e̯i̯ обратился въ ī, откуда стсл. **и**. Общеиндоевроп. дифтонги o̯i̯, o₂i̯, a̯i̯ еще въ балтійскослав. эпоху должны были совпасть въ одномъ дифтонгѣ o̯i̯; поэтому изъ общеиндоевроп. дифтонговъ o̯i̯, o₂i̯, a̯i̯ общеслав. яз. имѣлъ нѣкогда дифтонгъ o̯i̯. Этотъ общеслав. дифтонгъ o̯i̯ тамъ, гдѣ ему не предшествовалъ мягкій неслоговой звукъ, перешелъ съ теченіемъ времени въ общеслав. яз. въ ē. Далѣе всякое общеслав. ē давало дифтонгъ ie (**ѣ**): въ стсл. яз. отсюда получилось **ѣ**. При положеніи въ концѣ словъ общеслав. ē съ прерывистой долготой измѣнялось въ общеслав. яз. въ i, откуда стсл. **и**. При положеніи дифтонга o̯i̯ послѣ мягкаго неслогового звука o̯i̯, вслѣдствіе измѣненія гласной o въ такомъ положеніи въ гласную e, должно было совпасть съ дифтонгомъ e̯i̯ и далѣе обратиться въ ī, стсл. **и** (ср. **несѣте**—повел. н., гдѣ **ѣ** изъ o̯i̯ (ср. суффиксъ o̯i̯ въ желат. накл. греч. яз.) съ **пишите** *); въ формѣ 2-го л. ед. ч. **несн** мы имѣемъ **и** изъ ē съ прерывистой долготой). Особую исторію имѣлъ въ общеслав. яз. дифтонгъ o̯i̯ въ началѣ словъ. Въ эпоху распаденія общеслав. языка дифтонгъ o̯i̯ давалъ при такомъ фонетическомъ положеніи частію jie (или ie), частію ja, въ стсл. яз. здѣсь **ꙗ**, въ русскомъ яз. я и діалектическое ѣ.

Изъ общеиндоевроп. дифтонговъ e̯u̯, o̯u̯, o₂u̯ a̯u̯ въ общеслав. яз. получились дифтонги e̯u̯ и o̯u̯. Въ ту эпоху жизни общеслав. яз., когда o послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ подверглось измѣненію въ e, общеслав. дифтонгъ o̯u̯ измѣнился въ e̯u̯, который вмѣстѣ со старымъ e̯u̯ перешелъ въ звуковое сочетаніе i̯ü, гдѣ i̯ послѣ согласныхъ имѣло ту же исторію, что и въ другихъ случаяхъ при данномъ положеніи. Въ результатѣ получилось ü послѣ смягченной согласной, которое въ части діалектовъ стсл. яз. перешло въ u и обозначалось написаніемъ **оу** не послѣ j, но въ другихъ діалектахъ старославянскаго языка (Саввина кн., глаголич. тексты) гласная ü сохранялась, и буква **ю** обозначала здѣсь какъ сочетаніе i̯+ü, такъ и одну гласную ü (напр., послѣ **ж**, **ч**). Общеслав. дифтонгъ o̯u̯, гдѣ ему не предшествовалъ мягкій неслоговой звукъ, перешелъ въ общеслав. яз. въ гласную u, передававшуюся написаніемъ **оу** въ подражаніе греческому письму.

Примѣры: 1) общеиндоевроп. дифтонгъ e̯i̯: дринд. ḗmi, «я иду», греч. εἶμι, ср. лат. 2 л. ед. ч. īs «идешь», стсл. **итн** (слав. **и** именно изъ дифтонга по указанію литовскаго яз.), ср. съ слабымъ звуковымъ видомъ дринд. imás, гр. ἴμεν; гр. δείκνυμι, лат. dīcō, ср. съ слабымъ звуковымъ видомъ гр. δίκη, лат. род. indicis; дринд. dēvá-s «богъ», ср. лат. dīvī, тогда какъ deus изъ *de̯i̯os, т.-е. дифт. e̯i̯ передъ u̯ того же слога, исчезавшимъ затѣмъ передъ o, давалъ e; deos—divi и т. д. разбилось на два самостоятельныхъ парадигма: deus—deī, divos—dīvī.

---

*) Такимъ образомъ въ общеслав. и старослав. **ѣ** мы должны различать по происхожденію ѣ изъ ē и ѣ изъ дифтонга o̯i̯; первому послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ соотвѣтствуетъ **а**, а второму **и**, ср. слышати и горѣти, пишите и несѣте.

2) Общеиндоевроп. oi̯: дринд. véda, греч. οἶδα (изъ ϝ-οιδα), ср. стсл. **вѣдѣти**; дринд. bharē—(основа желат. накл.), тождеств. греч. φέροι, стсл. **берѣ**—въ **берѣте**, тогда какъ въ **бери** конечное i въ общеслав. яз. изъ ie, которое само изъ ē съ прерывистой долготой; ср. далѣе **рабѣ** мѣстн. ед. и **рабы** им. мн.; въ первомъ случаѣ была старая длительная долгота, во второмъ случаѣ старая прерывистая долгота (въ 1-мъ случаѣ дифтонгъ съ долгою неслоговою частью), ср. греч. нарѣчіе οἶκοι «дóма» (по происхожденію мѣстн. ед. ч.) и οἶκοι «домá», гдѣ различіе въ количествѣ неслоговой части дифтонга, а потому и въ качествѣ ударенія предшествующаго слога индоевропейскаго происхожденія; дрлат. oinos, откуда ūnus, греч. οἴνη (οἰνή) «одно очко на игральной кости»; дринд. ēnam «его», родственно, но нетождеств. стсл. **иного**, гдѣ **и** не изъ дифт. (судьбу дифт. oi̯ въ началѣ слова см. выше), а изъ i; передъ начальнымъ **ь** изъ i развивалось въ общесл. яз. j, а **jь** давало i; примѣръ oi̯ въ началѣ слова: стсл. **ядъ**, русск. ядъ. діалектич. ѣдъ, родственно греч. οἰδάω—здѣсь οι изъ общеиндоевроп. o_2i̯.

3) Общеиндоевроп. ai̯: греч. ται—суфф. наст. вр. 3 л. ед. ч. medii (φέρεται), дринд. tē (bhárate); стсл. **лѣвъ**, лат. laevos, греч. λαιός (изъ λαιϝός); гр. αἰών изъ αἰϝών, ср. лат. aevom; въ іоническоаттическомъ нарѣчіи дифтонгъ ai̯ передъ гласными ε, ι, α давалъ α, ср. ἀεί изъ αἰϝεί, ср. αἰϝών; гом. αἰεί—новообразованіе по аналогіи αἰών; Ἀθηναία—Αθηνᾶ, какъ имя богини, но Ἀθηναία «Аѳинянка» подъ вліяніемъ Ἀθηναῖος.

4) Общеиндоевроп. дифтонгъ eu̯: дринд. ṓṣa-ti «жжетъ». гр. εὔω, лат. ūro, ср. съ слабымъ звуковымъ видомъ корня дринд. uṣṭá-s, лат. ustus; дринд. bṓdha-ti «бодрствуетъ, замѣчаетъ»: гр. πεύθεται, ср. стсл. **блюдѫ**, ср. съ дифт. ou̯ стсл. **боудити** и съ слабымъ звуковымъ видомъ корня дринд. búdhya-tē, гр. ἐπυθόμην, стсл. **бъдѣти**; стсл. (**любити**), ср. съ слабымъ звуковымъ видомъ корня лат. lubet—libet.

5) Общеиндоевроп. дифтонгъ ou̯: окончаніе формы род. ед. старыхъ основъ на u, напр., стсл. **сынъ**, дринд. sūnṓs, ср. лат. ūs въ domūs; форма зват. ед. ч. стсл. **сыну**, дринд. súnō; греч. σπουδή при σπεύδω.

6) Общеиндоевроп. дифтонгъ au̯: гр. ταῦρος, лат. taurus, стсл. **тоуръ**; гр. αὖος, стсл. **соухъ**, дринд. ç̣ṓṣa-s (ç̣ здѣсь вм. s нефонетическаго происхожденія, подъ вліяніемъ ṣ въ слѣдующемъ слогѣ); лат. auris, что же касается стсл. **ухо** (основа на i въ **ушии**), то оно можетъ имѣть и ou̯, ср. гр. οὖς, дор. ὦς изъ *ouṣos (о чередованіи o : a см. стр. 40).

В) Дифтонги съ долгой слоговой гласной.

Къ общеиндоевр. дифтонгамъ этого рода принадлежатъ дифтонги: ēi̯, ōi̯, āi̯, ēu̯, ōu̯, āu̯. Во всѣхъ этихъ дифтонгахъ различались дифтонги съ краткими i̯ и u̯ и съ некраткою неслоговою частью. Общеиндоевр. дифтонги съ долгой слоговой гласною и некраткими i̯ и u̯ передъ согласной утратили при извѣстныхъ условіяхъ фонетически неслоговую часть еще въ праязыкѣ и совпали съ ā различнаго качества не изъ дифтонговъ. Въ концѣ словъ дифтонги съ длительной долготой слоговой гласной представляли такія i̯ и u̯, которыя могли отпадать при извѣстныхъ условіяхъ, при чемъ слоговая гласная получала прерывистую долготу. Въ общеиндоевр. яз. дифтонги съ долгой слоговой гласной съ длительной долготой

имѣли эту долготу въ однихъ случаяхъ первоначальною, а въ другихъ случаяхъ изъ фонетическаго удлиненія гласной въ соотвѣтственномъ дифтонгѣ съ краткой слоговой гласной (см. въ отдѣлѣ о чередованіи гласныхъ). Кромѣ того, были случаи, когда дифтонги съ длительной долготой слоговой гласной, имѣя некраткія i̯ и u̯, происходили въ общеиндоевр. яз. изъ соединенія въ одномъ слогѣ звуковъ, принадлежавшихъ двумъ частямъ слова. Дифтонги съ долгой слоговой гласной и прерывистой долготой въ случаяхъ, намъ извѣстныхъ, получились всюду изъ соединенія гласныхъ e, o, a, въ концѣ одной части слова съ дифтонгами ei̯, eu̯ и т. д. или дифтонгами āi̯, ēu̯ и т. д. въ другой части слова.

Въ дринд. яз. всѣ общеиндоевр. дифтонги съ долгой слоговой гласной и съ i̯ обратились въ дифгонгъ ai̯, а дифтонги на u̯—въ au̯. Въ транскрипціи звуковъ дринд. яз. многіе пишутъ āi и āu, потому что дифтонгамъ āi и āu при положеніи передъ гласной соотвѣтствуютъ сочетанія ā-y и ā-v (см. ниже), частью потому, что написанія āi и āu указываютъ на происхожденіе такихъ дифтонговъ.

Въ греч. яз. общеиндоевр. дифтонги съ долгой слоговой гласной въ концѣ словъ не передъ согласной дали слѣдующіе результаты: изъ общеиндоевр. дифтонговъ ōi̯, āi̯ въ греч. яз. при положеніи въ концѣ словъ мы находимъ дифтонги ῳ и ᾳ (т.-е. ωι и αι) съ долгимъ α, а изъ ᾳ долгаго въ іон. атт. діалектѣ при извѣстныхъ условіяхъ получилось η, откуда далѣе въ V в. до Р. Х. закрытое ē, перешедшее въ III в. въ ī; въ это время дифтонги ωι и αι съ ā долгимъ перешли уже въ ω и α долгое. Общеиндоевр. дифтонги съ долгой слоговой гласной передъ согласными въ греч. яз. теряли долготу слоговой гласной и совпадали съ дифтонгами, происшедшими изъ общеиндоевр. дифтонговъ съ краткими слоговыми гласными.

Въ лат. яз. дифтонги съ долгой слоговой гласной передъ согласными и въ концѣ словъ сократили долгую слоговую гласную и обратились въ дифтонги съ краткими слоговыми гласными, но уже послѣ измѣненія старыхъ дифтонговъ на i̯ съ краткими слоговыми гласными въ концѣ словъ въ ē закрытое. Дифтонгъ ai̯ изъ āi̯ при положеніи въ слогѣ безъ стараго латинскаго ударенія обратился въ ae. Древнелат. дифтонгъ oi̯ изъ ōi̯ въ концѣ словъ обратился въ результатѣ въ ō.

Въ общесл. яз. общеиндоевр. дифтонги съ долгой слоговой гласной получили сокращеніе слоговой гласной и совпали съ дифтонгами, имѣвшими краткую слоговую гласную. Поэтому изъ общеиндоевр. ēi̯ общесл. яз. имѣлъ ei̯ съ измѣненіемъ его въ ī, откуда стсл. **и**; изъ общеиндоевр. ōi̯ и āi̯ въ общесл. языкѣ получилось oi̯ и въ результатѣ ē, ie, откуда стсл. **ѣ**, а послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ дифтонъ oi̯ измѣнился въ общесл. яз. въ ei̯, откуда общесл. ī, стсл. **и**. Общеиндоевр. ōu̯ и āu̯ совпали съ дифтонгомъ ou̯, изъ котораго въ общесл. яз. получилось ū, стсл. **оу**, а послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ въ общесл. яз. получилось eu̯, откуда общесл. jū съ его дальнѣйшей исторіей (см. выше). Общеиндоевр. дифт. ōi̯, гдѣ ō имѣло прерывистую долготу, измѣнился въ общесл. яз. въ ū послѣ твердыхъ согласныхъ, откуда стсл. **оу**, и въ ü послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ, откуда въ однихъ діалектахъ стсл. яз. **оу** въ положеніи не послѣ j и i̯, а въ другихъ—**ю**.

Примѣры: 1) общеиндоевр. дифтонгъ ēi̯ существовалъ въ формѣ мѣстн. п. ед. ч. именъ съ основами на i, напр., дринд. ведійское agnā́ (въ санскритскомъ нарѣчіи agnáu,—новообразованіе по аналогіи основъ на u) отъ основы agní (имен. ед. agnís̩ «огонь»); греч. (гомер.) πόλῃι изъ *πολῃιι, гдѣ къ формѣ на ῃι приставлено ι по аналогіи другихъ образованій стараго мѣстн. п. (греческаго дательнаго); въ аттическихъ надписяхъ πόλῃ, аттическое же πόλει изъ *πολειι; стсл. **пѫти** (въ окончаніи этой формы дифтонгъ ēi съ длительной долготой въ индоевр. праяз. былъ полученъ изъ протяженія дифтонга съ краткой слоговой гласной, чередовавшагося въ окончаніи основъ на i съ i краткимъ, ср. дринд. род. ед. agnḗ-s̩, стсл. **кости** и т. д.). Дифтонгъ ēi̯ существовалъ долѣе съ утратой i̯ передъ согласной въ томъ индоевр. словѣ, откуда дринд. rā̄s «имущество», лат. rēs, ср. дринд. им. мн. rā́y-as, гдѣ дифтонгъ распался на звуки двухъ слоговъ.

2) Общеиндоевр. дифтонгъ ōi̯ являлся въ окончаніи дат. п. ед. ч. именъ и мѣстоименій съ основами на o, напр., въ дринд. tásmai «тому» (дринд. dēvā́ya—дат. п. ед. ч. отъ основъ dēvá «богъ» представляетъ, по мнѣнію однихъ, старую форму род. п. на oi̯o, гдѣ изъ o получилось a по правилу объ измѣненіи o, чередовавшгося съ e, по мнѣнію же другихъ, форму дат. п. съ постпозиціей), греч. ἵππῳ, лат. equō, дрлат. populoi Romanoi, стсл. **томоу**, **рабоу**, **коню**.

3) Общеиндоевр. дифтонгъ āi̯ съ прерывистой долготой являлся въ дат. п. ед. ч. основъ жен. р. на ā, напр., дринд. sénāyai им. ед. sénā «войско», греч. χώρᾳ, τιμῇ, лат. equae, стсл. **рыкѣ**. Общеиндоевр. дифт. āi̯ съ прерывистой долготой являлся далѣе въ дат. п. ед. ч. основъ женск. р. на ī стянутое, напр., дринд. dēvyā́i, при им. dēvī́ «богиня», ср. греч. φερούσῃ, стсл. **кѣржѣщти**.

4) Общеиндоевр. дифтонгъ ēu̯ существовалъ, напр., въ томъ словѣ, откуда дринд. dyaus «день, небо», тожественное съ греч Ζεύς. Этотъ же дифтонгъ съ индоевр. утратой неслоговой части является въ вин. п., напр., дринд. dyām, греч. Ζῆν, лат. diem (изъ diēm), а по аналогіи вин. въ лат. и им. diēs.

5) Общеиндоевр. дифтонгъ ōu̯ является, напр., въ дринд. gaus «быкъ», «корова», греч. βοῦς, лат. bōs, родственно по корню стсл. **говѧжьдь** «бычачій», русское говядина, гдѣ старый дифтонгъ съ краткой слоговой гласной, распавшійся на звуки двухъ слоговъ. Этотъ же дифтонгъ является въ мѣстн. п. ед. ч. основъ на u, напр., дринд. sūnáu при им. ед. sūnú-s̩ «сынъ», стсл. **сыноу**, ср. въ лат. такое образованіе, какъ nocti (нарѣчіе, по происхожденію мѣстн. ед. ч).

6) Общеиндоевр. дифтонгъ āu̯ является, напр., въ общеиндоевр. существительномъ nāus, откуда дринд. naus, греч. ναῦς, іонич. νηῦς имѣетъ η нефонетическаго происхожденія, перенесенное изъ косвенныхъ падежей: νηί и т. д. Въ этой основѣ, въ отличіе отъ основъ di̯ēu̯-gōu̯, дифтонгъ съ старой долгой гласной, тогда какъ тамъ онъ въ чередованіи съ дифтонгами съ краткой слоговой гласной, ср. дринд. мѣстн. ед. въ ведійскомъ нарѣчіи dyávi, род. ед. gōs̩, лат. Jov-is и т. д.

C) Измѣненіе общеиндоевропейскихъ дифтонговъ передъ гласными.

Всѣ общеиндоевр. дифтонги въ положеніи передъ гласными распадались на звуки двухъ слоговъ, т.-е. i̯ и u̯ краткія и некраткія отдѣлялись отъ предшествующей гласной и примыкали къ гласной слѣдующаго слога, напр., изъ ai̯ передъ a получалось сочетаніе a + i̯a, изъ au̯ передъ a получалось сочетаніе a + u̯a.

Примѣры: дринд. род. п. nāvás, греч. νηϝός при им. п. дринд. naus, греч. ναῦς; греч. πλέω изъ πλέϝω, стсл. **пловѫ**, ср. стсл. **плоути**; стсл. **поѭ**, **поѥши**, ср. неопред. **пѣти** и т. д.

Относительно латинскаго языка нужно замѣтить, что здѣсь сочетаніе o—v передъ удареніемъ (историческимъ), повидимому, дало a—v, ср. cavēre при греч. κοϝέω «слышу, замѣчаю», ср. стсл. **чоуѭ**, дринд. kaví-ṣ «мудрецъ, поэтъ», лат. lavāre, ср. греч. λοϝέω, λούω; avillus «agnus recentis partus», ср. ovis и т. д.; cavō и lavō были бы въ такомъ случаѣ новообразованіями.

12. Чередованіе гласныхъ въ индоевропейскомъ праязыкѣ.

Гласныя находились въ извѣстныхъ случаяхъ въ индоевропейскомъ праязыкѣ въ чередованіи между собою. И въ области этихъ фактовъ намъ непосредственно извѣстно только то, что, по указаніямъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ, относится къ эпохѣ распаденія общеиндоевропейскаго праязыка. Однако, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, само соотношеніе фактовъ, представляемыхъ чередованіемъ гласныхъ, наводитъ насъ на нѣкоторыя мысли о болѣе древнихъ соотношеніяхъ и о самомъ процессѣ возникновенія относящихся сюда явленій, непосредственно намъ извѣстныхъ. Относясь со всею осторожностью къ такимъ далеко идущимъ соображеніямъ, мы все же видимъ, что на ряду съ болѣе или менѣе вѣроятными гипотезами мы имѣемъ такіе выводы, которые мы должны признать прочнымъ пріобрѣтеніемъ научнаго изслѣдованія.

Чередованіемъ гласныхъ (Ablaut) мы называемъ вообще то явленіе, что въ различныхъ образованіяхъ отъ одного и того же корня и въ одномъ и томъ же суффиксѣ въ различныхъ образованіяхъ мы находимъ различныя гласныя или сочетанія гласной съ другой гласной или сонорной согласной одного слога. Рядъ чередованія мы имѣемъ въ томъ случаѣ, когда данныя соотношенія повторяются въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ. Ср. въ русскомъ языкѣ рядъ чередованія е —о—а: нести—носить—нашивать, вести—водить—важивать и т. д.; въ греческомъ языкѣ мы находимъ, напр., πατήρ—πατέρα—πατρός, μήτηρ—μητέρα—μητρός и т. д. Само собою разумѣется, что изъ всей массы чередованій, представляемыхъ отдѣльными языками, мы должны, на основаніи сопоставленія съ другими индоевропейскими языками, выдѣлить всѣ тѣ явленія этого рода, которыя возникли уже на почвѣ отдѣльныхъ языковъ; ср., напр., въ русскомъ яз. случаи типа село : сёла, озеро : озёра, гдѣ мы имѣемъ соотношеніе, возникшее на почвѣ самого русскаго языка вслѣдствіе фонетическаго измѣненія звука е при извѣстныхъ условіяхъ.

Съ нѣкоторыми чередованіями гласныхъ (въ широкомъ смыслѣ этого термина, см. выше) индоевропейскаго праязыка мы уже познакомились; ср. сказанное въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ о чередованіи e : o, о чередованіи ē, ō, ā съ ə, о чередованіи e, o, a съ ɑ, о чередованіи дифтонговъ съ гласными i и u, наконецъ, о чередованіи i и ī, u и ū. Уже изъ сообщенныхъ выше свѣдѣній вытекаетъ, что въ чередованіи гласныхъ мы должны различать 1) количественныя и 2) качественныя чередованія.

Что касается перваго типа чередованій, то онъ возникъ въ индоевроп. праязыкѣ вслѣдствіе сокращенія слога въ положеніи безъ ударенія передъ слогомъ съ удареніемъ въ случаяхъ, гдѣ чередуются e, o, a и ɑ, ē, ō, ā и ə, дифтонги съ i и u. Быть можетъ, сокращенія происходили и при другомъ соотношеніи слога безъ ударенія и слога съ удареніемъ, ср. приведенное выше предположеніе о происхожденіи i и u изъ ī и ū въ зват. формѣ при перенесеніи ударенія съ конечнаго слога на начальный. Нѣкоторые ученые допускаютъ вообще не только регрессивное вліяніе ударенія на сокращеніе предшествующаго слога въ праязыкѣ, но и вліяніе прогрессивное, т.-е. сокращеніе слога въ положеніи за удареніемъ (такъ, напр., понимаютъ нѣкоторые соотношеніе суффиксовъ род. ед.—s и—es—os, ср. дринд. вед. sūnṓ-ṣ «сына» и вед. mádhv-as «сладкаго, меда», при чемъ sūnṓ-ṣ, индоевр. sūnou̯-s выводится изъ sūnou̯-os съ удареніемъ на ou̯). Физіологически это вполнѣ возможно, но является вопросъ, есть ли у насъ достаточное количество данныхъ для принятія такого сокращенія въ индоевр. праязыкѣ. Такихъ данныхъ очень и очень немного, и всѣ они представляютъ случаи, заводящіе насъ въ область очень далеко идущихъ и шаткихъ построеній. Вообще врядъ ли мы можемъ питать надежду при существующемъ положеніи объяснить всѣ явленія сокращеній въ индоевр. праязыкѣ вполнѣ удовлетворительно безъ всякаго остатка, такъ какъ, помимо всего прочаго, болѣе первоначальное соотношеніе фактовъ въ самомъ индоевр. праязыкѣ несомнѣнно было нарушено новообразованіями по аналогіи, между прочимъ, какъ разъ въ мѣстѣ ударенія.

Выше уже было указано въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ, какъ, по моему мнѣнію, правильнѣе всего объяснять отдѣльные случаи такихъ количественныхъ чередованій, а потому я, не повторяя уже данныхъ разъясненій, остановлюсь только на нѣкоторыхъ пунктахъ, которые раньше не были затронуты.

Во-первыхъ, мы должны отмѣтить, что долгія гласныя индоевропейскаго праязыка находились и въ чередованіи съ краткими гласными e, o, a, при чемъ этотъ родъ чередованій вообще рѣзко отличается отъ того чередованія, при которомъ гласныя ē, ō, ā чередовались съ ə, какъ гласной особаго звукового вида. Примѣрами могутъ служить: 1) индоевр. основа въ значеніи «нога», являющаяся въ лат. pēs, греч. дорич. πῶς (аттич. πούς является не вполнѣ еще разъясненнымъ новообразованіемъ по отношенію къ качеству гласной), дринд. pāt (им. ед., гдѣ t изъ d, ср. вин. ед. pād-am), ср. лат. ped-is, греч. πεδά діалектич. предлогъ = μετά, по происхожденію падежная формы разсматриваемой основы, греч. ποδός, дринд. pad-ás род. ед.; здѣсь ē : ō чередуются съ e : o, при чемъ въ слабомъ звуковомъ видѣ мы находимъ полную утрату ɑ: ср. греч. ἐπί-ϑδαι «день, слѣдующій за праздни-

комъ», дринд. основа upa-bdá «топотъ»; 2) áraikṣam 1-ое л. ед. ч. д. з. аориста сигматическаго къ корню ric въ значеніи «освобождать, отпускать», греч. ἔλειψα, гдѣ дифтонгъ съ долгой слоговой гласной сократился по законамъ греческой фонетики, ср. съ старымъ дифтонгомъ съ краткой слоговой гласной дринд. ati-rēka-s «остатокъ, слав. **отълѣкъ** «остатокъ» и съ слабымъ звуковымъ видомъ корня дринд. riktá-s «пустой», лат. re-lictus, греч. ἔλιπον; 3) дринд. dyaus «небо, день», греч. Ζεύς, ср. съ старымъ дифтонгомъ съ старой краткой слоговой гласной, распавшимся на звуки двухъ слоговъ, дринд. вед. мѣстн. ед. dyáv-i (при санскр. div-í), лат. Jov-is (о лат. diēs см. стр. 37) и съ слабымъ звуковымъ видомъ дринд. div-í, dyú-bhis (тв. мн. ч.), греч. Διός изъ Διϝός; 4) индоевр. суффиксъ tēr / tōr въ nomina agentis, ср. греч. δοτήρ, δώτωρ, дринд. dātá (им. ед. съ старымъ отпаденіемъ r), лат. dator съ фонетическимъ сокращеніемъ ō, ср. datōris, ср. тотъ же суффиксъ съ краткою гласною въ дринд. мѣстн. ед. dātár-i (въ дринд. dātár-am вин. ед. я не могу видѣть перенесенія ā изъ имен., какъ это принимаютъ многіе, а вижу индоевр. o, которое, принадлежа здѣсь къ ряду o / e, дало ā по закону Бругмана, dātár-i же имѣетъ индоевр.— ter—), съ слабымъ звуковымъ видомъ ср. дринд. datr̥-bhis тв. мн. съ удареніемъ на r̥, datr-é дат. ед.; ср. въ именахъ родства дринд. pitá : pitár-ám : pitr̥-bhiṣ съ удареніемъ на r̥ : pitr-é, греч. πατήρ : πατέρα : πατράσι : πατρί (дринд. pitáram имѣетъ e, а дринд. svásāram имѣетъ a изъ o, ср. греч. ἔορες им. мн. у Гезихія въ значеніи προσήκοντες, συγγενεῖς и зв. ἔορ въ значеніи θυγάτηρ, ἀνεψιός; 5) суффиксъ именъ типа дринд. rájā им. ед. «царь» съ старымъ отпаденіемъ n, ср. греч. имена типа ποιμήν, τέκτων, лат. homō, ср. съ старой краткой гласной въ суффиксѣ дринд. rájan-i мѣстн. ед., греч. τέκτονα, ποιμένα (дринд. rájān-am имѣетъ ā, повидимому, такого же происхожденія, какъ и ā въ dātár-am), ср. далѣе съ старымъ слабымъ звуковымъ видомъ дринд. rája-bhis тв. мн., rájñ-ē дат. ед., греч. τέκταινα изъ *tektanja, ποίμνη; 6) дринд. ājí-ṣ «бѣгъ взапуски», лат. amb-āges, греч. ἀγ-ωγή, лат. ā и греч. ω представляютъ примѣръ чередованія ā : ō (см. ниже), ср. съ краткой гласной a: греч. ἄγω, лат. agō, дринд. глаг. корень aj «гнать» (при ἄγω, ср. ὄγμος «борозда» съ чередованіемъ a : o), ср. съ слабымъ звуковымъ видомъ корня дринд. pári-j-mā (основа на n) «бродящій кругомъ», 7) греч. ὄπωπα, πρός-ωπον, гдѣ π изъ k лабіализованнаго, ср. съ краткимъ o_2 : греч. ὄσσε дв. число, лат. oculus, стсл. **око**.

Вопросъ о происхожденіи долгихъ гласныхъ въ такихъ чередованіяхъ, примѣры которыхъ приведены выше, остается до сихъ поръ весьма неяснымъ. Существуетъ довольно стройная теорія Штрейтберга, объясняющая возникновеніе долгихъ гласныхъ этого рода протяженіемъ краткихъ e, o, a при сокращеніи въ индоевр. праязыкѣ слова: если за гласной подъ удареніемъ въ открытомъ слогѣ утрачивался путемъ сокращенія слѣдующій слогъ, то такая гласная протягивалась. Эта теорія о Dehnstufe, т.-е. о протяженномъ звуковомъ видѣ, опирается на наблюденіе, что тамъ, гдѣ такія долгія гласныя являются въ цѣльныхъ категоріяхъ, эти категоріи находятся въ близкомъ соотношеніи съ другими образованіями, имѣющими лишній слогъ, ср. греч. θήρ, лат. fera-s; βλώψ, напр., въ παραβλώψ «косой», βλέπω. Однако, имѣющійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ, свидѣтель-

ствующій, съ одной стороны, о какомъ-то соотношеніи по происхожденію нетематическихъ и тематическихъ образованій, съ другой стороны, говоритъ о широкомъ распространеніи Dehnstufe въ этихъ послѣднихъ. Врядъ ли мы имѣемъ дѣло только съ результатомъ дѣйствія аналогіи, и, дѣйствительно, какъ замѣчаетъ Blankenstein въ монографіи «Untersuchungen zu den langen Vocalen in der e-Reihe», 1911, мы, можетъ быть, должны отказаться отъ мысли свести всѣ случаи этого рода къ одному принципу; такъ называемый протяженный звуковой видъ (условно мы оставляемъ этотъ терминъ) можетъ представлять по происхожденію различныя величины.

Во-вторыхъ, въ области количественныхъ чередованій мы должны остановиться на судьбѣ такъ называемыхъ двуслоговыхъ базъ, какъ теперь говорятъ нѣмецкіе лингвисты вм. двуслоговыхъ основъ. Въ отдѣлѣ, посвященномъ исторіи индоевроп. ə, я уже коснулся этого вопроса, именно, я указалъ на то, что неопредѣленная гласная въ томъ звуковомъ видѣ такихъ базъ тамъ, гдѣ она является въ ихъ окончаніи, по мнѣнію Ф. Ѳ. Фортунатова, является фонетически развившейся послѣ долгаго неслогового звука, при чемъ существовала она въ праязыкѣ только въ извѣстныхъ діалектахъ (главные примѣры, притомъ несомнѣнные, даютъ древнеиндійскій и греческій языки, балтійскіе языки не даютъ ни одного примѣра, такъ какъ я не вижу возможности слѣдовать примѣру нѣкоторыхъ лингвистовъ, принимающихъ для балтійскихъ яз. полную утрату во всѣхъ случаяхъ неопредѣленной гласной въ окончаніи двуслоговымъ базъ; въ славянскихъ языкахъ остается подъ сомнѣніемъ **о** въ окончаніи старослав. основы аористовъ на—**охъ**). Такимъ образомъ индоевроп. ĝenə (ср. дринд. jani-tá «родитель» им. ед., основа на tar) Ф. Ѳ. Фортунатовъ разсматриваетъ какъ ĝen, съ n некраткимъ + ə, а на некраткость n указываетъ слабый звуковой видъ индоевр. ĝn̥, гдѣ n̥ некраткое, ср. дринд. jātá-s «рожденный», лат. nātu-s, гр. γνητός. Другіе ученые думаютъ иначе: по ихъ мнѣнію, ĝenə явилось въ индоевроп. праязыкѣ путемъ сокращенія базы ĝenē, которая является теоретической реконструкціей. Равнымъ образомъ, напр., индоевроп. bheu̯ə (ср. дринд. bhavi-ṣyá-ti «онъ будетъ») *) они разсматриваютъ какъ сокращеніе постулируемаго ихъ теоріей bheu̯ā. На долготу u̯ въ bheu̯ə, которое мы выводимъ изъ bheu̯ съ u̯ некраткимъ + ə, указываетъ, напр., дринд. ábhūt = греч. ἔφυ (съ долгимъ ῡ) Замѣчу еще, что Ф. Ѳ. Фортунатовъ оставляетъ совершенно открытымъ вопросъ о самомъ происхожденіи долгихъ неслоговыхъ звуковъ въ такихъ базахъ, такъ какъ для насъ остается совершенно неизвѣстнымъ, не образовались ли они при утратѣ слѣдовавшей за ними нѣкогда гласной. Какъ я уже указалъ выше, мнѣніе Ф. Ѳ. Фортунатова является для меня болѣе вѣроятнымъ по той причинѣ, что ə въ такихъ базахъ въ праязыкѣ несомнѣнно было діалектическимъ, а такимъ оно не было въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эта гласная несомнѣнно образовалась изъ сокращенія старой долгой гласной, хотя я и не могу скрыть отъ себя того обстоятельства, что полной увѣренности въ правильности того или другого рѣшенія этой проблемы быть не можетъ въ

*) Въ древнеинд. яз. і такого происхожденія получило морфологическое значеніе и переносилось поэтому и туда, гдѣ оно не имѣетъ этимологическаго основанія.

виду того, что она заводитъ насъ въ глубь исторіи индоевропейскаго праязыка безъ достаточнаго количества прочныхъ точекъ опоры.

Какъ бы то ни было, остается еще выяснить 1) соотношеніе съ упомянутыми типами базъ того ихъ типа, который представленъ для базы ĝenə греческимъ γνωτός «братъ», дринд. jñātí-ṣ «родственникъ», и который ученые, принимающіе типъ ĝenē, считаютъ его редукціей : ĝnē / ō; но не имѣемъ ли мы дѣло съ индоевропейскою перестановкою, которая происходила при долгихъ плавныхъ и носовыхъ, при чемъ долгота гласной объяснялась бы здѣсь изъ долготы сонорной согласной (ср, статью Ф. Ѳ. Фортунатова въ Zeitschrift für vergl. Sprachf. XXXVI, p. 42). 2) Требуетъ выясненія совершенно для насъ пока загадочное соотношеніе базъ ĝenə и ĝene (ср. греч. γενετήρ, м. б. и лат. genitor, ср. genetrix). Правда, есть попытка отождествить этотъ типъ съ дринд. janitá, но на это рѣшительно нѣтъ достаточныхъ основаній. Замѣчу, что наиболѣе послѣдовательно изложена теорія двуслоговыхъ базъ въ томъ ея видѣ, съ которымъ я не согласенъ, у Hirt'a въ его монографіи «Der indogermanische Ablaut», 1900, гдѣ сведены въ одну картину работы самого автора и многихъ другихъ ученыхъ. Однако возраженія вызываетъ здѣсь частью и самъ конкретный матеріалъ, приводимый авторомъ изъ отдѣльныхъ языковъ не всегда съ достаточной осторожностью.

Нѣсколько словъ скажу еще о своемъ отношеніи къ принимаемымъ Бругманомъ и другими учеными дифтонгамъ индоевропейскаго праязыка əi̯ и əu̯, получившимся, по ихъ предположенію изъ сокращенія дифтонговъ съ долгими слоговыми гласными; разъ сочетаніе неопредѣленной гласной съ i̯ и u̯ давало, какъ мы думаемъ ī и ū, врядъ ли мы вправѣ допускать для праязыка нестянутые дифтонги съ неопредѣленной гласной въ слоговой части; напр. дринд. dhāya-ti «сосетъ», dhēnú-ṣ «молочная корова» по моему мнѣнію, въ чемъ я слѣдую Ф. Ѳ. Фортунатову (ср. цитир. статью, стр. 43), имѣютъ индоевроп. дифтонгъ съ краткой слоговой гласной, ср. стсл. **доить**, лат. же fēlāre, fēmina, стсл. **дѣтя**, греч. θῆλυς «питающій, женскій» имѣютъ дифтонгъ съ долгой слоговой гласной; слабый звуковой видъ представляетъ лат. fīlius (неслоговая часть дифтонга была некраткой). Относительно дринд. déṣṭha-s «тотъ кто даетъ больше всѣхъ» врядъ ли вѣрно предположеніе Бругмана объ его индоевроп. прототипѣ də-is-t(h)o-s, гдѣ də есть слабый звуковой видъ корня dō «давать»; не есть ли это индоевроп. dā-is и т. д., давшее далѣе da-is (въ Ведахъ здѣсь два слога, по указанію метра), и далѣе съ стяженіемъ санскр. dēṣ въ déṣṭha-s (ср. Wackernagel, Altind. Gramm. p. 51). Такимъ образомъ я не вижу надобности слѣдовать Бругману и въ допущеніи измѣненія индоевроп. неопредѣленной гласной въ дринд. яз. въ a въ положеніи передъ i̯.

Прежде чѣмъ перейти къ качественному чередованію, замѣчу еще, что, можетъ быть, кромѣ случаевъ соотношенія i и ī, u и ū, гдѣ краткія i и u, кажется, получились изъ сокращенія ī и ū (зват. формы типа древнеинд. nádi «о рѣка!», tánu «о тѣло!» при им. nadíṣ, tanúṣ), мы имѣемъ и a такого происхожденія изъ ā, ср. дринд. вед. зват. форму ámba (санскр. ámbē), «о мать!», греч. νύμφα стсл. **жено**, гдѣ въ индоевроп. праязыкѣ при ā въ им. ед. въ звательной формѣ было a.

Что касается второго типа чередованій гласныхъ, т.-е. качественнаго чередованія, то происхожденіе его иное сравнительно съ количественнымъ: тогда какъ это послѣднее обязано своимъ возникновеніемъ экспираторному ударенію, первое не можетъ быть объяснено такимъ образомъ. На развитіе одной и той же гласной въ различномъ направленіи,—а качественное чередованіе и сводится въ сущности по своему происхожденію къ этому явленію—оказываетъ вліяніе музыкальное удареніе, хотя, конечно, такое чередованіе можетъ развиваться и подъ вліяніемъ другихъ фонетическихъ факторовъ. Качественныя чередованія гласныхъ въ индоевропейскомъ праязыкѣ были болѣе древняго происхожденія сравнительно съ количественными, такъ какъ послѣднія возникли уже на почвѣ сложившихся ранѣе чередованій перваго типа. Это обстоятельство объясняетъ намъ также и то, почему необходимость принимать для эпохи возникновенія количественныхъ чередованій наличность, если не исключительно, то во всякомъ случаѣ существенно экспираторнаго ударенія нисколько не противорѣчитъ тому факту, что нѣкогда, въ болѣе древнюю эпоху, это удареніе должно было имѣть сильно выраженный музыкальный элементъ.

Изъ качественныхъ чередованій мы знаемъ хорошо сохранившееся въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ чередованіе гласныхъ e : o, а также ē : ō (какъ въ области ряда ē : ō : ə, такъ и въ области ряда ē : ō : e : o : a); ср. гр. ῥήγνυμι : ἔρρωγα : ἐρράγην; ἵημι : ἀφέωκα (дорич. перф.), ср. лат. jacio съ a изъ ə; δοτήρ : δώτωρ (см. выше). Относительно самого происхожденія чередованій e : o, ē : ō надо замѣтить, что для насъ остается совершенно неизвѣстнымъ, при какихъ условіяхъ изъ нѣкогда бывшей одной гласной развивалась e, при какихъ o; всѣ попытки дать положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ мало удовлетворительны, такъ какъ древнія отношенія еще въ праязыкѣ были затѣмъ видоизмѣнены вслѣдствіе дѣйствія ассоціаціи, и такіе намеки, какіе даетъ, напр., соотношеніе греческихъ δοτήρ—δώτωρ, πατήρ—ὁμοπάτωρ едва ли достаточны для объясненія всей совокупности фактовъ.

Чередованіе a : o засвидѣтельствовано лишь немногими примѣрами, что же касается чередованій ē : ā и ō : ā, то мы ихъ находимъ въ бо́льшемъ количествѣ примѣровъ: ср. лат. pēgī : pāx, гр. πήγνυμι, дор. πάγνυμι съ α долгимъ; φωνή и φημί, дор. φαμί съ α до́лгимъ и т. п.

Наконецъ, въ индоевроп. праязыкѣ были чередованія и такого типа, который можетъ быть изображенъ схематически какъ ух : ху, гдѣ у есть условное обозначеніе гласной, а х условно обозначаетъ i̯, u̯, плавныя и носовыя, ср. лат. aurōra, греч. ἠώς изъ *āusōs и древнеинд. глаг. корень vas «свѣтить», гр. ἔαρ изъ *ϝεσαρ, стсл. **весна**; дринд. ójas—«сила», гр. αὔξω, лат. augeō и древнеинд. vája-s «сила», гр. ἀϝέξω; древнеинд. gárbha-s «утроба, плодъ», стсл. **жрѣбя** изъ *žerbę и греч. βρέφος «дѣтенышъ»; древнеинд. основа catur—«четыре» (catúrbhis тв. мн. при catvāras им. мн.) и лат. quadru, напр., въ quadrupēs и т. д. И случаи этого рода сводятъ въ настоящее время къ двуслоговымъ базамъ типа уху, гдѣ подъ вліяніемъ различій въ фонетическихъ условіяхъ исчезала то первая то вторая гласная, т.-е., напр., въ чередованіи **жрѣбя**: βρέφος было въ корнѣ ere, откуда 1) er, 2) re.

Изъ многочисленныхъ новообразованій отдѣльныхъ языковъ въ области унаслѣдованныхъ изъ индоевроп. праязыка чередованій гласныхъ я остановлюсь только на возникновеніи въ древнеинд. яз. чередованія ā : ī вм. ā : i, гдѣ i есть рефлексъ неопредѣленной гласной, подъ вліяніемъ случаевъ чередованія ā : ī, гдѣ само ā изъ дифтонга āi; ср. дринд. pá-ti «пьетъ», part. perf. pass. pī-tá-s, гдѣ по указаніямъ родственныхъ языковъ былъ старый дифтонгъ (греч. πῖθι повел. ф., стсл. **пити**, лат. прич. pōtus) и дринд. mí-mā-ti «мѣритъ» при mí-mī-tē, по mi-tá-s part. perf. pass., гдѣ старая долгая гласная въ сильномъ звуковомъ видѣ корня, ср. стсл. **мѣра**, лат. mētior, индоевроп. корень mē.

13. Плавныя согласныя индоевропейскаго праязыка.

Въ плавныхъ согласныхъ индоевроп. праязыка, какъ уже было упомянуто выше (стр. 23), мы должны различать 1) r, 2) l и 3) неопредѣленную плавную, условно обозначаемую греческою буквою λ. Бругманъ въ своемъ Grundriss'ѣ (I², p. 423 sq.) стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что только европ. языки нашей семьи да армянскій языкъ различаютъ старые r и l, индоиранская же группа имѣла только одно r, откуда въ древнеинд. яз. вновь частью получилось l. Однако противъ такой точки зрѣнія рѣшительно протестуютъ факты самого древнеиндійскаго языка. Иранскіе языки дѣйствительно всѣ индоевроп. плавныя обратили въ r, думать же, что такова была ихъ исторія и въ древнеинд. яз., нельзя уже по той причинѣ, что было бы странною случайностью развитіе въ древнеинд. яз. вновь l изъ индоиранскаго r въ рядѣ случаевъ тамъ, гдѣ какъ разъ было старое l. Далѣе, вопросъ затемняется отклоненіемъ нѣкоторыми учеными (въ томъ числѣ и Бругманомъ) правила Ф. Ѳ. Фортунатова объ измѣненіи группы l + зубная въ церебральную согласную (изъ ld, напр., получилось ḍ). Многочисленные случаи, гдѣ въ древнеинд. яз. мы находимъ въ соотвѣтствіи съ европейскими группами l + зубная церебральныя согласныя, думаютъ объяснить заимствованіями изъ пракритскихъ нарѣчій, гдѣ въ широкой степени существовало измѣненіе старыхъ зубныхъ въ церебральныя. Какъ, однако, показалъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ (Zeitschrift f. vergl. Sprachf., XXXVI) нѣтъ никакихъ затрудненій ни физіологическаго, ни историческаго характера, которыя бы мѣшали признанію его закона, наоборотъ, его отклоненіе оставляетъ совершенно необъяснимымъ тотъ фактъ, что для древнеинд. яз. особою притягательною силою обладали какъ разъ тѣ пракритскія слова, которыя имѣли церебральную согласную на мѣстѣ европ. группы l + зубная. Наконецъ, случаи, гдѣ древнеинд. яз. имѣетъ r въ соотвѣтствіи съ европ. l, Ф. Ѳ. Фортунатовъ объясняетъ наличностью третьей плавной въ индоевроп. праязыкѣ, давшей въ индоиранскихъ языкахъ r, въ европейскихъ же и армянскомъ языкѣ l. Относительно ведійскаго нарѣчія древнеиндійскаго яз., отличающагося отъ санскрита не только временемъ существованія, но и тѣмъ, что въ его основаніи лежатъ другіе говоры, нужно замѣтить, что здѣсь дѣйствительно мы находимъ частью діалектическое r въ соотвѣтствіи съ санскритскимъ l. Древнеинд. r въ концѣ слова дало ḥ, т.-е. придыханіе (висаргу), такъ же, какъ и s (см. въ отдѣлѣ объ s дальнѣйшія подробности).

Примѣры, дополнительные къ приведеннымъ выше въ отдѣлѣ о сочетаніяхъ плавной съ *a*: 1) старое r: дринд. bhára-ti «несетъ», ср. греч. φέρω, лат. ferō, стсл. **беръ**; 2) старое l: дринд. pláva-tē «плыветъ, купается», ср. гр. πλέω, лат. plēō, стсл. **плову**; дринд. lúbhya-ti «желаетъ», ср. стсл. **любити**, лат. lubet, libet; дринд. liḥá-ti (ведійское riháti) «лижетъ», ср. греч. λείχω, лат. lingō, стсл. **лижж**; дринд. lā́ṣa-ti «желаетъ» изъ *lalsati, ср. греч. λιλαίομαι *λιλασίομαι; дринд. pāṇí-ṣ «рука, ладонь», ср. гр. παλάμη, лат. palma; 3) старое ł: дринд. çrávas «слава», гр. κλέος, стсл. **слово, слава**; дринд. глагольный корень ric—отпускать, ср. греч. λείπω, лат. linquō, слав. **отълькъ** «остатокъ»; 4) примѣры, относительно которыхъ показанія отдѣльныхъ языковъ расходятся: лат. rumpō, но сравн. дринд. lumpá-ti «разламываетъ», родств. р. лупить; древнеинд. глагольный корень kaṣ «тереть, царапать» изъ *kals, но сравн. церковносл. **краста**, р. короста.

Въ общеславянскую эпоху сочетанія гласныхъ о и l съ плавными между согласными (т.-е. группы tort, tert, tolt, telt, гдѣ t является условнымъ символомъ всякой согласной), имѣвшія плавныя уже всюду некраткія, такъ какъ еще въ балтійскославянскомъ яз. они были таковыми передъ согласными, подверглись извѣстному видоизмѣненію; именно, плавныя получили здѣсь слоговое свойство, и такія сочетанія, произносившіяся уже въ два слога, въ дальнѣйшемъ измѣнились слѣдующимъ образомъ: въ части діалектовъ гласная удлинилась и затѣмъ послѣ перестановки получились группы trāt, trѣt, tlāt, tlѣt (южнославянскіе и чешскословацкій языкъ); въ діалектахъ, давшихъ начало русскому языку, мы находимъ развитіе новой гласной послѣ плавной (т.-е. полногласныя группы torot, teret, tołot, какъ изъ tolt, такъ и изъ telt, въ послѣдней группѣ ело получилось только послѣ старыхъ смягченныхъ согласныхъ (шеломъ), еле же является весьма рѣдко, фонетически м. б. только передъ мягкимъ слогомъ, при чемъ въ однихъ случаяхъ оно было вытѣснено аналогіей, а въ «железа» распространилось, наоборотъ, дальше); въ діалектахъ, давшихъ начало польскому и лужицкому языкамъ, мы находимъ перестановку безъ удлиненія гласной, т.-е. группы trot, tret, tlot, tlet съ ихъ дальнѣйшими измѣненіями; въ полабскомъ же и кашубскомъ мы находимъ, въ отличіе отъ польскаго, группу tart. Старая группа čelt, гдѣ č служитъ символомъ общеславянской мягкой согласной, еще въ общеславянскомъ яз. имѣла не e, а извѣстный видъ ö, откуда объясняется тотъ фактъ, что она дала частью čālt, частью čēlt, ср. сербское жлијеб (ије = ѣ), чешскія žleb, žlab, р. жолобъ изъ желобъ.

Балтслав. различіе въ долготѣ плавныхъ, бывшихъ долгими передъ согласной, въ общеславянскую эпоху продолжало сохраняться въ положеніи подъ удареніемъ, гдѣ и перешло въ различіе двухъ видовъ общеславянскаго ударенія; тамъ именно, гдѣ была старая краткая плавная, удлинившаяся въ балтійскославянскомъ яз., получалась долгота прерывистая и нисходящее общеслав. удареніе, тамъ же, гдѣ долгота была старой, качество ея было длительное, и въ результатѣ получилось восходящее качество ударенія. Ср. р. воронъ, сербское врáн, чешское vran (съ сокращеніемъ долгой гласной подъ нисходящимъ удареніемъ), польское ga-wron и т. д., съ другой стороны, р. ворóна, сербское врана (съ a подъ крат-

кимъ рѣзкимъ удареніемъ, обозначаемымъ ″, получившимся вслѣдствіе сокращенія гласной подъ восходящимъ удареніемъ), чешское vrána, польское wrona, кашубское varna; р. бéрегъ, сербское брijег (гдѣ ије съ рѣзкимъ удареніемъ надъ и = ѣ, сохранившему свою долготу), чешское břeh, польское brzeg; р. берéза, сербское бреза (съ рѣзкимъ удареніемъ надъ е), чешское bříze, польск. brzoza и т. д.

Что касается начала словъ, то мы имѣемъ достовѣрные примѣры только для старыхъ or, ol передъ согласной. Тамъ, гдѣ была старая длительная долгота, значитъ, восходящее удареніе, въ этихъ сочетаніяхъ во всѣхъ діалектахъ происходило удлиненіе и перестановка, при старой прерывистой долготѣ, также тамъ, гдѣ не было ударенія на этихъ группахъ, перестановка съ удлиненіемъ гласной происходила только въ діалектахъ, давшихъ начало южнославянскимъ языкамъ, въ прочихъ же діалектахъ была перестановка безъ удлиненія гласной. Въ старослав. яз. въ случаяхъ второй категоріи, повидимому, были извѣстны и діалектическія группы безъ удлиненія гласной; ср. стсл. **ратаи**, **рало**, р. ратай ч. rataj, ср. лит. árti «пахать» съ литовскимъ нисходящимъ удареніемъ, указывающимъ на старую долготу плавной, ср. стсл. **орѣ**, **оратн**, гр. ἀρόω, лат. arō; церковнославянск. **лани** (есть и **алъни** съ **ал**ъ неяснаго происхожденія), р. лань п. łani, łań., ср. отъ того же корня стсл. **иелень**, р. олень (съ русскимъ о, ср. мое Краткое пособіе къ лекціямъ по историч. грамм. р. яз., стр. 52); ср., съ другой стороны, стсл. **лакъть**, р. локоть п. łokieć; ср. стсл. **раз**— (діалектически въ Супрасльск. рук. **роз**), русское роз—(раз въ разумъ потому, что это слово церковнославянское, а въ разсказъ и т. п. мы имѣемъ орѳографическое недоразумѣніе подъ вліяніемъ церковнаго раз—и акающаго произношенія, ср. рóзсказни), польское roz—; слав. **ладни** (**алъдни**), р. лодья, лодка.

Въ греческомъ яз. передъ начальнымъ ρ, λ мы находимъ такъ называемыя протетическія гласныя; по происхожденію это были такія гласныя, которыя фонетически развивались при извѣстныхъ условіяхъ передъ начальными ρ, λ, а затѣмъ переносились въ такія положенія, гдѣ они по фонетическимъ условіямъ первоначально не существовали, ср. гр. ἐρυθρός и лат. ruber, гр. ὀρέγω и лат. regō, ἀλείφω и λίπος «жиръ». Отсутствіе этихъ гласныхъ въ такихъ случаяхъ какъ λείπω, λέγω и т. п. объясняется тоже, надо думать, вліяніемъ того положенія данныхъ словъ въ рѣчи, при которомъ протетическая гласная не развивалась.

Въ открытомъ концѣ слова еще въ индоевроп. праязыкѣ въ діалектахъ отпало конечное r послѣ долгой гласной, при чемъ длительное качество долготы гласной измѣнялось въ прерывистое, ср. дринд. mātá, стсл. **мати**, а, съ другой стороны, греч. μήτηρ, лат. māter. Это явленіе, вѣроятно, надо понимать такъ: въ извѣстную эпоху жизни индоевр. праязыка конечное r въ такомъ положеніи становилось подвижнымъ по фонетическимъ условіямъ, т.-е. частью сохранялось, а частью исчезало въ зависимости отъ этихъ послѣднихъ; съ теченіемъ времени одни діалекты обобщили случаи одного типа, а другіе діалекты обобщили случаи другого типа.

14. Носовыя согласныя индоевропейскаго праязыка.

Въ положеніи передъ согласными и въ концѣ словъ въ индоевр. праязыкѣ существовали n зубное и m—губная носовая согласная. Въ положеніи передъ согласными существовали еще n задненебное (n̂) передъ задненебными k и g и n средненебное (ň) передъ средненебными k̂ и ĝ.

Въ положеніи передъ гласной въ древнеинд. яз. зубная n при извѣстныхъ изъ элементарной санскритской грамматики *) условіяхъ является въ видѣ церебральнаго ṇ. Что касается исторіи носовыхъ согласныхъ не передъ гласной, то въ дринд. яз. носовая n была вообще того мѣста образованія, котораго была слѣдующая согласная; кромѣ того, мы находимъ n средненебное и въ положеніи послѣ аффрикатъ c и j непридыхательныхъ и придыхательныхъ, ср. jn̆ātá-s part. perf. pass къ jn̆ā = гр. γνω, напр. въ γιγνώσκω; yacn̆á «требованіе, просьба» къ yáca-ti «требуетъ, проситъ»; дринд. gán-tu «пусть онъ идетъ» къ глаг. корню gam «идти» или, напр., yayán-tha 2-е л. ед. ч. д. з. perf. при yayám-a 3-емъ л. къ глаг. корню yam «держать» и т. п. служатъ примѣрами перехода m въ n зубное передъ зубными согласными.

Въ положеніи передъ фрикативными согласными носовыя согласныя (n, m) исчезали, обративъ предшествующую гласную въ носовую гласную (ąsa-s «плечо» (съ удареніемъ на ą), ср. гр. ὦμος съ индоевр. ō, лат. umerus; ąhas (съ удареніемъ на ą) «стѣсненное положеніе, нужда», ср. лат. angustus.

Въ греческомъ яз. существовало n зубное (ν) частью изъ n задненебнаго, тамъ именно, гдѣ задненебная лабіализованная согласная дала въ гр. яз. зубную согласную, и частью изъ индоевр. m передъ зубною согласною и въ концѣ слова (ср. гр. τόν, дринд. tam; гр. βροντή «громъ» при βρέμω; гр. πέντε и лат. quinque, гдѣ гр. τ, лат. qu изъ индоевр. k лабіализованнаго). Задненебное n передъ задненебными согласными писалось буквой γ, напр., ἤνεγκα «я принесъ», ср. дринд. āpn̆ąça (съ удареніемъ на ą) «онъ достигъ», лат. nancīscor, гдѣ дринд. ç, гр. κ, лат. c изъ индоевр. k̂, и гдѣ n было нѣкогда средненебнымъ.

Губная носовая m получилась частью изъ индоевр. n задненебнаго, тамъ именно, гдѣ индоевр. задненебная согласная обратилась въ губную (ср. πέμπτος съ πέντε, гдѣ индоевр. k задненебное лабіализованное имѣло различную исторію въ зависимости отъ различія въ фонетическомъ положеніи). Согласная n изъ n и стараго m исчезла въ греч. яз. передъ

---

*) Церебральное ṇ является 1) передъ церебральными согласными, ср. повел. ф. 2-го л. ед. ч. д. з. piṇḍhí при 3-мъ л. ед. ч. наст. вр. pināṣ-ṭi „раздроблять“; 2) послѣ r, r̥, ṣ, какъ непосредственно предшествующихъ, такъ и отдѣленныхъ отъ носовой гласными, задненебными и губными согласными, носовой m, y, v, h, притомъ если за носовой не слѣдуетъ зубной согласной или r̥; о сохраненіи зубного характера носовой въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ см., напр., Wackernagel, Altindische Grammatik, p. 187. Примѣры: bhára-māṇa-s = φερόμενος, но bhára-nti = φέροντι; stṛṇṓ-ti 3-е л. наст. вр., ср. гр. στόρνυμι; uṣ-ṇá-s „горячій“, но svấp-na-s „сонъ“ и т. д.

s + согласная, ср. гр. δεσπότης съ дринд. dan род. п. ед. ч. изъ dans, ср. дринд. dáma-s «домъ»; σύστασις изъ σύνστασις; въ критскихъ надписяхъ еще различаются τὸνς ἐλευθέρονς и τὸς καδεστάνς; далѣе въ діалектахъ были обобщены формы вин. п. мн. ч. на νς, фонетически существовавшія передъ гласными; въ лесбійскомъ діалектѣ ν исчезло и передъ ν развилось ι, какъ результатъ палатализаціи, въ другихъ діалектахъ ν исчезло, удливъ предшеств. краткую гласную; ср. атт. τούς, лесб. τοίς, атт. ἔχουσι, лесб. ἔχοισι изъ ἔχοντι съ измѣненіемъ τ въ σ (см. ниже) и т. д.

Передъ начальными m, n въ греч. яз. мы находимъ протетическія гласныя (ср. стр. 46), ср. ἀνεφιός «племянникъ» и лат. nepōs; ἀμέλγω «дою» и слав. **млѣжѫ**, **млѣсти**; съ другой стороны ср. гр. νύξ, μέσος и т. д.

Такъ называемое ν ἐφελκυστικόν, являющееся въ извѣстныхъ изъ элементарной грамматики случаяхъ, представляетъ обобщеніе конечнаго -n послѣ гласныхъ, полученнаго въ окончаніи нѣкоторыхъ формъ и отдѣльныхъ словъ (частицъ и нарѣчій), ср. окончанія -φι и -φιν у Гомера (по происхожденію творительнаго пад.), такія частицы, какъ νύ и νύν, ср. лат. nunc, дринд. nu.

Въ латинскомъ яз. n задненебное, существовавшее въ языкѣ передъ задненебными согласными, гдѣ оно частью изъ индоевроп. средненебнаго n, въ связи съ переходомъ средненебныхъ k и g въ задненебныя, не отличалось на письмѣ отъ n зубного, а n зубное получилось, между прочимъ, и изъ m передъ зубными согласными; ср. tantus, quantus при tam, quam, con-terō и т. п.; въ такихъ случаяхъ, какъ comterō, quamdiu частью было возстановлено нефонетически m, частью же это м. б. просто этимологическія написанія; ср. еще hiems подъ вліяніемъ hiemis и т. д.

Изъ другихъ явленій въ области носовыхъ согласныхъ въ латинскомъ яз. отмѣтимъ измѣненіе группы mr внутри слова въ br, въ началѣ слова въ fr, ср. fremō = βρέμω, hībernus = χειμερινός (изъ *heimrinos). Группа ns имѣла n уже въ древнѣйшую эпоху жизни латинскаго яз. неполнаго образованія, которое исчезло съ удлиненіемъ предшествующей краткой гласной 1) въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ—ns было искони въ концѣ слова: equōs, ovīs, fructūs, pedēs вин. мн., гдѣ было получено —ons, —ins, —uns, —ans (съ pedēs изъ pedens ср. гр. πόδας); 2) въ старомъ положеніи передъ l, m, n, d, v, ср. ālum «чеснокъ» изъ *anslo-m, ср. слав. **жхати**, hālāre съ неорганическимъ h (см. въ отдѣлѣ о придыхат. согл.), trā-mūtō, trā-nō, trā-dūcō, trā-vehor, гдѣ было въ сложеніи старое trans—. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ n не исчезло вполнѣ вплоть до историческаго періода; на слабость артикуляціи такого n указываетъ его пропускъ въ надписяхъ (cosol, вм. consol и т. д.); съ теченіемъ времени черезъ ступень носовой гласной уже въ императорскую эпоху отсюда получилась гласная неносовая долгая; романскіе яз. получили здѣсь формы уже безъ n.

Въ общесл. яз. носовыя согласныя въ положеніи безъ слѣдующей гласной обратили предшествующія гласныя въ носовыя и сами исчезли. Относительно общесл. ę и ǫ надо замѣтить, что ę и ǫ краткія (а краткими носовыя гласныя были въ старомъ открытомъ концѣ слова, тогда какъ передъ согласной еще въ литовскосл. яз. носовыя согласныя были всю-

ду долгими съ различіемъ въ качествѣ долготы въ зависимости отъ стараго различія въ количествѣ, см. стр. 45) утратили носовое свойство и перешли въ **ь** и **ъ** (напр., **ъ** въ вин. п. ед. ч. **рабъ** непосредственно изъ u, ų и далѣе om, ср. лат. equom, греч. ἵππον съ измѣненіемъ конечнаго m въ n; **ь** въ вин. п. ед. ч. **кость**, изъ i, į и далѣе im, ср. лат. sitim, греч. πόλιν). Послѣ мягкаго неслогового звука ų перешло въ į, напр., **конь**—вин. ед. Долгія į и ų, существовавшія въ положеніи передъ согласной, съ утратой носового свойства, перешли въ ī и ū, откуда **и** и **ы**, за исключеніемъ į и ų долгихъ съ прерывистой долготой не передъ согласной того же слова, каковыя носовыя гласныя дали въ результатѣ ę и ǫ; ср. стсл. **жѧдати**, **жѧжда**, гдѣ общсл. ę изъ į, ср. стсл. **жьдати** безъ носовой согласной; стсл. **несѫ** (3 л. мн. ч. аориста) гдѣ общесл. ǫ изъ ų долгаго, un, on, индоевр. ont, а t и d въ концѣ слова отпали еще въ литовскославянскомъ яз. Носовая гласная ų долгое послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ измѣнилась въ общесл. яз. не въ į долгое, а въ ę закрытое, откуда дальше ī̯ē носовое, совпавшее въ старосл. яз. съ **ѧ**, а въ русскомъ яз. давшее ѣ; ср. стсл. вин. мн. **коня**, древнерусск. конѣ и **рабы**, гдѣ **ы** изъ ų долгаго; нѣкогда въ вин. п. мн. ч. такихъ именъ было окончаніе ons, откуда далѣе uns и us съ его дальнѣйшей исторіей. Ср. далѣе стсл. **костѝ**, **сынꙑ**, гдѣ было получено окончаніе -ins, -uns. Замѣчу кстати, что балтійскіе яз. указываютъ въ суффиксѣ мн. ч. -ns на старое n некраткое, и м. б. на то же указываетъ и долгота дринд. гласныхъ въ вин. мн. въ такихъ основахъ, гдѣ въ окончаніи основъ были краткія гласныя, ср. вин. мн. áçvān (основа áçva—«конь»), agnī́n (основа agní—«огонь») и т. п.

О прочихъ носовыхъ гласныхъ общеслав. яз. говорилось выше (см. отдѣлы, посвященные исторіи краткихъ и долгихъ гласныхъ e, o, a, а также сочетаніямъ ѫ съ носовыми слоговыми). Къ тому, что было уже сказано, добавлю слѣдующее: въ положеніи передъ сонорными согласными безъ послѣдующей гласной старыя долгія гласныя въ общеслав. яз. сократились; такимъ образомъ объясняется род. мн. на **-ъ** въ основахъ типа **рабъ**, гдѣ изъ индоевроп. праязыка было получено -ōm (ср. греч. -ων, лат. -om, -um изъ -ōm и т. д.), дальше -om и далѣе -um *). Въ вин. ед. ч. именъ ж. р. съ основами на ā было получено -ām, давшее при сокращеніи не -om, такъ какъ отсюда мы ждали бы **-ъ**, а, вѣроятно, нѣчто вродѣ a^{o}m.

Подобно судьбѣ конечнаго -r въ индоевроп. праязыкѣ (см. стр. 46) и конечное -n исчезало послѣ долгой гласной, измѣнивъ ея долготу изъ длительной въ прерывистую; отсюда объясняются дринд. rā́jā «царь» (основа rā́jan-), стсл. **камы**, лат. homō, homo и, съ другой стороны, греч. τέκτων, ποιμήν. Стсл. **камы** ставитъ вопросъ о судьбѣ стараго ō съ прерывистой долготой въ общеславянскомъ яз. Ф. Ѳ. Фортунатовъ принимаетъ фонетическій его переходъ въ ū и далѣе въ **ы**.

---

*) Вопросъ о томъ, перешло ли конечное m, слившееся съ предшествующею гласною въ носовую гласную, сперва въ n, оставляю открытымъ.

15. Согласныя индоевропейскаго праязыка.

Въ индоевропейскомъ праязыкѣ въ эпоху его распаденія существовали слѣдующія *взрывныя* согласныя: А) непридыхательныя: 1) зубныя t и d; 2) губныя p и b; 3) задненебныя чистыя k и g; 4) задненебныя лабіализованныя k и g (обозначаемъ условно буквами q и g); 5) средненебныя k и g (обозначаемъ условно буквами k̂ и ĝ); В) придыхательныя: въ качествѣ придыхательныхъ согласныхъ въ индоевропейскомъ праязыкѣ были извѣстны всѣ выше названныя согласныя, при чемъ условно мы будемъ обозначать придыхательное свойство согласныхъ написаніемъ буквы h за буквою, обозначающею соотвѣтственную согласную непридыхательную, напр., th, dh обозначаютъ t придыхательное, d придыхательное.

Что касается *фрикативныхъ* согласныхъ, то въ индоевропейскомъ праязыкѣ существовали фрикативныя s, z, а также, повидимому, межзубныя фрикативныя, которыя мы обозначимъ условно греческими буквами ϑ и ð, произносимыми въ новогреческомъ языкѣ какъ межзубныя фрикативныя. При извѣстномъ фонетическомъ положеніи существовалъ, повидимому, и звукъ «йотъ», обозначаемый буквою j; м. б. это былъ звукъ, существовавшій лишь діалектически.

Изъ *аффрикатъ* индоевропейскій праязыкъ имѣлъ въ эпоху своего распаденія аффрикаты ts (c) и dz.

16. Исторія индоевропейскихъ взрывныхъ непридыхательныхъ согласныхъ.

А. Зубныя t и d.

Сами по себѣ зубныя взрывныя сохранялись какъ зубныя взрывныя t и d въ разсматриваемыхъ нами отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ.

Примѣры: 1) индоевроп. t: дринд. mātá, pitá, гр. μήτηρ, πατήρ, лат. māter, pater, стсл. **мати**; дринд. tráyas «три», гр. τρεῖς, лат. trēs, стсл. **трии, трьи**; 2) индоевр. d: дринд. глаг. корень dā «давать», греч. δω, напр., въ δίδωμι, лат. dō въ dōnum, ср. стсл. **да-ти**; дринд. dáça «десять», гр. δέκα, лат. decem, ср. стсл. **десать**.

Что касается древнеиндійскаго языка, то здѣсь мы находимъ вмѣсто зубныхъ t и d соотвѣтственно церебральныя ṭ и ḍ: 1) ṭ послѣ ṣ (дринд. aṣṭáu «восемь», въ вед. нарѣчія aṣṭá, ср. греч. ὀκτώ, лат. octō; (дринд. ṣ здѣсь изъ k̂); 2) ḍ послѣ исчезнувшаго ž церебральнаго (дринд. nīḍá-s, nīḍá-m, ср. лат. nīdus, гдѣ исчезло z); 3) ṭ и ḍ изъ группы lt, ld (дринд. глаг. корень aṭ «бродить», ср. греч. ἀλάομαι; дринд. глаг. корень khaḍ «ломать, расщеплять», ср. литовское skéldėti (знакомъ ė я условно обозначаю литовское e долгое закрытое, изображаемое обыкновенно буквою e съ точкою наверху) «лопаться, трескаться»; 4) церебральныя являются въ новыхъ заимствованіяхъ изъ пракрита (náṭa-ti «танцуетъ», гдѣ ṭ въ пракритѣ получилось изъ rt, ср. дринд. nr̥tya-ti (съ удареніемъ на r̥) «танцуетъ»).

Въ греческомъ языкѣ мы находимъ измѣненіе стараго t въ s передъ i и e при условіяхъ, еще не вполнѣ разъясненныхъ. Бругманъ (Griech. Gramm. [3], p. 66) принимаетъ, что еще въ общегреч. эпоху t переходило

фонетически въ s передъ такими i и e, которыя въ положенiи передъ слѣдующей гласной были неслоговыми; такъ объяснялись бы πλούσιος «богатый» ,ср. πλοῦτος, ἀνεψιός «племянникъ» (начальное α протетическое) при лат. neptis «внучка, племянница», πεσέομαι при ἔπετον (дорич., лесб.), замѣненномъ въ iонич. аттич. подъ влiянiемъ будущаго формою ἔπεσον; τίθησι iонич. аттич., лесб., аркадск. при τίθητι дорич., сѣверозап., беот. представляло бы обобщенiе —σι, полученнаго фонетически изъ -ti, только при положенiи передъ гласною въ началѣ слѣдующаго слова, тогда какъ -ti, сохранившееся въ указанныхъ выше дiалектахъ, было бы обобщенiемъ въ другомъ направленiи; въ аттич. iон. ἐστί, ἔστι сохраненiе τι врядъ ли можно объяснить наличностью предшествующаго σ, ср. лесб. (на надписяхъ) ΕΣΣΙ; впрочемъ, какъ думаетъ Бругманъ, ἐστί обобщилось и въ дiалектахъ, гдѣ вообще σι, подъ влiянiемъ стремленiя отличить эту форму отъ общегреч. ἐσσί въ значенiе 2-го л. ед. ч.; φάσις было бы новообразованiемъ подъ влiянiемъ φάσεως, iонич. φάσιος и т. д.

Въ латинскомъ яз. въ извѣстныхъ случаяхъ вм. ожидаемаго d является l, при чемъ въ однихъ случаяхъ въ старомъ языкѣ частью еще сохранялось d, а въ другихъ случаяхъ въ однихъ образованiяхъ отъ одного и того же корня является l, въ другихъ d; ср. lēvir «деверь», гдѣ ē изъ ai̯ въ народныхъ говорахъ, ср. гр. δαήρ, слав. **дѣверь**; lingua, древнелат. dingua, ср. нѣм. Zunge, гдѣ нѣм. z изъ t, а это изъ индоевроп. d; lacrima, древнелат. dacruma, ср. греч. δάκρυ; olēre при odor, ср. греч. ὀδμή «запахъ», solium «сидѣнье, тронъ», ср. sedeō и еще нѣкоторые другiе случаи. Если нѣкоторые примѣры и можно бы попытаться устранить, принимая нефонетическую замѣну d черезъ l (lingua подъ влiянiемъ lingō «лижу»; lēvir сами римляне склонны были толковать quasi laevus vir, какъ мы видимъ изъ Феста), то все-таки остается рядъ словъ, къ которымъ такое объясненiе непримѣнимо. Быть можетъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ какимъ-то дiалектическимъ явленiемъ, проникшимъ въ литературный языкъ въ нѣкоторыхъ словахъ, усвоенныхъ имъ въ этомъ звуковомъ видѣ изъ дiалектическаго произношенiя.

Индоевроп. -tl- внутри словъ дало въ общеиталiйскую эпоху cl, ср. лат. -clo- изъ -tlo- (суффиксъ съ инструментальнымъ значенiемъ), напр., piāclom, piāculum; lucrum и т. п. изъ * luclom вслѣдствiе диссимиляцiи l—l.

Въ открытомъ концѣ слова старыя t и d отпали въ общегреческомъ и балтiйскославянскомъ яз., ср. гр. τό, стсл. **то**, дринд. tad; гр. ἔφερε, стсл. **несе**, дринд. ábhara-t и т. п.

Въ общеславянскомъ яз. t и d исчезли передъ n, ср. **свьтѣти, свьнѫти; бъдѣти, възбънѫти.** Передъ m исчезло d, ср. стсл. **дамь, дадѧть.** Въ группѣ sr вновь развилось t: стсл. **сестра** изъ sesr-a, стсл. **строѵꙗ**, ср. греч. ῥέω изъ *σρέϝω. Въ **мѧздра** и **ноздри**, повидимому, такимъ же путемъ развилось d, хотя и остается неяснымъ, почему здѣсь sr дало zr (ср. **мѧсо** и **носъ**). Въ группахъ tl, dl зубныя взрывныя сохранились въ результатѣ только въ западнославянскихъ языкахъ, въ южныхъ и въ русскомъ яз. мы найдемъ только l, ср. стсл. **плетѫ, плелъ; падѫ, палъ;** русск. плету, плелъ; паду, палъ и, напр., польск. plotę, plótł; padnę, padł; р. шило (образованiе съ инструментальнымъ суффиксомъ къ корню, являю-

щемуся въ шить) и польск. szydło. Замѣчу, что, напр., русск. свѣтлый, сѣдло представляютъ t и d не въ старомъ сосѣдствѣ съ l: они образовались изъ свѣтьлъ, седьло (ѣ въ сѣдло—орѳографическое недоразумѣніе).

B) Губныя p и b.

Индоевропейскія p и b сами по себѣ сохранялись въ разсматриваемыхъ языкахъ, при чемъ b, вѣроятно, было очень рѣдкимъ звукомъ въ эпоху распаденія самого праязыка.

Примѣры: 1) индоевроп. p: дринд. pitá, греч. πατήρ, лат. pater; дринд. páñca «пять», греч. πέντε, лат. quinque, гдѣ начальное p нефонетически замѣнено черезъ qu подъ вліяніемъ qu слѣдующаго слога, стсл. ср. **пѧть**; 2) индоевроп. b: дринд. bukkāra-s «рычаніе льва», ср. слав. **боучати, бꙑкъ**, лат. būcina «рожокъ», βύκτης «ревущій» (эпитетъ вѣтра); греч. βομβαίνω «бормочу», βόμβος «глухой звукъ», ср. сл. **бѫбьнъ**, р. бубенъ; дринд. bála-m «сила» ср. стсл. **болии**.

Въ общеславянскую эпоху исчезли p и b передъ n, ср. стсл. **съпати**, но **сънъ** изъ supnos *); **съ-гꙑбати, съ-гнѫти**; въ такихъ случаяхъ, какъ стсл. **погꙑбѫнти**, р. погибнуть, звукъ б возстановленъ по аналогіи другихъ формъ, гдѣ онъ сохранился. Передъ s исчезли точно такъ же p и b, ср. р. оса, лит. vapsa (съ удареніемъ на концѣ), нѣм. wespe, дрвн. wefsa, стсл. **грѣсъ** аор. къ **грєбѫ** (b, вѣроятно, сначала перешло въ p). Такую же судьбу p и b (послѣднее черезъ ступень p) имѣли передъ t, ср. **тєпѫ—тєти, грєбѫ—грєти**; р. грести—новообразованіе, ср. уже церковнослав. **грєбсти, грєсти**.

C) Средненебныя k̂ и ĝ.

Средненебныя k̂ и ĝ перешли въ видѣ задненебныхъ k и g въ языки греческій и латинскій, гдѣ съ ними совпали и задненебныя чистыя k и g; ту же судьбу они имѣли въ кельтскихъ и германскихъ языкахъ. Въ индоиранскихъ, славянскобалтійскихъ, а также въ армянскомъ и албанскомъ они отличались въ своей исторіи отъ чистыхъ задненебныхъ, которыя въ этихъ языкахъ совпали съ задненебными лабіализованными въ чистыхъ k и g. Такимъ образомъ индоевропейскіе языки дѣлятся въ этомъ отношеніи на двѣ большія группы, условными обозначеніями которыхъ служитъ слово «сто» въ его латинской формѣ (centum) для западной группы и въ авестійской формѣ (satəm)—для восточной группы. Говорятъ такимъ образомъ о языкахъ группы centum и языкахъ группы satəm. Любопытно отмѣтить, что вновь открытые остатки уже исчезнувшаго тохарскаго языка въ китайскомъ Туркестанѣ свидѣтельствуютъ о принадлежности этого древняго индоевропейскаго языка на крайнемъ Востокѣ къ группѣ западной, къ группѣ языковъ centum.

Въ индоиранскую эпоху k̂ и ĝ дали š и ž, вѣроятно, мягкія отсюда древнеинд. ç и j, которымъ соотвѣтствуютъ въ языкѣ Авесты s и z.

Въ балтійскославянскую эпоху k̂ и ĝ дали фрикативныя небнозубного класса, повидимому, извѣстнаго вида š и ž, откуда общеславянскія s и z (старославянскія **с** и **ꙁ**), литовскія sz и ž (т.-е. звуки «ш» и «ж»).

---

*) Лат. somnus изъ *su̯epnos, а для ассимиляціи pn въ mn ср. еще omnis изъ *op-nis къ ops, ср. дринд. ápnas „богатство“.

Примѣры: 1) индоевроп. k̂; дринд. çatám «сто», стсл. **сѫто**—греч. ἑ-κατόν (контаминація *ἑν-κατον и *ά-κατον, гдѣ ά = sa̯m̥, слабому звуковому виду при сильномъ звуковомъ видѣ ἕν, ср. μία изъ *σμία), лат. centom, centum; дринд. dáça «десять», ср. стсл. **десѧть**—греч. δέκα, лат. decem; дринд. çrávas «слава», стсл. **слово**, родств. и стсл. **слава**—греч. κλέος; дринд. diçá-ti «указываетъ»—δείκνυμι, лат. dīcō съ сильнымъ звуковымъ видомъ корня, съ старымъ дифтонгомъ; 2) индоевроп. ĝ: дринд. jánas «родъ», (Авеста въ родственныхъ образованіяхъ имѣетъ z) — греч. γένος, лат. genos, genus; дринд. глагольный корень jñā «знать», ср. стсл. **зна-ти**—греч. γιγνώσκω, лат. co-gnōscō; дринд. глагольный корень aj «гнать» (языкъ Авесты имѣетъ здѣсь z)—греч. ἄγω, лат. agō.

Въ древнеиндійскомъ яз. группы k̂s и k̂t дали въ результатѣ kṣ и ṣṭ; ср. дринд. dákṣiṇa-s «правый, ловкій», ср. стсл. **десьнъ**—греч. δεξιός, лат. dexter; дринд. diṣṭi-ṣ «наставленіе», ср. приведенное выше diḉa-ti; aṣṭáu, вед. aṣṭá, ср. стсл. **осмь**—греч. ὀκτώ, лат. octō.

Индоиранское ž исчезло въ древнеинд. передъ d, dh съ церебрализаціей этихъ послѣднихъ и съ удлиненіемъ предшествующей гласной, тогда какъ передъ bh оно перешло въ ḍ; ср. дринд. ī́ḍa-tē «восхваляетъ, умоляетъ», ср. отъ того же корня съ полнымъ звуковымъ видомъ и съ другимъ образованіемъ основы yája-ti «приноситъ жертву», гр. ἄζομαι, ἅγιος, ср. еще дринд. iṣṭá-s «принесенный въ жертву» (ṣṭ здѣсь изъ k̂t, такъ какъ ĝ передъ t перешло въ k̂); ср. далѣе отъ основы viç— «община, племя» (ср. стсл. **вьсь** «деревня», гр. οἶκος съ старымъ дифтонгомъ съ утратою ϝ, лат. vīcus), твор. мн. ч. viḍbhíṣ, а по аналогіи дальше и мѣстн. мн. viṭ-sú фонетическое vik-ṣú только въ ведійскомъ нарѣчіи), и имен. viṭ (мы бы ждали vik изъ *vikṣ, viks); обратно подъ вліяніемъ им. dik «направленіе, страна свѣта, страна», мѣстн. мн. dik-ṣú появилось и въ твор. мн. dig-bhíṣ. Основа diç представляетъ тотъ же корень, что и приведенное выше diçá-ti. Такія образованія какъ повел. didiḍḍhi къ корню diç представляютъ собою новообразованіе: изъ другихъ формъ было вновь возстановлено ç, ž, которое и перешло въ ḍ.

D) Задненебныя чистыя и лабіализованныя k и g.

Задненебныя k и g совпали въ древнеиндійскомъ и старославянскомъ яз. съ индоевроп. q и g въ k и g задненебныхъ съ ихъ дальнѣйшими измѣненіями.

Въ древнеинд. яз. k и g являются передъ старыми мягкими гласными *) фонетически, какъ c и j; по указаніямъ иранскихъ языковъ такое измѣненіе произошло еще въ индоиранскую эпоху (такому древнеинд. j въ языкѣ Авесты соотвѣтствуетъ древнѣйшее j съ его позднѣйшимъ измѣненіемъ въ ž); старое соотношеніе несмягченныхъ k и g и получившихся изъ ихъ смягченія c и j во многихъ случаяхъ въ древнеинд. яз. нарушено дѣйствіемъ аналогіи (напр., по аналогіи vṛ́ka-s = λύκος и въ зват. vṛ́ka = греч. λύκε; kim «что» по аналогіи kas «кто»; gītá-s part. parf. pass. къ gáya-ti «поетъ»; обратно vác-am вин. ед. при им. vāk «рѣчь, голосъ, слово»

*) Но не передъ i изъ a̯, ср. дринд. girá-ti „поглощаетъ“ и стсл. жьрѣть.

по аналогіи, напр., vāc-í мѣстн. ед.; bhájā-mi «удѣляю» по bhája-ti «удѣляетъ», гдѣ было получено старое e и т. п.).

Въ общеслав. яз. k и g подверглись смягченію въ č и dž, откуда еще въ общеслав. эпоху ž, въ положеніи передъ наличными въ то время мягкими гласными (e, ь, ī, ē, ę), а въ другую, болѣе позднюю эпоху жизни общеслав. яз. они смягчились въ c и dz, откуда далѣе въ западныхъ языкахъ dz, иначе вообще z, въ старослав. діалектически dz (буква «зѣло»); это смягченіе происходило какъ передъ новыми ē, ī изъ слав. дифтонга oi, такъ и при извѣстн. условіяхъ послѣ мягкой гласной и передъ u̯ + мягкая гласная. Группы sk и zg повергліись также извѣстному измѣненію передъ мягкими гласными въ связи съ смягченіемъ k и g, откуда при 1-мъ смягченіи стсл. **шт** и **жд**, русск. щ и жж (орѳограф. зж), при 2-мъ смягченіи стсл. **сц** и **ст**, **зд**, въ русскомъ подъ вліяніемъ другихъ формъ возстановлены ск и зг).

Примѣры: 1) **рекѫ**, **речешн**, **пророчьскъ**, **пророчица**, **пѣсъчанъ** изъ rēsъkēpъ (съ измѣненіемъ ē въ ā, см. стр. 17), **наченѫ**, **начатн**, ср. **искони** съ другимъ звуковымъ видомъ корня; **вощанъ** при **воскъ**; **боже**, **божьскъ**, **живъ** (ср. лит. gývas), **жаръ**, ср. **горѣтн**, **жьмѫ**, **жатн**, ср. греч. γέμω, «я полонъ, обремененъ», лат. gemō «вздыхаю», **мождань** при **мозгъ**; 2) **пророцѣ**, **пророцн**, **божьстѣ** и **божьсцѣ** при **божьскъ**; **босѣ**, **босн**, **возѣ**, **возн**, **дрѫзѣ** при **дрѫзга** «лѣсъ»; 3) **отьць**, ср. **отьче**, **лице**, ср. **лнкъ**; **польза**, **кънязь** (діалектически въ стсл. въ случаяхъ 2) и 3) категоріи сохранялось и dz); 4) слав. **звънѣтн**, р. звякать, польск. dźwięk.

Передъ v + ѣ изъ дифтонга k и g смягчились въ c и dz, z только въ діалектахъ общеслав. языка, ср. стсл. **цвѣтъ**, **звѣзда**, **звѣзда** при западнослав. польскихъ kviat, gwiazda, діалект. русск. квѣтъ.

Въ греческомъ и латинскомъ языкахъ задненебныя чистыя отличались въ ихъ исторіи отъ задненебныхъ лабіализованныхъ, которыя дали k и g только тамъ, гдѣ исчезла лабіализація. При сохраненіи лабіализаціи въ греч. яз. мы находимъ изъ q губную π, а изъ g губную β, при положеніи же передъ ι, ε мы находимъ τ и δ (въ эолическомъ также π и β), хотя передъ ι является и β, см. ниже въ примѣрахъ. Въ латинскомъ яз. при сохраненіи лабіализаціи q дало qu̯, а g дало gu̯, сохранившееся только послѣ n, иначе же давшее одно u̯, v; въ языкѣ осковъ и умбровъ мы находимъ p и b.

Исчезала лабіализація въ греческомъ языкѣ послѣ υ и передъ υ, а въ латинскомъ яз. передъ u и согласными.

Прежде чѣмъ привести примѣры, укажу на то, что мы не всегда можемъ точно опредѣлить качество индоевроп. k и g; для полнаго разграниченія отдѣльныхъ ихъ видовъ требуются, какъ мы видимъ, показанія для одного и того же слова языковъ обѣихъ группъ—группы centum и группы satəm.

Примѣры: I) k и g задненебныя нелабіализованныя: 1) индоевроп. k: греч. κρέας «мясо», лат. cruor «кровь», дринд. kravíṣ «сырое мясо», ср. стсл. **кръвь**; греч. κηλίς «пятно», лат. cālīgō «туманъ», дринд. kāla-s «черный, сине-черный», стсл. **калъ**; 2) индоевроп. g: греч. στέγω «покрываю», στέγος, τέγος «крыша», лат. tegō, дринд. sthága-ti, sthagaya-ti «покрываетъ», ср. слав. **о-стегъ** «одежда»; греч. ἀγείρω, γάργαρα «толпа», лат.

grex, дринд. grā́ma-s «толпа», слав. **грѣсть**, р. горсть (индоевроп. ger, gar̥, grē).

II) q и g съ утратою лабіализаціи по фонетическимъ условіямъ въ греческомъ и латинскомъ яз.: 1) индоевропейское q: гр. κύκλος, ср. отъ того же корня безъ удвоенія дринд. cakrá-s, cakrá-m «колесо», стсл. **коло**, ср. отъ того же корня съ сохраненіемъ лабіализаціи πέλομαι «вращаюсь, нахожусь гдѣ» (у Гомера это—эолизмъ), ср. τελέθω «становлюсь, чѣмъ», ср. далѣе αἰ-πόλος «пастухъ козъ», βου-κόλος «пастухъ быковъ и коровъ» (отсутствіе слѣдовъ лабіализаціи объясняется здѣсь диссимиляціей съ начальнымъ β изъ g); греч. λύκος, дринд. vr̥ka-s «волкъ», стсл. **влькъ**, **влъкъ**, лат. lupus, гдѣ p изъ q указываетъ на заимствованіе изъ сабельскихъ діалектовъ; лат. coctus, но coquō; quercus, но querquētum «дубнякъ»; 2) индоевропейское g: гр. γυνή, ср. беот. βανά съ ᾱ̯ «жена»; ср. μνάομαι «сватаюсь» (bn давало по-гречески mn: ср. еще σέβομαι—σεμνός «чту»—«почтенный»), стсл. **жена** съ полнымъ звуковымъ видомъ съ гласною e, ср. вед. gnā «божественная жена»; лат. gravis, греч. βαρύς, дринд. gurú-ṣ «тяжелый», лат. gurdus «глупый», гр. βραδύς «лѣнивый».

III) q и g съ сохраненіемъ лабіализаціи: 1) индоевропейское q: греч. πο- въ πότερος, πότε, лат. quo-, напр., въ quo-d, ср. дринд. kas «кто», katará-s «который», стсл. **которъıн**, **котеръıн**; въ іонич. и нѣк. другихъ діалектахъ мы находимъ образованія отъ этой основы съ k: ср. іонич. κῶς, ὅκως, κότερος; объясненіе этихъ случаевъ, которое разъясняло бы всѣ трудности, не найдено; думаютъ объ утратѣ лабіализаціи при энклитическомъ употребленіи данныхъ словъ; затѣмъ произошло обобщеніе въ однихъ діалектахъ однихъ формъ, въ другихъ діалектахъ—другихъ; греч. τέ, лат. que, дринд. ca «и»; греч. ποινή «возмездіе» изъ значенія «выкупъ», τίσις «возмездіе», стсл. **цѣна**, дринд. cáya-tē «мститъ, наказываетъ» (лат. poena заимствовано изъ греч. яз.); греч. τέτταρες, эол. πίσυρες (съ другимъ звуковымъ видомъ корня, см. стр. 20), лат. quatuor, стсл. **четыре**, дринд. catvár-as «четыре»; греч. πέντε, лат. quinque (съ начальнымъ qu вм. p подъ вліяніемъ слѣдующаго qu), стсл. **пѧть** «пятый» (съ утратою k передъ t, см. ниже), дринд. pañca «пять»; 2) индоевропейское g: лат. лат. vīvos, vīvus, стсл. **живъ**, дринд. jīvá-s «живой», ср. греч. βίος изъ βί[ϝ]ος съ старымъ краткимъ i; греч. βοῦς, лат. bōs, заимствованное изъ сабельскихъ діалектовъ (мы бы ждали vōs), ср. стсл. **говѧдь**, дринд. gauṣ «быкъ, корова»; греч. δελφύς «uterus», ἀδελφός (собств. «соутробный»), βρέφος «плодъ, дѣтенышъ», ср. дринд. gárbha-s «uterus», стсл. **жрѣбя**; въ эолич. діалектѣ греч. яз. мы находимъ въ началѣ родственныхъ словъ β: ср. атт. δελφίς, ῖνος, эол. βέλφινες и Δελφοί, Βελφοί (названы такъ по расщелинѣ въ скалѣ); греч. διερός «живой, свѣжій», ср. лат. vireo «зеленѣю», дринд. jīrá-s «живой, подвижный»; что касается тѣхъ примѣровъ, гдѣ, какъ въ βιός мы находимъ β передъ ι (ср. еще βιός «тетива», дринд. jyā «тетива»; βία, дринд. jyā), то Бругманъ (Griech. Gramm. [3], p. 114) пытается объяснить эти неясные случаи гипотезою, по которой δ получалось передъ i слоговымъ, а β—передъ i неслоговымъ.

Примѣчаніе. Такъ какъ въ греч. яз. переходъ старыхъ q и g въ губныя и зубныя взрывныя зависѣлъ отъ характера слѣдующаго звука,

то, понятно, въ образованіяхъ отъ одного и того же корня въ зависимости отъ этого послѣдняго условія мы находимъ чередованіе въ согласныхъ; само собою разумѣется, что въ такомъ глаголѣ какъ λείπω (ср. лат. linquō) мы находимъ, напр., λείπεις, λείπει вмѣсто ожидаемыхъ λείτεις, λείτει подъ вліяніемъ λείπω, λείπομεν; обратно, πεντάς «пятерка» имѣетъ τ вмѣсто ожидаемаго π подъ вліяніемъ πέντε, ср. староатт. πεμπάς.

Въ нѣкоторыхъ словахъ мы находимъ въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ расхожденіе по отношенію къ указаніямъ на качество старыхъ k и g; сюда принадлежатъ, напр., случаи типа: лат. socer, греч. ἑκυρός, ср. стсл. **свекръı**, р. свекоръ, свекровь, но дринд. çváçura-s, çvaçrú-ṣ «свекоръ», «свекровь»; стсл. **камы**, греч. ἄκμων «наковальня», дринд. áçmā (основа на an) «скала, громовая стрѣла, камень, небо» (въ этомъ словѣ не ясно отношеніе слав. **кл-** къ ak- другихъ языковъ (литовскій яз. въ соотвѣтственномъ словѣ имѣетъ тоже ak—). Какъ смотрѣть на случаи этого рода, не ясно; м. б. мы имѣемъ дѣло со старыми индоевропейскими заимствованіями изъ одного діалекта въ другой.

Судьба группы kt *въ общеславянскомъ языкѣ.* Въ положеніи передъ t, за которымъ не слѣдовало старой мягкой гласной, k исчезло, ср. стсл. **плєтѫ**, лат. plectō, родств. греч. πλέκω; стсл. **пать**, ср. гр. πέμπτος, лат. quintus изъ *quinctus; въ положеніи же передъ мягкимъ гласнымъ звукомъ группа kt измѣнилась фонетически въ čt и далѣе дала въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ тѣ же результаты, что и измѣненіе старой группы tį̄ (стсл. **шт**, русск. ч, западнослав. c), ср. стсл. **ношть**, р. ночь, польск. noc (ср. лит. naktìs «ночь», лат. nox, греч. νύξ, дринд. náktam «ночью», греч. ῠ изъ α); такъ же объясняются стсл. **рєштн** при **рєкѫ**, **пєштн** при **пєкѫ**, **дъштн**, ср. дринд. duhitá, греч. θυγάτηρ, гдѣ между согласными была получена еще неопредѣленная гласная. Рядъ новообразованій по аналогіи измѣнилъ первоначальное соотношеніе, ср. **плєтєшн** по **плєтѫ**, **пать** по **пать**; обратно, супинъ **рєшть** подъ вліяніемъ неопред. **рєштн**, такъ какъ въ другихъ глаголахъ въ супинѣ тѣ же согласныя, что и въ неопредѣленномъ; славянскій супинъ есть по происхожденію вин. ед. отглагольныхъ существительныхъ на -tu (напр., **нєсть**), ср. лат. супинъ на -tum, древнеинд. неопред. на -tum. Что касается **ь** въ **рєшть**, то оно объясняется мягкостью **шт**.

Въ группѣ skn въ общесл. яз. **к** исчезло, ср. стсл. **тѣсьнъ** при **тнскатн**, тогда какъ церковносл. **тѣскьнъ** новообразованіе.

17. Исторія индоевропейскихъ звонкихъ придыхательныхъ согласныхъ.

Въ древнеиндійскомъ яз. индоевропейскія dh и bh сами по себѣ сохранялись какъ dh и bh; задненебное чистое и лабіализованное gh дало gh, а передъ мягкой гласной h изъ индоиранскаго jh (ср. въ яз. Авесты j, ž), (ср. j въ древнеинд. яз. изъ индоевроп. g передъ мягкими гласными), тогда какъ ĝh дало всюду h (ср. въ яз. Авесты z, d) изъ индоиранскаго žh черезъ ступень jh (ср. j изъ ĝ). Въ извѣстныхъ случаяхъ въ началѣ слова передъ гласной и внутри слова между гласными мы находимъ въ древнеинд. яз. h и изъ dh и bh; въ случаяхъ этого ро-

да видятъ въ настоящее время заимствованіе изъ среднеиндійскихъ (пракритскихъ) діалектовъ, знавшихъ переходъ придыхательныхъ взрывныхъ въ h между гласными; переходъ въ началѣ слова въ h объясняется изъ того положенія данныхъ словъ въ рѣчи, гдѣ предшествующее слово оканчивалось на гласную. При томъ условіи, если въ концѣ того же слога или въ началѣ слѣдующаго слога стояла придыхательная согласная, старая придыхательная согласная теряла свое придыханіе.

Въ греческомъ языкѣ звонкія придыхательныя согласныя перешли въ общегреческую эпоху въ глухія придыхательныя, т.-е. изъ ĝh, qh, gh, dh и bh мы находимъ соотвѣтственно k̂h, kh, qh, th, ph съ ихъ дальнѣйшимъ измѣненіемъ; слѣдовательно k̂h и kh совпали въ kh, а изъ qh получилось при утратѣ лабіализаціи kh, при ея сохраненіи th и ph при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ q и g давали зубныя и губныя взрывныя. Въ дальнѣйшемъ исторія этихъ глухихъ придыхательныхъ, сохранявшихся въ извѣстныхъ діалектахъ до довольно поздняго времени, состояла въ томъ, что они перешли (въ различныхъ діалектахъ въ различные моменты) въ глухія фрикативныя, вѣроятно, черезъ посредство глухихъ аффрикатъ, на которыя могутъ указывать написанія πφ, τϑ, κχ. Фрикативныя, которыя получились въ конечномъ результатѣ, были слѣдующія: χ изъ kh, ϑ изъ th (стараго dh, а при извѣстномъ положеніи и изъ стараго gh), φ изъ ph (стараго bh, а при извѣстномъ положеніи и изъ стараго gh). На то, что стадія глухихъ придыхательныхъ сохранялась довольно долго въ аттическомъ нарѣчіи, указываетъ, напр., аттич. ἕχω изъ ἔχω, которое можно объяснить только при произношеніи ekhō̄ (а о появленіи придыханія передъ начальной гласной подъ вліяніемъ придыхательнаго звука внутри слова см. въ отдѣлѣ объ исторіи s). Римляне въ древнѣйшую эпоху передавали въ заимствованіяхъ изъ греческаго яз. греческіе χ, ϑ, φ своими t, c, p (ср. Aciles, Nicepor), позже болѣе точно черезъ ch, th, ph, и только въ I в. по Р. Х. является лат. f вм. греч. φ, что указываетъ уже на фрикативный характеръ соотвѣтствующаго звука въ греч. яз. Что касается фрикативной ϑ, то въ лаконскомъ діалектѣ отсюда при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ рано развилось σ.

Еще въ общегреческую эпоху глухія придыхательныя теряли свое придыханіе, если въ началѣ слѣдующаго слога или слога, отдѣленнаго однимъ слогомъ отъ перваго, находилась придыхательная согласная.

Въ общеиталійскую эпоху звонкія придыхательныя согласныя, такъ же какъ и въ греческомъ яз., дали глухія придыхательныя, откуда получились глухія фрикативныя. Именно, изъ ĝh и gh задненебнаго чистаго получилось въ результатѣ общеиталійское χ непосредственно изъ kh; изъ gh получилось такимъ же путемъ χ лабіализованное, которое условно обозначимъ написаніемъ χ^u (непосредственно изъ qh); изъ dh получилось th и далѣе ϑ, а изъ bh черезъ посредство ph получилось f. При утратѣ лабіализаціи (а она исчезала тамъ же, гдѣ ее утрачивали q, g) въ латинскомъ яз. совпали, понятно, въ дальнѣйшей исторіи χ и χ^u. Дальнѣйшая судьба общеиталійскихъ фрикативныхъ согласныхъ только что указаннаго происхожденія была слѣдующая: χ дало h, передъ u въ началѣ слова f, передъ u послѣ согласной g; χ^u дало въ языкѣ осковъ и умбровъ f,

a въ латинск. яз. въ началѣ словъ f, внутри словъ gu, сохранившееся послѣ n, иначе одно u, v; общеиталійское ð дало въ яз. осковъ и умбровъ f всюду, въ латинскомъ яз. только въ началѣ слова, внутри же слова въ сосѣдствѣ съ r, передъ l и послѣ u мы находимъ b, въ прочихъ случаяхъ d; наконецъ, f, сохранявшееся въ языкѣ осковъ и умбровъ, дало въ лат. яз. f только въ началѣ слова, внутри же слова мы находимъ b.

Въ общеславянскомъ (и еще въ литовскославянскомъ) языкѣ индоевропейскія звонкія придыхательныя совпали съ соотвѣтственными непридыхательными, утративъ свое придыханіе, такъ что, напр., въ слав. g совпали старыя g, g, gh, gh, а въ слав. z совпали ĝ и ĝh.

Примѣры: 1) индоевропейское ĝh: дринд. váha-ti «везетъ», vāhá-s «тотъ, кто везетъ; упряжное животное, повозка», ср. греч. ὄχος изъ *ϝ-όχος, лат. vehō, стсл. **везѫ, возъ**; дринд. глаг. корень lih «лизать», напр., léh-mi «лижу» (въ вед. нар. réh-mi), ср. греч. λείχω, лат. lingō (съ слабымъ звуковымъ видомъ корня и съ носовой согласной, по происхожденію, носовымъ инфиксомъ), стсл. **лизати**; дринд. himá-s «холодъ, зима», himá-m «зима», hímā «зима», hemantá-s «зима» (съ сильнымъ звуковымъ видомъ корня, съ старымъ дифтонгомъ), ср. греч. χεῖμα «зима», χειμών ««зимняя буря», χιών «снѣгъ», ср. лат. hiems (hībernus изъ *heimrinos), ср. стсл. **зима**; лат. fundō имѣетъ f въ началѣ слова передъ u, ср. дринд. глаг. корень hu «дѣлать возліяніе въ огонь, жертвовать», греч. χέω изъ χέϝ-ω съ сильнымъ звуковымъ видомъ корня, χυτός = дринд. part. perf. pass. hutá-s;

2) индоевропейское gh: дринд. dīrghá-s «длинный, долгій», греч. δολιχός, стсл. **далъгъ**, въ лат. можетъ быть родственно indulgeō (основное значеніе «быть долготерпѣливымъ, снисходительнымъ»); лат. hostis, стсл. **гость**; дринд. mēghá-s «облако», ср. греч. ὀμίχλη «туманъ», слав. **мьгла**; ср. дринд. основу mih, получившуюся фонетически, напр., въ им. мн. míhas, гдѣ—as изъ индоевроп.—es; лат. glaber «гладкій, лысый», стсл. **гладъкъ**, нѣм. glatt (лат. b изъ dh);

3) индоевропейское gh: дринд. gharmá-s «жаръ», греч. θερμός «теплый», лат. formus «теплый», стсл. **горѣти, жаръ**, гдѣ **ж** изъ g, а **а** изъ ē; дринд. háras «жаръ» имѣетъ фонетически h передъ e, ср. греч. θέρος; дринд. laghú-ṣ «легкій», греч. ἐλαχύς, лат. levis, стсл. **льгъкъ** (о соотношеніи гласныхъ см. стр. 26); лат. anguis, ср. р. ужъ, угорь изъ ǫžь, ǫgrь, родств. греч. ὄφις «змѣя» (гдѣ φ объясняется такъ же, какъ и β изъ g въ положеніи передъ ι), что же касается дринд. áhi-ṣ «змѣя», то оно можетъ имѣть слабый звуковой видъ корня (а изъ ą̄n̥); въ какомъ-то соотношеніи по происхожденію съ этими словами находятся и греч. ἔχις (дринд. áhi-ṣ можетъ равняться и этому греческому слову), р. ежъ; лат. ninguit «идетъ снѣгъ», nivis род. ед. «снѣга», тогда какъ въ nix мы находимъ утрату лабіализаціи передъ s и переходъ звонкаго g въ глухое k, ср. гр. νείφει, νίφει съ ī «идетъ снѣгъ», νιφάς «снѣжинка», стсл. **снѣгъ** (о судьбѣ начальнаго s въ отдѣльныхъ индоевроп. яз. см. ниже); дринд. hán-ti «бьетъ, убиваетъ», ghn-ánti «бьютъ, убиваютъ», ср. гр. θείνω «бью, поражаю» и φόνος «убійство», стсл. **женѫ**; дринд. han изъ ghen, но, напр., въ прич. съ страд. знач. hatá-s «убитый», гдѣ ha изъ ghą̄n̥ мы бы ждали

въ началѣ gh, звукъ же h объясняется перенесеніемъ изъ другихъ формъ, гдѣ онъ былъ полученъ фонетически; утрату лабіализаціи мы находимъ по фонетическимъ условіямъ въ греч. ἐλαχύς (см. выше), ὑγιής, гдѣ ὑ- = = дринд. su- «хорошо», а вторая часть находится въ связи по происхожденію съ βίος, т.-е. это слово должно было значить первоначально «хорошо живущій», откуда далѣе значеніе «здоровый»; въ лат. яз. исчезла лабіализація фонетически въ nix (см. выше);

4) индоевропейское dh: дринд. dhūmá-s «дымъ», греч. θυμός (съ υ долгимъ) съ переходомъ основного значенія въ область духовныхъ явленій: «жизненная сила, духъ и т. д.», лат. fūmus, стсл. **дымъ**; дринд. глаг. корень dhā, тожеств. съ нимъ греч. глаг. корень θη въ τίθημι, ср. стсл. **дѣ-ти** (глаголъ), въ лат. яз. ср. fēc-ī, гдѣ fēc = греч. θη въ ἔθηκα (аористъ); лат. aedēs въ мн. ч. «зданіе», особенно «храмъ», въ ед. ч. «комната», первоначальное значеніе «домашній очагъ; мѣсто, гдѣ онъ находится», ср. греч. αἴθω «жгу», дринд. ēdhas (им. ед. ч. ср. р.) «дрова», сюда же принадлежитъ лат. aestus «жаръ», aestās «жаркое время года, лѣто», гдѣ лат. s изъ индоевроп. аффрикаты (см. ниже); дринд. rudhirá-s «красный», греч. ἐρυθρός (съ протетическимъ ε), стсл. **ръжда**, р. ржа (стсл. **жд**, р. ж изъ di), ср. р. рыжій съ старымъ ū, р. рудый съ старымъ дифтонгомъ ou, ср. гр. ἐρεύθω «дѣлаю краснымъ», лат. ruber изъ *rubros, тогда какъ лат. rūfus «рыжій» является заимствованіемъ изъ сабельскихъ говоровъ; лат. jubeo «приказываю» изъ основного значенія «привожу въ движеніе», ср. дринд. ud-yódha-ti «вскипаетъ» въ буквальномъ и переносномъ значеніи, yúdhyati «сражается»; лат. stabulum собственно «мѣсто стоянія», «стойло», образованіе съ индоевроп. суффиксомъ dhlo къ тому корню, который является и въ лат. stāre, ср. польское stadło «пара, брачный союзъ»; лат. verbum, ср. нѣм. wort, изъ *verdhom, ср. по корню, напр., греч. εἴρω «говорю»; такъ какъ въ лат. яз. различіе между f-b-d, какъ рефлексами стараго dh, объясняется различіемъ въ фонетическомъ положеніи, то мы, естественно, находимъ рядъ новообразованій по аналогіи, напр., по аналогіи facio (корень dhē въ слабомъ звуковомъ видѣ съ неопредѣленной гласной) мы находимъ inficio; дринд.—hi суффиксъ 2-го л. повел. формы д. з. при нетематическомъ образованіи основы при -dhi, являющемся послѣ согласныхъ (ihí «иди», но viddhí «знай») ср. греч. -θι, напр., въ ἴθι, служитъ примѣромъ дринд. h изъ dh; ср. еще hitá-s «хорошій», собственно part. perf. р. къ корню dhā и т. д.;

5) индоевропейское bh: дринд. bhára-ti «несетъ», ср. греч. φέρω, лат. ferō, стсл. **берж**; дринд. bhrátā «братъ (основа bhrátar-), греч. φράτηρ, φράτωρ «членъ фратріи» (съ ā), лат. frāter, стсл. **братръ, братъ**; дринд. nábhas «туманъ, небо», греч. νέφος «облако, туманъ», лат. nebula «туманъ», стсл. **небо**; дринд. глагольный корень grabh, grah (gr̥bhṇáti, gr̥hṇáti «хватаетъ»), стсл. **грабити**, гдѣ **а** изъ старой долгой гласной.

Примѣры диссимиляціи придыхательныхъ согласныхъ въ древнеиндійскомъ и греческомъ языкахъ: ср. дринд. babhúva 3-ье л. ед. ч. perf. отъ корня bhū «быть», jaghána та же форма отъ корня han «убивать» (отсюда видно, что переходу jh въ h предшествовала диссимиляція придыхательныхъ согласныхъ) и т. п., ср. греч. τέθηκα, πέφευγα къ φεύγω (ср. лат.

fugiō съ слабымъ звуковымъ видомъ корня) и общее правило объ удвоеніи въ древнеинд. и греч. яз.; ср. далѣе греч. πεύθομαι и дринд. bŏdhatē «пробуждается, замѣчаетъ» (греч. π показываетъ, что диссимиляція происходила уже послѣ перехода звонкихъ придыхательныхъ въ глухія), но сравн., напр., будущее время bhōtsyá-ti, гдѣ bh сохранилось, такъ какъ слѣдующая придыхательная утратила свое придыханіе передъ согласной, ср. греч. τρέφω-ἔθρεψα; гр. ἔκεχειρία «перемиріе» (ἔχω и χείρ). Само собою разумѣется, что въ цѣломъ рядѣ случаевъ мы находимъ нефонетическія новообразованія подъ вліяніемъ однихъ случаевъ на другіе, ср. дринд. dhaddhvē 2-ое л. мн. ч. наст. вр. возвр. ф. къ корню dhā, но правильно dádhmahē (вообще передъ глагольными суффиксами съ dh въ началѣ корня возстановлены въ дринд. яз. придыхательныя подъ давленіемъ другихъ формъ, гдѣ придыханіе сохранилось); ср. далѣе въ греч. яз. ἐτέθην, аор. стр. къ корню θη съ правильной диссимиляціей придыхательныхъ, но ἐχύθην съ нефонетическимъ χ; съ другой стороны, при πεύθομαι мы находимъ будущее время πεύσομαι вм. ожидаемаго φεύσομαι.

Примѣчаніе. Какъ мы видѣли выше, латинское f въ началѣ словъ получалось изъ индоевропейскихъ gh, dh, bh, тогда какъ gh и ĝh дали вообще h (f изъ ĝh только передъ u), однако, въ рядѣ словъ мы находимъ f вм. h и h вм. f, при чемъ въ большинствѣ случаевъ традиція сохранила намъ оба варіанта въ одномъ и томъ же словѣ; римскіе грамматики приписываютъ при этомъ форму, отличавшуюся отъ обычно принятой въ литературномъ яз., древнему яз. или діалектамъ. Послѣднее несомнѣнно вѣрно и подтверждается слѣдами діалектовъ въ надписяхъ, хотя мы и не можемъ сказать ничего положительнаго о самомъ характерѣ этого явленія и его распространеніи, что находится въ связи съ скудостью нашихъ свѣдѣній о діалектахъ латинскаго языка. Ср. folus вм. holus (на ĝh указываетъ стсл. **зелие**), ср. helus «зелень» (гдѣ e перенесено изъ род. ед. heleris, а въ им. должно было образоваться о передъ велярнозубнымъ l); fostis—hostis (см. выше); обратно, haba вм. faba, ср. слав. **кобъ** (старое bh въ началѣ).

Что касается звука h, то онъ рано сталъ придыханіемъ съ слабой артикуляціей, приводившей къ полному исчезновенію этого звука. Примѣры полной ранней утраты h между гласными: nēmō изъ *nehemō, собственно «ни одинъ человѣкъ», nīl изъ ni при nihil; meiō «мочусь» изъ *meihō, ср. съ носовымъ инфиксомъ mingō, гдѣ g объясняется положеніемъ послѣ согласной, ср. дринд. mḗha-ti съ тѣмъ же значеніемъ, греч. ὀμιχεῖν; здѣсь мы находимъ выпаденіе h послѣ i; ср. дальше diribeō «раздѣляю» изъ *dishabeō, гдѣ h не помѣшало переходу s въ z и далѣе въ r и затѣмъ вполнѣ исчезло. При положеніи въ началѣ слова h рано стало исчезать въ живой разговорной рѣчи, тогда какъ рѣчь людей образованныхъ стремилась его сохранять; съ теченіемъ времени пришлось, однако, устанавливать, какія же именно слова надо произносить, въ отличіе отъ простонароднаго языка, съ h, и тутъ получился цѣлый рядъ недоразумѣній; напр., появилось humerus вм. umerus (ср. греч. ὦμος) «плечо», гдѣ для h нѣтъ этимологическаго основанія, съ другой стороны, укрѣпилось anser «гусь», гдѣ было h, ср. гр. χήν, дринд. hạsá-s «гусь», родственно и общеслав.

gǫsь, р. гусь, но здѣсь мы находимъ g, хотя ждали бы z, такъ какъ литовскій яз. указываетъ здѣсь тоже на ĝh, ср. дринд. h; какъ смотрѣть на это, не ясно; м. б. это—одинъ изъ случаевъ расхожденія отдѣльныхъ языковъ, а м. б. здѣсь заимствованіе изъ германскихъ языковъ, ср. нѣм. gans (аналогичный случай представляло бы тогда лат. bōs, заимствованное изъ сабельскихъ говоровъ).

18. Исторія индоевропейскихъ глухихъ придыхательныхъ согласныхъ.

Исторія индоевропейскихъ глухихъ придыхательныхъ согласныхъ, существовавшихъ здѣсь въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, представляетъ до сихъ поръ еще много неяснаго, такъ какъ мы располагаемъ лишь небольшимъ матеріаломъ изъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ примѣровъ.

Индоевропейскія глухія придыхательныя въ древнеинд. яз. вообще сохранялись, какъ таковыя, хотя было бы ошибочно всѣ звуки этого рода въ древнеинд. словахъ считать старыми: въ рядѣ случаевъ глухія придыхательныя являются заимствованіемъ изъ пракритскихъ говоровъ, гдѣ такіе звуки возникали вновь изъ старыхъ глухихъ взрывныхъ при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ. Что касается стараго kh (задненебнаго чистаго и лабіализованнаго), то оно фонетически должно являться передъ мягкими гласными въ видѣ ch. Старое k̂h вмѣстѣ съ предшествующимъ s дало въ дринд. яз. cch, т.-е. придыхательную аффрикату с съ первою долгою частью, откуда въ началѣ словъ ch (встрѣчающееся въ письменной традиціи древнеинд. яз. написаніе ch вм. cch внутри словъ — графическое явленіе). Замѣчу кстати, что cch получалось въ древнеинд. яз. и изъ sk̂ *) (ср. дринд. gácchati «идетъ», основа наст. вр. отъ корня gam въ слабомъ звуковомъ видѣ съ суффиксомъ sk̂, ср. греч. βάσκω), а также при соединеніи словъ въ рѣчи изъ t въ окончаніи предшествующаго слова + ç въ началѣ слѣдующаго слова, напр., tacchrutvā = tat çrutvá «это услыхавъ», гдѣ само tat изъ tad по закону о переходѣ звонкихъ взрывныхъ въ глухія въ абсолютномъ концѣ слова и передъ глухою согласною въ началѣ слѣдующаго слова.

Въ греческомъ языкѣ глухія придыхательныя должны были совпасть въ конечномъ результатѣ съ индоевропейскими звонкими придыхательными, такъ какъ эти послѣднія перешли сами въ глухія придыхательныя.

Что касается латинскаго яз., то здѣсь глухія придыхательныя точно такъ же совпали съ старыми звонкими придыхательными, только послѣ s, повидимому, получились глухія взрывныя; нѣкоторые ученые думаютъ, что старыя глухія придыхательныя въ латинскомъ яз. вообще давали глухія взрывныя (см. Stolz, Latein. Gramm.[4], р. 120); слѣдовательно, они принимаютъ измѣненіе глухихъ придыхательныхъ въ соотвѣтственныя глухія взрывныя въ эпоху, предшествовавшую переходу старыхъ звонкихъ придыхательныхъ въ глухія придыхательныя, а это явленіе было обще-

*) Въ дринд. pr̥cchá-ti „спрашиваетъ“ была получена группа k̂sk̂, ср. лат. poscit изъ porcsc-.

италійскимъ. Однако матеріалъ, на которомъ основано это предположеніе, не отличается большою надежностью, частью же латинскія глухія взрывныя въ соотвѣтствіи съ старыми глухими придыхательными, на которыя указываютъ другіе языки, объясняются старымъ чередованіемъ придыхательныхъ и непридыхательныхъ взрывныхъ согласныхъ (см. ниже).

Въ старославянскомъ яз. изъ глухихъ придыхательныхъ мы находимъ глухія взрывныя непридыхательныя, ср. исторію звонкихъ придыхательныхъ, совпавшихъ здѣсь съ звонкими непридыхательными.

Примѣры: 1) индоевропейское k̂h: дринд. глагольный корень chid «расщеплять, раскалывать», напр., въ формѣ 3-го л. ед. ч. наст. вр. д. з. съ носовымъ инфиксомъ chinátti, ср. греч. σχίζω, лат. scindō, ср. слав. **цѣдити**, указывающее, однако, на старое k не средненебное (что же касается отсутствія указанія на начальное s, то намъ вообще извѣстны случаи, гдѣ въ одномъ и томъ же корнѣ въ праязыкѣ были варіанты съ s и безъ s въ началѣ, ср. греч. στέγος, τέγος «крыша», дринд. sthágati «покрываетъ» и слав. **о-стегъ** «одежда»);

2) индоевропейскія kh и gh: дринд. çaṅkhá-s «раковина», греч. κόγχος, κόγχη «раковина, мѣра объема», лат. congius «мѣра объема»; дринд. skhála-tē «спотыкается», греч. σφάλλω «роняю, обманываю»; вполнѣ достовѣрныхъ примѣровъ для ch изъ смягченія kh нѣтъ, и нѣкоторые ученые даже вообще отрицаютъ наличность этого рода ch (см. Wackernagel, Altind. Gramm., p. 154);

3) индоевропейское th: дринд. -tha, суффиксъ 2-го л. ед. ч. д. з. перфекта, напр. vétttha «ты знаешь», ср. греч. -θα въ οἶσθα, ср. лат. -tī въ 2-мъ л. ед. ч. перфекта въ положеніи послѣ s, которое по происхожденію принадлежало аористу (а въ латинскомъ перфектѣ совпали аористическія и перфективныя образованія); ī здѣсь въ лат. яз. не старое, а представляетъ собою измѣненіе a, на которое указываютъ древнеинд. и греческій яз., по аналогіи 1-го л. ед. ч., гдѣ лат. ī изъ стараго дифтонга = дринд. ē въ 1-мъ л. ед. ч. перфекта medii (по аналогіи -ai, когда еще сохранялся дифтонгъ въ 1-мъ л., появилось -tai и далѣе -tei, tī во 2-мъ л. ед. ч.); дринд. mathnā́-ti, mánthati и máthati (безъ n) «болтаетъ, мѣшаетъ», ср. стсл. **матѫ**, **масти**, ср. безъ n греч. μόθος «свалка», сюда же и стсл. **мѫтити**;

4) индоевропейское ph; дринд. sphū́rja-ti «прорывается, трещитъ», ср. греч. σφαραγέομαι «шипѣть, трещать».

Примѣчаніе къ отдѣламъ 15—18. Въ индоевропейскомъ праязыкѣ существовалъ законъ, по которому звонкая согласная, попадая въ положеніе передъ глухой, сама становилась глухой и, наоборотъ, глухая согласная, соприкасаясь непосредственно съ звонкой, сама становилась звонкой. На это даютъ опредѣленныя указанія всѣ отдѣльныя вѣтви индоевропейскихъ языковъ; ср. общеиндоевроп. juqtó-s «запряженный» (дринд. yuktá-s, греч. ζευκτός, лат. junctu-s — греческое образованіе съ нефонетическимъ сильнымъ звуковымъ видомъ корня, литовское junktas, съ нисходящимъ удареніемъ на un) при индоевроп. jugó-m, ср. дринд. yugá-m, греч. ζυγόν, лат. jugum, стсл. **иго**, литовское jungas, съ нисходящимъ удареніемъ на un; съ другой стороны, ср. дринд. upa-bdá-s «топотъ», греч. ἐπίβδαι «день

послѣ праздника» и индоевроп. основу ped/pod «нога». Эта звуковая черта сказывалась въ жизни отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ и въ послѣдующее время, когда по тѣмъ или инымъ причинамъ приходили въ соприкосновеніе звонкая и глухая, глухая и звонкая согласная, ср., напр., соотвѣтственныя явленія въ русскомъ яз., гдѣ образовались новыя группы согласныхъ вслѣдствіе выпаденія ъ и ь; на письмѣ, однако, въ большинствѣ случаевъ сохраняется этимологическое написаніе, ср. людской, соборъ, но, напр., и на письмѣ свадьба (ср. сватъ). Тѣмъ не менѣе, какъ ни естественъ подобный переходъ съ физіологической точки зрѣнія, было бы ошибкою считать его чѣмъ-то безусловно необходимымъ, ср., напр., сохраненіе звонкихъ передъ глухими въ украинскихъ малорусскихъ говорахъ.

Придыханіе въ придыхательной согласной при встрѣчѣ съ непридыхательной, исчезнувшее въ греческомъ и латинскомъ языкахъ (ср. ἀν-εκτός къ ἔχω; nix при ninguit, греч. νείφει и т. д.), въ древнеиндійскомъ яз. отсутствуетъ при положеніи придыхательной звонкой передъ звонкой, ср. дринд. yudbhíṣ тв. мн., основа yudh «борецъ»; передъ глухими мы находимъ утрату придыханія въ предшествующей глухой въ такихъ случаяхъ, какъ yutsú мѣстн. мн. отъ основы yudh, lapsyē «возьму» 1-е л. ед. ч. буд. вр. medii, глаг. корень labh и т. д. Въ группѣ звонкая придыхательная + зубная взрывная глухая первая согласная теряла придыханіе, вторая его получала и становилась звонкой, ср. labdhá-s part. perf. pass. изъ *labhtá-s; ср. еще līḍhá-s part. perf. pass. къ корню lih «лизать», гдѣ īḍh изъ iǥht и т. п. Бартоломэ, а за нимъ и нѣкоторые другіе ученые (напр., Бругманъ) переносятъ этотъ фонетическій законъ въ эпоху индоевропейскаго праязыка, придавая ему общую формулировку и объясняя всѣ тѣ случаи, гдѣ отдѣльные языки указываютъ на глухую + глухая изъ группы звонкая придыхательная + глухая, позднѣйшими новообразованіями. Было бы, однако, слишкомъ рискованно всю массу явленій отдѣльныхъ языковъ, не представляющихъ слѣдовъ придыханія во второмъ элементѣ, къ тому же глухомъ, считать новообразованіями изъ желанія довести до праязыка индоиранское явленіе; по указанію языка Авесты, дѣйствительно, дринд. группа глухая + s, гдѣ нѣкогда первая согласная была звонкой придыхательной, должна быть разсматриваема какъ новообразованіе подъ вліяніемъ образованій отъ другихъ основъ, гдѣ не было въ окончаніи придыхательной звонкой (ср. въ самомъ древнеинд. яз.—gdhá-s part. perf. pass. къ корню ghas «пожирать» изъ *gzdhá, ghstá), но въ другихъ языкахъ мы бы ждали все-таки больше положительныхъ указаній на законъ Бартоломэ; то, что приводится въ его пользу, или слишкомъ не ясно, или допускаетъ другое объясненіе (напр., Бругманъ считаетъ греч. θυγάτηρ контаминаціей двухъ индоевропейскихъ образованій: dhughəter и dhugdher).

Наконецъ, я отмѣчу еще любопытный фактъ, состоящій въ томъ, что по указанію отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ мы должны принимать для эпохи распаденія праязыка наличность въ одной и той же основѣ (обыкновенно въ концѣ корня) различныхъ согласныхъ: глухой и звонкой, придыхательной и непридыхательной; ср. дринд. vépa-tē «дрожитъ» и лат. vibrō; дринд. pip-atē «пьютъ» и дринд. píba-nti «пьютъ», ср. лат. bibō (ассимиляція изъ *pibō); дринд. daçát-, daçati- «десятокъ»,

стсл. **десать** и греч. δεκάς, ἄδος; дринд. páça-s «петля, веревка», греч. πάσσαλος (σσ изъ kj) «деревянный гвоздь», лат. pāx, -cis и греч. πήγνυμι, лат. pangō; дринд. nakhá-s «ноготь» и стсл. **ногъть**, лат. unguis, греч. ὄνυξ-χος (послѣдніе два примѣра могутъ указывать и на глухую придыхательную). Въ части случаевъ такое чередованіе могло возникнуть вслѣдствіе обобщенія въ однихъ діалектахъ глухой, въ другихъ звонкой изъ тѣхъ образованій, гдѣ звонкая становилась глухой, а глухая звонкой при встрѣчѣ съ слѣдующею согласною (въ 1-мъ случаѣ глухой, во 2-мъ звонкой). Напримѣръ, по указанію Бругмана, такъ можетъ объясняться δ въ δεκάδ-ος. Въ другихъ примѣрахъ м. б. на появленіе звонкой вліяло сосѣдство носовой (ср., напр., ἕβδομος, стсл. **седмь** и далѣе количественное **седмь** при греч. ἑπτά, дринд. saptá, saptamá-s). Наконецъ, въ части случаевъ мы имѣемъ м. б. дѣло съ такъ называемыми Wurzeldeterminativ'ами.

Примѣры смѣны непридыхательной и придыхательной: дринд. pṛthú-ṣ «широкій» и греч. πλατύς; дринд. rátha-s «повозка», лат. rota «колесо»; дринд. глагольный корень sthā «стоять» и греч. ἵστημι; дринд. mahán «большой» и дринд. основа majmán- «величина», греч. μέγας, лат. magis (съ a изъ α). Объясненіе этого явленія еще не найдено. Бругманъ (Grundriss, I², p. 634) высказываетъ предположеніе, что по крайней мѣрѣ въ части случаевъ придыхательная (звонкая) теряла свое придыханіе подъ вліяніемъ обобщенія тѣхъ случаевъ, гдѣ она теряла придыханіе, передавая его слѣдующей глухой, но, какъ мы видѣли, само это явленіе для индоевропейскаго праязыка пока еще не доказано.

19. Исторія индоевропейскихъ s и z.

A) Исторія индоевропейскаго s.

Что касается древнеиндійскаго языка, то уже въ индоиранскую эпоху старое индоевропейское s перешло въ š, откуда древнеиндійское ṣ (т.-е. š церебральное), въ положеніи послѣ i, u, какъ самихъ по себѣ, такъ и во второй части дифтонговъ, а также послѣ k и r. Въ древнеиндійскомъ яз., однако, въ положеніи передъ r слоговымъ и неслоговымъ изъ ṣ мы находимъ вновь s, ср. дринд. tisr-ás им. мн. ж. рода «три», tisṛ-ṇám род. мн. (ср. въ яз. Авесты основу ж. р. tišr «три»). Подъ вліяніемъ звука ç (изъ k̂) въ концѣ того же слога или въ началѣ слѣдующаго слога s перешло въ ç, ср. дринд. çváçura-s «свекоръ» изъ *svá̆çura-s, ср. греч. ἑκυρός, р. свекоръ (см. выше, стр. 56). Аналогиченъ этому явленію переходъ s въ ṣ подъ вліяніемъ ṣ или исчезнувшаго затѣмъ церебральнаго ž конца того же или начала слѣдующаго слога, ср. дринд. á-ṣāḍha-s «непобѣдимый» (изъ *á-sažḍha-s, ср. корень sah «преодолѣвать», тотъ же, что и въ греч. ἔχω, съ индоевроп. ĝh). Въ положеніи между взрывными согласными s (какъ и вообще звуки š и ž въ такомъ положеніи) въ древнеинд. яз. исчезло, ср., напр., álipta 3-ье л. ед. ч. сигматическаго аориста medii изъ *alipsta (корень lip «намазывать», ср. гр. ἀλείφω «умащаю», λιπαρός «жирный», стсл. **прильпѣти**, лат. lippus «съ гноящимися глазами»). При встрѣчѣ звука s и ṣ въ концѣ глагольнаго корня съ s въ

началѣ суффикса мы находимъ, вмѣсто ожидаемыхъ нами группъ ss и ṣṣ, группы ts и kṣ, ср. vatsyá-ti 3-ье л. ед. ч. д. з. будущаго къ корню vas «жить» (ср. греч. ἑστία «очагъ»), dvékṣi «ненавидишь» къ корню dviṣ *). Какъ объяснить это явленіе, не ясно; его объясняютъ различно (см. Brugmann, Grundriss I², p. 734, Wackernagel, Altind. Gramm. I, p. 137, 178). Въ концѣ словъ, въ абсолютномъ концѣ рѣчи или въ паузѣ, s и ṣ перешли въ глухое придыханіе ḥ (visargá—собственно «прекращеніе»), которое является и при тѣсномъ сочетаніи словъ въ рѣчи передъ k, kh, p, ph, ṣ, ç, ṣ; передъ t, th въ началѣ слѣдующаго слова является s (напр., agnís tápati «огонь жжетъ», dēvás tuṣyati «богъ радуется»); передъ c и ch мы находимъ ç, передъ ṭ и ṭh—ṣ (ассимиляція, въ текстахъ то же и передъ зубными фрикативными), ср. devāç ca «и богъ», paraçúṣ ṭaṇkaç ca «топоръ и кирка». О дальнѣйшихъ измѣненіяхъ висарги, какъ неточно говорятъ въ практическихъ грамматикахъ санскрита, см. въ отдѣлѣ объ исторіи звука z.

Въ греческомъ языкѣ мы находимъ измѣненіе s въ придыханіе еще въ общегреческую эпоху въ началѣ словъ передъ гласными и внутри словъ между гласными. Въ лесбійскомъ и нѣкоторыхъ другихъ діалектахъ придыханіе исчезло уже въ доисторическое время, въ аттическомъ нарѣчіи оно сохранялось, но съ теченіемъ времени и здѣсь оно стало исчезать; съ V в. по Р. Х. придыханія уже больше не существовало. Отъ придыханія (густое придыханіе, spiritus asper) мы должны отличать такъ называемое легкое придыханіе (spiritus lenis), которое если и было придыхающимъ, то только весьма слабымъ и не имѣло этимологическаго значенія, являясь передъ всякой гласной въ началѣ слова, поскольку не было «густого придыханія». Нѣкоторые ученые даже думаютъ, что знакомъ такъ называемаго легкаго придыханія обозначался тихій приступъ гласной, при которомъ голосовыя связки устанавливаются въ звучащее положеніе при самомъ началѣ экспираціи, тогда какъ при крѣпкомъ приступѣ (существующемъ, напр., въ нѣмецкомъ яз. въ начальныхъ гласныхъ подъ удареніемъ) голосовыя связки принимаютъ тѣсно сомкнутое положеніе, такъ что при началѣ экспираціи происходитъ разрывъ этой преграды, и затѣмъ уже начинаются колебанія голосовыхъ связокъ, образующія голосъ. При томъ условіи, если въ началѣ непосредственно слѣдующаго слога или черезъ одинъ слогъ дальше находилось придыханіе, образовавшееся изъ s между гласными и впослѣдствіи исчезавшее, или старая придыхательная согласная, то начальное придыханіе изъ s исчезло еще въ общегреческомъ яз. (ср. диссимиляцію придыхательныхъ согласныхъ), напр., ср. ἔχω изъ *ἑχω при ἕξω, но въ аор. опять ἐ-σχο-ν, ἴσχω изъ *ἰ-σχω, гдѣ ι изъ si въ слогѣ удвоенія (ср. дринд. sáha-tē «преодолѣваетъ, побѣждаетъ»).

Въ ту эпоху, когда придыханіе изъ s между гласными, образовавшееся здѣсь еще въ общегреческомъ яз., продолжало сохраняться, оно переносилось при извѣстныхъ условіяхъ на начало предшествующаго на-

*) Въ склоненіи основъ на s съ предшествующими a, i, u въ формѣ мѣстн. мн., гдѣ суффиксъ былъ -su, мы находимъ въ окончаніи основы передъ суффиксомъ -su висаргу, такъ что окончаніе основы имѣетъ тотъ звуковой видъ, который ей принадлежалъ бы въ абсолютномъ концѣ слова, что представляется новообразованіемъ.

чальнаго слога слова, гдѣ оно и является въ видѣ придыханія передъ гласной; если въ началѣ слова была глухая согласная, то она обращалась при этомъ въ придыхательную. По изслѣдованію Зоммера (Sommer, Griechische Lautstudien) такого перенесенія не было, если дальше слѣдовало непосредственно удареніе.

Группы sr, sl въ началѣ слова дали въ общегреческомъ яз. rr, ll, которыя дальше, въ жизни отдѣльныхъ уже діалектовъ, упрощались въ r, l. Изъ написаній, встрѣчающихся въ надписяхъ, РН, ΛΗ выводятъ заключеніе о томъ, что такія r и l были безъ голоса. У Гомера по указанію метра мы еще находимъ долгія (двойныя) r и l, ср., напр., сочетаніе περὶ δὲ ῥόος, гдѣ δε составляетъ сильную часть стопы, и, слѣдовательно, начало слѣдующаго слова образуетъ позицію (т.-е. было ῥρόος).

Группы sm, sn дали въ началѣ слова тотъ же результатъ, т.-е. mm, nn, съ ихъ дальнѣйшимъ измѣненіемъ въ діалектахъ въ m, n. Въ началѣ словъ, однако, sm частью сохранилось.

Тамъ, гдѣ группы sr и sl были внутри слова, тамъ получились ρρ, λλ съ упрощеніемъ въ діалектахъ въ ρ, λ при протяженіи предшествующей краткой гласной. Въ лесбійскомъ діалектѣ мы находимъ еще λλ. Достовѣрныхъ примѣровъ для ожидаемаго ρρ, повидимому, нѣтъ.

Группы sm и sn внутри слова дали μμ, νν, сохранявшіяся въ лесбійскомъ (и θессалійскомъ), иначе упростившіяся съ удлиненіемъ предшествующей краткой гласной.

Группы ms и ns передъ гласной дали mm, nn, сохранившіяся въ лесбійскомъ нарѣчіи, вообще же упростившіяся съ удлиненіемъ предшествующей краткой гласной. Гдѣ группа гласная + ns была въ концѣ слова, тамъ въ результатѣ въ лесбійскомъ діалектѣ мы находимъ дифтонгъ + s, то же и въ случаяхъ типа ἔχοισι = ἔχουσι, παῖσα = πᾶσα, гдѣ само s не старое, а изъ t, ti; въ этихъ случаяхъ-ns-сохраняется въ θессалійскомъ нарѣчіи (напр., πάνσα), а что касается общей судьбы конечнаго-ns, то см. стр. 47.

Судьба группъ rs, ls остается не вполнѣ выясненной (см. Brugmann, Griech. Gramm³., p. 119).

Судьба стараго s между согласными была различна въ зависимости отъ качества самихъ согласныхъ: въ группахъ κσκ, κσχ, πσπ, πσφ, т.-е. между задненебными и губными, исчезла 1-ая согласная, въ другихъ группахъ исчезло s, группа τσ + согласная дала σ + согласную, ср. εἴσκω изъ *ϝε-ϝικ-σκω, ср. съ полнымъ звуковымъ видомъ ἔοικα, βλάσφημος, гдѣ βλασφ изъ βλαφφ, «хулящій», съ другой стороны, ср. гомер. ἔμεικτο изъ *ἔμεικστο, inf. perf. medii πεπλέχθαι, γεγράφθαι изъ *πεπλέκσθαι, *γεγράπσθαι къ πλέκω «плету», γράφω «пишу».

Что касается латинскаго языка, то s между гласными еще въ общеиталійскую эпоху перешло въ z, сохранявшееся въ языкѣ осковъ, а въ языкѣ умбровъ и въ латинскомъ яз. отсюда получилось r. Этотъ процессъ закончился, повидимому, къ послѣдней четверти IV в. до Р. Х., ко времени диктатора Л. Папирія Красса (который самъ себя называлъ уже Папиріемъ) и цензора Аппія Клавдія, которому приписывается узаконеніе r между гласными въ официальномъ языкѣ. Въ нашихъ источникахъ древне-

латинскія слова изъ эпохи до ротацизма представляютъ между гласными s, которое надо читать какъ z.

Группы sr дали въ общеиталійскую эпоху, вѣроятно, группу ðr, откуда лат. fr въ началѣ и br внутри слова.

Группы sm, sn, sl утратили s какъ въ началѣ, такъ и внутри слова; въ послѣднемъ случаѣ предшествующая краткая гласная удлинилась; если sm или sn предшествовало n, p, k, то они исчезли, и sm, sn имѣли далѣе свою обычную исторію; съ другой стороны, t между s и m, n, l исчезло.

Группы rs, ls дали rr, ll; ср. ferre, velle и ēs-se.

Въ группѣ nsqu исчезло s фонетически (ср. inquam изъ *insquām, корень тотъ же что въ inseque = ἔννεπε, слав. **СОУНТИ**), а утрата s въ началѣ корня въ удвоенныхъ формахъ перфекта типа spopondī, stetī (изъ *ste-stai) объясняется диссимиляціей.

Въ общеславянскомъ яз. мы изъ s находимъ частью s, частью ch съ дальнѣйшимъ измѣненіемъ въ š и s при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ происходило здѣсь смягченіе звуковъ k и g (см. стр. 54). Вопросъ объ условіяхъ, вызывавшихъ переходъ s въ ch, остается до сихъ поръ невыясненнымъ, по крайней мѣрѣ въ полной мѣрѣ. Мнѣ представляется наиболѣе вѣроятнымъ мнѣніе Ф. Ѳ. Фортунатова, который въ славянскомъ ch различаетъ по происхожденію такое ch, которому соотвѣтствуетъ литовское sz (звукъ «ша»), и такое ch, которому соотвѣтствуетъ въ литовскомъ s. Второе ch образовалось, по его мнѣнію, въ общеславянскомъ языкѣ изъ s послѣ i и u какъ самихъ по себѣ, такъ и въ окончаніи дифтонговъ, тогда какъ ch перваго рода вмѣстѣ съ литовскимъ sz восходитъ къ особой разновидности s. Затрудненіе возникаетъ здѣсь 1) въ опредѣленіи самого происхожденія такой разновидности; нѣтъ, повидимому, достаточныхъ основаній считать это s особаго рода древнимъ, такъ какъ другіе индоевропейскіе языки не даютъ рѣшительно никакихъ указаній въ этомъ направленіи, съ другой же стороны, трудно понять происхожденіе этой разновидности на почвѣ самого балтійскославянскаго языка, такъ какъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ, которыя позволили бы объяснить это s особыми фонетическими условіями; 2) для полнаго доказательства справедливости мнѣнія Ф. Ѳ. Фортунатова не хватаетъ, какъ мы увидимъ, важныхъ указаній со стороны литовскаго языка, не имѣющаго нѣкоторыхъ образованій, соотвѣтственныхъ славянскимъ. Во всякомъ случаѣ, если не раздѣлять мнѣнія Ф. Ѳ. Фортунатова, приходится или отказаться въ сущности отъ объясненія, почему въ литовскомъ яз. мы въ части случаевъ въ соотвѣтствіи съ слав. ch находимъ sz, или принимать, что въ части случаевъ, притомъ частью однородныхъ (напр., въ положеніи послѣ u) старое sz перешло вновь въ s, а эта послѣдняя возможность представляется весьма маловѣроятной.

Примѣры: дринд. saptá, греч. ἑπτά, лат. septem, ср. стсл. **СЄДМЬ** (см. стр. 64); греч. εὕω изъ *eusō «жгу», лат. ūro, ustus, дринд. óṣa-ti «жжетъ», uṣtá-s part. perf. p.; гр. ἱερός не только «священный», но и «быстрый», дринд. iṣirá-s «цвѣтущій, сильный»; греч. ἰαίνω «согрѣваю» «оживляю» при дринд. iṣaṇyá-ti «побуждаетъ» не имѣетъ придыханія, такъ какъ слѣдующій слогъ былъ подъ удареніемъ (см. выше); греч. φροῦδος «ушедшій, исчезнувшій» изъ *pro-sodos, ср. съ ὁδός стсл. **ХОДЪ, ШЬДЪ**, гдѣ š изъ ch,

а **ь** изъ *а*; съ другой стороны, ср. отсутствіе перенесенія придыханія на начальный слогъ подъ вліяніемъ слѣдующаго ударенія въ гр. πηός (съ іонич. атт. η) «родственникъ», ср. лат. parricīda изъ pāricīda *), гдѣ r между гласными изъ s; основное значеніе «убійца ближайшаго родственника»; дринд. sráva-ti «течетъ», греч. ῥέω, стсл. **строукъ**, гдѣ t развилось въ общеслав. яз. между s и r; дринд. snuṣá «сноха», гр. νυός, лат. nurus, р. сноха изъ снъха; гр. σμερδαλέος «грозный, отвратительный», ср. нѣм. Schmerz, гдѣ начальное sch изъ s, а z изъ общегерм. t, которое изъ индоевроп. d; гр. μία, ср. εἷς изъ sems, ἅ-παξ, гдѣ ἁ изъ s̥m̥, ср. лат. semel, simplex; греч. λαμβάνω —примѣръ измѣненія группы sl въ началѣ слова, ср. perf. ἔιλῃφα изъ *seslēpha діалект. написанія λhαϝών и т. д.; лат. merda «калъ», ср. стсл. **смрьдѣти**; лат. laxus, ср. гр. ἄλληκτος «непрерывный»; дринд. ás-mi «есмь», греч. атт. εἰμί, дор. ἠμί, лесб. ἔμμι, стсл. **ѥсмь**, гр. σελήνη, лесб. σελάννα «луна», ср. σέλας «блескъ», гдѣ, по указаніямъ языка Авесты было получено u̯ послѣ s; іонатт. χείλιοι (атт. χίλιοι съ ī изъ удлиненія i, полученнаго изъ индоевроп. *а*), лесб. χέλλιοι, дор. χήλιοι, ср. дринд. sa-hásra-m «тысяча»; гр. αὔριον «завтра» изъ *ausrion, ср. дринд. us-rá-s «утренній», uṣás «утренняя заря», лат. aurōra и греч. ἕως **) «утренняя заря», гом. ἠώς, эол. αὔως (общегреч. āusōs); лат. auris, стсл. **оухо** (въ лит. яз. ausìs «ухо»), **оушии**; р. мѣхъ, мѣшокъ, дринд. mēṣá-s баранъ (лит. máiszas «мѣшокъ»); слав. **лѣха** «грядка», лат. līra (литовское lýsė, буквою ē обозначаю условно ē закрытое); общеслав. **вьсь**, стсл. **вьсь** изъ *vьcьs (ср. лит. vìsas); стсл. **врьхъ**, лат. verrūca «бородавка», дринд. várṣma (основа ср. р. várṣman—), varṣmá (основа м. р. varṣmán—) «верхушка», ср. лит. virszùs; лат. ōmen (дрвнлт. osmen у Варрона) изъ *oui̯s-men «знакъ, знаменіе», ср. гр. οἶομαι изъ *oui̯si̯omai; лат. dīmoveō изъ dis-moveō; лат. cānus «сѣдой», ср. cascus; Aurēlius изъ *Auseslios, ср. aurōra; trāmūto изъ transmūto; cōnūbium, гдѣ con изъ cons, ср. nūbō, гр. νύμφη и слав. **снѫкъ** «свататься»; pomērium, гдѣ pōm изъ *posm (см. стр. 34); лат. frīgus, ср. гр. ῥῖγος «морозъ» изъ *srīgos; con-sobrīnus изъ *sues̯r-īnos, ср. soror; гр. ἔνειμα, лесб. ἔνεμμα, аор. къ νέμω, гдѣ была группа ms; греч. ἔμεινα, лесб. ἔμεννα аор. къ μένω, гдѣ была получена группа—ns. Нѣкоторыя нефонетическія явленія: гр. ἕννυμι «одѣваю» имѣетъ группу nn изъ sn болѣе новаго происхожденія, гдѣ s было вновь возстановлено подъ вліяніемъ такихъ образованій какъ ἐσθής «одежда»; фонетическое развитіе представляютъ іон. εἷμα и εἵνυμι; гом. ἔλλαβε, καταρρέω, ἄλληκτος представляютъ перенесеніе λλ, ρρ изъ тѣхъ образованій, гдѣ они были въ началѣ слова, ср. καλλίροος, ἔλῃγε, гдѣ такое же перенесеніе въ болѣе позднюю эпоху, когда въ началѣ слова были уже ρ, λ.

Изъ предшествующаго изложенія судьбы стараго s и изъ того, что сказано на стр. 53, видно, что въ древнеинд. яз. совпали старыя группы

---

*) Ср. по отношенію къ передвиженію границы между слогами лат. Juppiter изъ Jūpiter.

**) Придыханіе въ греч. ἕως противъ правила о перенесеніи придыханія на начальный слогъ, такъ какъ слѣдующій слогъ имѣлъ на себѣ удареніе, поэтому Зоммеръ думаетъ о его нефонетическомъ происхожденіи, м. б., подъ вліяніемъ противоположнаго по значенію ἑσπέρα „вечеръ“.

k̂s и ks въ одномъ kṣ, въ иранскихъ же языкахъ они различались. Въ стсл. яз. старое k̂s является въ видѣ s, ср. слав. **ось**, дринд. ákṣa-s, лат. axis, гр. ἄξων. Старое ks мы находимъ въ аор. типа **рѣхъ**, гдѣ само s было такимъ, которое давало само по себѣ ch, ср. **дахъ**; въ литовскомъ яз. соотвѣтственныхъ образованій не сохранилось. Въ положеніи передъ t группа ks дала только s, ср. **рѣсте** при **рѣхъ**.

B) Исторія индоевропейскаго Z.

Въ большинствѣ случаевъ въ индоевроп. праязыкѣ согласная z была звонкимъ эквивалентомъ глухой s въ положеніи передъ звонкой согласной въ началѣ основообразовательныхъ или флективныхъ элементовъ.

Въ древнеинд. яз. z передъ зубной взрывной исчезло съ удлиненіемъ предшествующей краткой гласной, передъ древнеинд. j старое z является въ видѣ j, а передъ g и b оно перешло въ d. Между взрывными согласными z, какъ и s, исчезло (ср. дринд. babdhám изъ *babzdhām, 3-е л. двойств. ч. повел. формы къ bá-bhas-ti «измельчаетъ, пережевываетъ»).

При тѣхъ условіяхъ, при которыхъ s перешло въ индоиранскую эпоху въ š, звукъ z перешелъ въ ž, откуда древнеинд. церебральное ž, исчезнувшее передъ d и dh съ удлиненіемъ предшествующей гласной и съ церебрализаціей этихъ d и dh; передъ bh мы находимъ изъ ž согласную ḍ (ср. судьбу индоевроп. ĝ и ĝh передъ согласными, давшихъ въ результатѣ въ древнеинд. яз. то же ž церебральное съ его дальнѣйшими измѣненіями).

Въ греческомъ яз. z сохранилось передъ звонкими взрывными; изображалось оно буквою σ, а съ 4 в. до Р. Х. и буквою ζ, ср. πρεσβευτής, πρεζβευτής. Группа zd писалась частью σδ (лесбійское нарѣчіе), частью черезъ ζ; группа zd, давшая въ θессалійскомъ нарѣчіи ρδ (θεόρδοτος = θεόζοτος, гдѣ ζ = zd) въ аттич. нарѣчіи и въ нѣкоторыхъ другихъ говорахъ упростилась съ теченіемъ времени въ z, но, напр., въ беотійскомъ и дорическихъ нарѣчіяхъ дала δδ (на гортинской надписи τοῖδ δέ изъ τοῖς δέ съ звукомъ z передъ слѣдующимъ δ). Между согласными z въ греч. яз. исчезло, кромѣ группы gzg, гдѣ исчезло g (ср., напр., беотійское ἔσ·γονος «отпрыскъ», тогда какъ аттич. ἔκγονος (гдѣ въ живомъ языкѣ было gg) новообразованіе по аналогіи, напр., ἔκδοσις «выдача» (κδ = γδ). Передъ звонкими придыхательными z должно было перейти въ греч. яз. въ σ въ связи съ переходомъ слѣдующей согласной въ глухую придыхательную.

Въ латинскомъ яз. z передъ d исчезло съ удлиненіемъ предшествующей краткой гласной, передъ g оно перешло въ r, а передъ старыми звонкими придыхательными z перешло въ s въ связи съ измѣненіемъ слѣдующей звонкой въ глухую. Въ лат. hordeum мы находимъ исчезновеніе z въ группѣ rzd, ср. нѣм. Gerste «ячмень», гдѣ нѣм. t изъ стараго d.

Въ старославянскомъ яз. старое z само по себѣ сохранилось какъ **ꙁ**.

Примѣры: древнеинд. ēdhí «будь» изъ *azdhi, ср. греч. ἴσθι; дринд. ādhvé «вы сидите», ср. ás-tē «онъ сидитъ»; дринд. madgú-ṣ «какая-то водяная птица», лат. mergus «нырокъ», ср. дринд. májja-ti «погружается», лат. mergō «погружаюсь»; дринд. uṣád-bhiṣ тв. мн. при им. ед. uṣás «утренняя заря»; dviḍ-bhíṣ тв. мн. къ основѣ dviṣ «непріятель», но havír-

bhiṣ къ haviṣ—«жертва»—новообразованіе, гдѣ внесено r по аналогіи тѣхъ случаевъ, гдѣ r существовало въ концѣ слова изъ ž (см. ниже), ср. mánō-bhiṣ къ mánas «духъ, разумъ», гдѣ такое же перенесеніе; дринд. nīḍá-m, nīḍá-s «гнѣздо», ср. лат. nīdus, нѣм. Nest, гдѣ t изъ стараго d, а s изъ z; гр. ὄζος «вѣтвь», ср. нѣм. Ast, гдѣ st такого же происхожденія, какъ и въ Nest; греч. μισθός стсл. **мьздa**, дринд. mīḍhá-m «награда за побѣду, борьба»; лат. sīdo изъ *sizdo, ср. дринд. pīḍaya-ti «давить, жметъ» изъ значенія «насѣдаетъ» изъ pi (приставка) + zd, слабый звуковой видъ корня sed; греч. βδέω, лат. pēdō изъ *pezdō, а въ греч. βδέω слабый звуковой видъ корня, ср. р. бздѣть.

Примѣчаніе. Въ дополненіе къ сказанному на стр. 65 о судьбѣ конечнаго s въ древнеинд. яз. замѣтимъ слѣдующее: s въ концѣ слова должно было перейти въ z передъ всѣми звонкими звуками въ началѣ слѣдующаго слова, а ṣ (послѣ i и u) точно такъ же давало при этихъ условіяхъ ž. Дальнѣйшая судьба, обусловленная рядомъ нефонетическихъ перенесеній, была слѣдующая: -az передъ d, dh въ началѣ слѣдующаго слова давало -ō, которое мы находимъ далѣе передъ всѣми звонкими согласными, передъ сонорными согласными и передъ y, v (ср. dēvṓ dádāti «богъ даетъ» и далѣе dēvṓ bhárati «богъ несетъ» и т. д.; передъ гласными изъ — aḥ мы находимъ a (dēvá iti «богъ такъ»), а передъ a мы находимъ ō и «отпаденіе» a (dēvṓ pi «богъ также»); по указанію метрическихъ ведійскихъ текстовъ здѣсь первоначально было -a a-, т.-е. -aḥ теряло придыханіе, какъ и въ другихъ случаяхъ, затѣмъ было внесено сюда по аналогіи -ō, которое и поглотило начальное a. Старое -ās, измѣнившись въ -āz, является передъ всѣми звонкими согласными какъ ā; передъ гласными āḥ дало тотъ же результатъ: dēvā́ iva «какъ боги», dēvā́ bháranti «боги несутъ». Старое ž церебральное послѣ i и u перешло въ r въ положеніи передъ гласными, а по аналогіи это r было распространено и на положеніе передъ звонкими согласными, ср. çátrur hárati «врагъ похищаетъ» такъ же, какъ çátrur iva «какъ врагъ»; передъ r въ началѣ слѣдующаго слова r исчезло, ср. agní rócatē «огонь блеститъ».

Судьбу конечныхъ š и ž изъ s, z раздѣлило и конечное r, только съ тѣмъ отличіемъ, что передъ гласной и звонкимъ согласнымъ звукомъ мы находимъ r, ср. púnar átra «опять тамъ».

Такъ какъ группы согласныхъ въ древнеинд. яз. въ концѣ слова вообще не допускались, то въ группѣ -ns въ концѣ слова отпало -s, слѣды котораго сохранились при тѣсномъ сочетаніи словъ въ рѣчи въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ древнеиндійская практическая грамматика говоритъ о вставкѣ s, ç и ṣ *), ср. devā́^{n} tátra «боговъ тамъ» (написаніемъ ā^{n} -я условно обозначаю ā носовое) изъ *devāns tatra, devā́^{n}ç ca «и боговъ». Такъ какъ въ древнеинд. яз. въ абсолютномъ концѣ слова, напр., съ старымъ -an изъ -ans совпало и старое an изъ ant, то и послѣ такихъ конечныхъ n послѣ гласной, гдѣ никогда не было s, является s или его эквиваленты ṣ, ç, ср. ábharaṣ tátra «они несли тамъ».

*) Передъ зубными s, передъ небными ç и передъ церебральными глухими ṣ.

20. Исторія индоевропейскихъ ϑ и δ.

Для эпохи распаденія индоевропейскаго праязыка мы должны принимать еще фрикативныя небнозубного класса ϑ и δ непридыхательныя и придыхательныя, существовавшія здѣсь, однако, только въ положеніи послѣ взрывныхъ задненебныхъ согласныхъ. Только въ кельтскихъ языкахъ и въ греческомъ языкѣ отсюда получились зубные взрывные звуки, во всѣхъ же остальныхъ языкахъ они совпали съ зубными фрикативными s или š. Въ греч. яз. изъ δ придыхательнаго мы находимъ, какъ и должны ждать, ϑ.

Примѣры: гр. κτίσις «поселеніе», ср. дринд. kṣití-ṣ «поселеніе, жилище», лат. situs, сюда же принадлежитъ и **сѣмиꙗ**, р. семья съ старымъ сильнымъ звуковымъ видомъ корня; k здѣсь въ индоевр. праязыкѣ было средненебнымъ; дринд. tákṣā (основа tákṣan-), гр. τέκτων «плотникъ», лат. texō, стсл. **тєсати** (и здѣсь было k̂); гр. κτείνω «убиваю», дринд. kṣaṇṓ-ti «повреждаетъ» (по указаніямъ иранскихъ языковъ старое k задненебное); гр. κτῆμα «владѣніе», дринд. kšatrá-m «господство» (индоевр. k задненебное); гр φθίνω «уничтожаю», дринд. kṣiṇá-ti «уничтожаетъ» (старое q и ϑ придыхательное), сюда же и лат. situs «плѣсень»; гр. χθών «земля», дринд. kṣám «земля» (индоевр. ĝ и δ придыхательное, ср. родств. стсл. **ꙁємлꙗ**); греч. φθείρω «гублю», дринд. kṣára-ti «течетъ, расплывается, исчезаетъ» (индоевр. g задненебное лабіализованное и δ придыхательное).

21. Исторія индоевропейскихъ аффрикатъ.

Аффрикаты c и dz получались въ индоевропейскомъ праязыкѣ, гдѣ они были непридыхательными и придыхательными, изъ t и d въ положеніи передъ слѣдующею зубною взрывною. Въ древнеиндійскомъ, греческомъ, латинскомъ и старославянскомъ яз. мы находимъ отсюда s и z съ ихъ дальнѣйшею исторіею вслѣдствіе утраты первой (взрывной) части аффрикаты.

О судьбѣ t и d передъ s мы знаемъ слѣдующее. Въ греческомъ языкѣ t (старое t и изъ d) передъ s переходило въ s, если или предшествовала, или слѣдовала согласная (-ts давало тотъ же результатъ и въ концѣ слова); получившееся затѣмъ такимъ образомъ ss упрощалось. Въ латинскомъ яз. изъ ts получилось ss (еще въ общеиталійскую эпоху), упрощавшееся послѣ долгихъ гласныхъ и сонорныхъ согласныхъ; тотъ же результатъ получался здѣсь и изъ группы ct, но передъ r мы найдемъ str. Въ балтійскославянскую эпоху ts дало ss, откуда s.

Примѣры: греч. ἔφευσται 3-е л. ед. ч. perf. medii при φεύδομαι «лгу, обманываю»; греч. σχιστός при σχίζω «расщепляю», ср. лат. scissus при scindō, но ср. лат. claustrum «запоръ», при claudō; лат. concussī при concutiō «потрясаю», suāsī, при suādeō и т. д.; греч. βάλλουσι дат. мн. ч. прич. изъ *βάλλοντσι; стсл. **дасть** 3-е л. наст. вр. при **дамь** (гдѣ d исчезло передъ m), **дадѧть**, **вєсти** при **вєдѫ** и т. п.; стсл. **ꙗсли** (здѣсь **ꙗс** изъ ēts), ср. **ꙗсти**. Въ древнеинд. яз. сравните dēhí повел. форма 2-го л. ед. ч. изъ *dazdhi къ основѣ dadā, dad «давать», dhēhí та же форма къ

основѣ dadhā, dadh «класть, ставить», mēdhá «мудрость», дрперс. -mazda, ср. греч. μαθεῖν, μανθάνω «учусь»; at-si «ты ѣшь» къ глаг. корню ad «ѣсть», ср. гр. ἔδω, лат. edō. При закономѣрныхъ съ фонетической точки зрѣнія dēhí, dhēhí является новообразованіе daddhí; также объясняется addhí «ѣшь»; vr̥ddhá-s «выросшій» къ корню vardh, átti «ѣстъ» и т. п. По мнѣнію Бартоломэ, въ древнеинд. daddhí мы имѣемъ не новообразованіе, а діалектическую (фонетически получившуюся) форму. Въ пользу этого мнѣнія могло бы говорить дринд. нарѣчіе addhá «конечно» (ср. древнеперс. azdā «увѣренность»), если оно дѣйствительно принадлежало бы по корню къ дринд. mēdhá (см. выше), но эта этимологія весьма сомнительна.

22. Исторія индоевропейскихъ j и i̯.

То обстоятельство, что въ индоевропейскомъ праязыкѣ существовалъ между прочимъ согласный звукъ j, отличавшійся отъ гласнаго i̯, въ настоящее время вновь оспаривается (ср. Sommer, Griechische Lautstudien, 1905). Дѣйствительно, у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя позволили бы намъ установить наличность въ индоевроп. праязыкѣ j, при другомъ фонетическомъ положеніи, кромѣ какъ передъ гласной въ началѣ слова. Здѣсь же, несмотря на доводы Зоммера, я продолжаю различать i̯ и j: первое дало въ греческомъ яз. придыханіе, второе—ζ, ср. напр., греч. ὅς «который», дринд. yas «который», стсл. мѣстоим. основу, являющуюся въ **ѥ-го**, **ѥ-моу** и греч. ζυγόν, лат. jugum, стсл. **иго** (**и** изъ **jь**), дриндр. yugám; греч. ζωστήρ «поясъ», ζώννυμι «опоясываю», стсл. **по-ꙗсъ**; гр. ζέω, дринд. yásya-ti «кипитъ»; греч. ζειαί «полба» (основа изъ jevi̯ā-), дринд. yáva-s «зерновой хлѣбъ, ячмень» *).

Что касается положенія передъ гласными въ началѣ слова и между гласными внутри слова, то старое i̯, давшее въ греческомъ яз. придыханіе въ началѣ слова и исчезнувшее между гласными (послѣ **u** передъ гласной оно сохранилось), въ латинскомъ яз. между гласными исчезло (исчезло еще въ общеиталійскую эпоху), въ началѣ же словъ сохранялось въ видѣ i̯, которое въ императорскую эпоху уже перешло въ j. Въ общеславянскомъ яз. сохранялось въ началѣ словъ и между гласными, переходя далѣе въ j; начальное jь дало i. Новое i̯, откуда дальше j, развивалось въ общеславянскомъ языкѣ передъ мягкими гласными, а также и передъ a, хотя передъ этою гласною оно діалектически рано стало исчезать **). Въ древнеиндійскомъ яз. i̯ при указанномъ фонетиче-

*) Зоммеръ приводитъ ζυγόν въ связь съ тѣмъ обстоятельствомъ, что передъ начальнымъ υ по по-гречески развивалось придыханіе, которое онъ выводитъ изъ i̯, развивавшагося передъ υ; старое i̯ugom дало по общему закону hugom, откуда далѣе hi̯ugom (ср. ὑπό и дринд. úpa), ζυγόν; въ ζέω, по его мнѣнію, ζ изъ i̯h (придыханіе перенесено изъ середины слова); какъ ἕννυμι изъ *ϝέσνυμι, также и ζώννυμι изъ i̯ōsnumi съ перенесеніемъ придыханія; ζωστήρ объясняется какъ ἵστωρ (корень u̯oid, u̯id), гдѣ придыханіе передъ группою σ + согл. внутри слова; въ ζωστήρ звукъ ζ изъ i̯h, а въ ἵστωρ изъ u̯h.

**) Случаи, въ которыхъ славянскіе языки не представляютъ i̯ передъ ѥ и a (не смѣшивать съ діалектическимъ отсутствіемъ этого i̯), нѣкоторые ученые пытаются объяснить обоб-

скомъ положеніи сохранялось (буква y), перейдя съ теченіемъ времени въ дальнѣйшемъ существованіи живыхъ говоровъ въ согласную (въ пракритѣ мы находимъ изъ y, напр., въ началѣ словъ j).

Примѣры: дринд. yajñá-s «почитаніе», ср. греч. ἅγιος «священный»; дринд. yákṛt, род. yakn-ás «печень», ср. лат. jecur, jecinoris, греч. ἧπαρ съ старымъ ē; дринд. yá-s «который» (см. выше); дринд. tráy-as «три», греч. τρεῖς (на гортинской надписи τρεες), лат. trēs изъ *treies, стсл. **трнє**, **трыє**; греч. υἱός, лак. υἰύς «сынъ» (изъ *su-iu-s), ср. дринд. su-tá-s «сынъ», собств. «тотъ, кто рожденъ»; стсл. **ѥсть** при дринд. ásti, гр. ἐστί—примѣръ новаго i, развившагося на слав. почвѣ; ср. еще **нмѫ** при **възмѫ** и т. п.; передъ a новое i мы находимъ, напр., въ стсл. **ѧгньць** при **агньць**, ср. лат. agnus.

Въ положеніи послѣ согласныхъ i въ древнеиндійскомъ яз. сохранялось. Примѣры см. ниже въ отдѣлахъ, гдѣ говорится о явленіяхъ греческаго, латинскаго и старославянскаго языковъ.

Въ греческомъ языкѣ въ сочетаніяхъ ni, ri, ui въ положеніи послѣ a и o происходила палатализація согласной, и въ результатѣ получились дифтонги ai, oi, при чемъ i исчезло ср. φαίνω изъ *fani̯ō, τεκταίνω изъ *tektani̯ō, μοῖρα «судьба», ср. μόρος «участь, судьба» (тотъ же корень въ μέρος, лат. mereō), αἰϝετός, ἀετός (съ ā, см. стр. 35) изъ *au̯ietos, ср. лат. avis. Послѣ прочихъ гласныхъ эпентезы (такъ называется условно описанное выше явленіе) не происходило, а получились долгія (двойныя) согласныя, сохранявшіяся въ лесбійскомъ діалектѣ, упрощавшіяся, напр., въ аттическомъ съ удлиненіемъ предшествующей гласной, ср. κτείνω, лесб. κτέννω (см. стр. 32), φθείρω, лесб. φθέρρω (см. стр. 32), κλίνω (съ ī), лесб. κλίννω, «сгибаю, наклоняю» (ср. лат. clīno, дринд. глаг. корень çri «прислоняю»), ὀτρύνω съ ū «побуждаю» и т. п.

Группа li̯ дала λλ, ср. ἄλλος съ лат. alius, ἀγγέλλω изъ *angeli̯ō.

Если между гласной и слѣдующимъ i было s, то оно исчезло, при чемъ получились дифтонги, напр., αι изъ asi̯, а ii̯ давало ī; ср. τελείομαι (ср. τέλος), гдѣ основа изъ *telesi̯o-, εἶην opt. къ εσ—изъ *esi̯ēm, κονίω «покрываю пылью» съ ī изъ *konisi̯ō, ср. κόνις «пыль».

Индоевропейскія k и g разныхъ видовъ непридыхательныя и придыхательныя съ послѣдующимъ i дали въ общегреческую эпоху, послѣ перехода звонкихъ придыхательныхъ въ глухія, долгія фрикативныя, давшія въ аттическомъ, беотійскомъ, на Евбеѣ и на Критѣ ττ (на Критѣ и θθ), иначе σσ. Ср. ὄσσε дв. ч. «оба глаза», ср. стсл. **око**, лат. oculus и греч. ὄπωπα, гдѣ π изъ q; πράττω, іон. πρήσσω, ср. πρᾶξις, πρᾶγμα, ἐλάττων при ἐλαχύς (ср. дринд. laghú-ṣ и т. д.); πέσσω, πέττω «варю», ср. стсл. **пекѫ**.

Группы ti̯ и thi̯ (послѣднее частью изъ dhi̯) дали въ результатѣ аттич. σ, іон. σσ, σ, лесб. σσ, беот. ττ (въ общегреческомъ яз., вѣроятно, уже было ts); ср. гом. τόσσος, τόσος, атт. τόσος изъ *toti̯os, гом. μέσσος, μέσος,

---

щеніемъ положенія въ началѣ рѣчи, гдѣ будто бы не развивалось i̯; Ф. Ѳ. Фортунатовъ думаетъ о придыханіи, полученномъ въ этихъ случаяхъ изъ индоевроп. праязыка и впослѣдствіи частью исчезнувшемъ, ср. р. э-тотъ и т. д., общесл. союзъ **ѧ**, который ср. съ лат. hoc, дринд. мѣстоим. основой a—съ утратой придыханія.

атт. μέσος; ср. дринд. mádhya-s. Послѣ согласной уже въ общегреч. яз. получилось s, ср. πάνσα, откуда дальше πᾶσα изъ *panti̯a. То же получилось и въ началѣ слова, ср. σέβομαι «почитаю» (дринд. глагольный корень tyaj «покидать, оставлять въ покоѣ»).

Группы gi̯ съ g различнаго качества и di̯ обратились въ греческомъ яз. въ ζ, бывшее zd въ іонич., аттич., лесб., ѳессал., сѣверозападныхъ діалектахъ, откуда со временемъ z; въ беотійскомъ, лаконскомъ и нѣк. друг. діалектахъ получалось отсюда δδ, въ началѣ слова δ. Ср. ἅζομαι и ἅγιος (дринд. глаг. корень yaj); πεζός изъ *pedi̯os; -άζω, -ίζω въ окончаніи глаголовъ съ основами на γ и δ, напр., ἁρπάζω «граблю» (ἁρπαγή), μιγάζω «смѣшиваю» (ср. μίγνυμι, ср. лат. misceō, слав. **мѣшати**), Ζεύς, беот. лак. Δεύς изъ di̯ēus.

Въ латинскомъ языкѣ послѣ согласной i̯ сохранилось какъ i̯ только тамъ, гдѣ исчезла предшествующая согласная, иначе же оно перешло въ i слоговое; ср. Jovis, гдѣ J изъ di̯; pējor, т.-е. pejjor, изъ pedi̯- и т. д., ср. pessimus, нарѣчіе pessum собственно «на землю», «дотла, совершенно», ср. дринд. глаг. корень pad «падать»; medius, ср. дринд. mádhya-s, греч. μέσσος, μέσος.

Въ общеславянскомъ яз. старое i̯ послѣ согласныхъ въ результатѣ исчезло (за исключеніемъ положенія послѣ губной въ діалектахъ не въ первомъ слогѣ слова), измѣнивъ предшествующую согласную. Изъ kj, gj, chj (i̯, вѣроятно, перешло сперва въ j) получились č, ž, š, ср. стсл. **плачѫ, стража, доуша**. Изъ sj и zj получились š и ž, ср. стсл. **пишѫ, вѧжѫ**. Изъ rj, lj, nj получились мягкія r, l, n, ср. стсл. **орѭ, колѭ, мьнѭ**. Губныя + j не въ первомъ слогѣ дала губную (полумягкую) + l мягкое, діалектически губную + j, частью одну мягкую губную; въ первомъ слогѣ слова всюду получилось l мягкое послѣ губной; ср. стсл. **плюѭ**, гдѣ pl изъ pj (отношеніе лат. spuō, греч. πτύω не вполнѣ ясно); стсл. **люблѭ**, р. люблю, но польск. lubię; стсл. **ꙁемлꙗ, ꙁемьꙗ** (Савв. кн.), р. земля, п. ziemia. Группы tj, dj еще въ общеслав. яз. измѣнились извѣстнымъ образомъ, откуда дальше въ южныхъ, западныхъ и восточныхъ славянскихъ яз. различные результаты: стсл. **шт** и **жд**, р. ч и ж, польскія c и dz и т. д., ср. стсл. **хоштѫ**, р. хочу, п. chcę (съ утратою **ъ** изъ *α*), **виждѫ**, р. вижу, п. widzę. Группы skj и stj дали въ результатѣ стсл. **шт**, р. щ, а группы zgj и zdj стсл. **жд**, р. жж (орѳограф. зж). Ср. **иштѫ**— ищу, **льштѫ**—льщу, р. мозжу при мозгъ, стсл. **дъждь**, р. дождь (орѳографич.), р. пригвозжу при пригвоздить и т. п. Въ группахъ «t,d + r мягкое t и d въ стсл. яз. являются въ видѣ **шт, жд**, ср. **съмоштрѭ, оумѫждрѭ**, но есть примѣры и сохраненія t и d. Аналогичное явленіе мы находимъ и въ группахъ s, z + l и n мягкія, ср. **мышлѭ, блажнѭ**.

23. Исторія индоевропейскаго u̯.

Что касается индоевропейскаго v, отличнаго отъ u̯, то, повидимому, нѣтъ никакихъ указаній въ отдѣльныхъ языкахъ, которыя давали бы право опредѣлять въ извѣстныхъ случаяхъ этотъ звукъ для эпохи распаденія индоевропейскаго праязыка.

Индоевр. u̯ передъ гласною въ дринд. яз. является въ видѣ u̯, которое рано перешло въ v.

Въ греческомъ яз. u̯ передъ начальною гласною и согласною и между гласными въ аттическомъ и іоническомъ діалектахъ рано исчезло, дольше всего сохранилось u̯ въ діалектѣ Памфиліи, гдѣ оно существовало еще въ 2 в. до Р. Х. Вообще u̯ исчезло внутри словъ между гласными раньше, чѣмъ въ началѣ словъ, да и здѣсь оно исчезало постепенно, ср. въ языкѣ Гомера отсутствіе слѣдовъ u̯, которые возстанавливаются по указаніямъ метра, вообще передъ o, ω, ου (но ϝόφ, напр., по аналогіи ϝέπος).

Въ группахъ nu̯, ru̯, lu̯ неслоговое u̯ сохранялось въ нѣкоторыхъ говорахъ еще въ историческое время; ср. атт. κόρη (ρ здѣсь не обратило η въ ᾱ потому, что въ эпоху даннаго явленія сохранялось, очевидно, ϝ); въ лесбійскомъ нарѣчіи указанныя группы утратили ϝ въ языкѣ поэтовъ и древнихъ надписей, въ позднѣйшихъ надписяхъ и у грамматиковъ находимъ здѣсь двойныя согласныя; можетъ быть, это «hyperlesbismus» по аналогіи случаевъ κτέννω въ ихъ отношеніи, напр., къ κτείνω аттическаго нарѣчія. Въ аттическомъ нарѣчіи здѣсь ϝ исчезло, а въ іоническомъ нарѣчіи получилось протяженіе предшествующей краткой гласной: ср. ξένος, іон. ξεῖνος; гомер. γούνατα и т. д. Группа tu̯ въ началѣ словъ дала σ, внутри словъ атт. беот. ττ, въ другихъ діалектахъ σσ: σάκος «щитъ», дринд. основа tvac «кожа»; атт. τέτταρες, дринд. catváras. Гр. σέλας «блескъ» (ср. нѣм. schwelen «тлѣть»), σιγάω (ср. нѣм. schweigen) при ἐκυρός (дринд. çváçura-s) объясняютъ, принимая въ 1-мъ случаѣ старую группу sv, во 2-мъ случаѣ группа su̯; однако, неясно, почему ἐλάνη «факелъ» имѣетъ не σ, какъ родственное σέλας; можетъ быть, мы имѣемъ дѣло не съ старымъ различіемъ между греческими v и u̯, а съ новымъ, спеціально греческимъ, явленіемъ. Изъ dhu̯ получилось одно θ: ὀρθός, ср. дринд. ūrdhvá-s «прямой». Послѣ p, bh, ĝh, q и g въ греч. яз. u̯ исчезло, ср. νήπιο-ς «несовершеннолѣтній, неразумный», νη-πύ-τιος; ὑπερφίαλος «надменный», ср. лат. super-bia, гдѣ bia- изъ *fu̯iā; θήρ, ср. стсл. **звѣрь**; καπνός «дымъ», ср. лат. vapor; ἑκατόμ-βη, гдѣ βη изъ *gu̯-ā, ср. βοῦς. Изъ группы ku̯ мы находимъ ππ, въ началѣ слова π, ср. гр. ἵππος, дринд. áçva-s и т. д.; πᾶμα «владѣніе», ср. κῦρος, гдѣ было kū̆, ср. дринд. çvā-tra-s «сильный».

Въ латинскомъ яз. u̯ передъ гласной въ началѣ словъ является въ видѣ u̯, которое мы пишемъ и произносимъ, какъ v, въ которое u̯ обратилось лишь во 2—3 вв. по Р. Х. Между одинаковыми гласными u̯ фонетически исчезло (lātrīna изъ и при lavātrīna), также передъ o (и u изъ o)—seorsum «отдѣльно» изъ *sevorsum; bovm изъ bovum (bovom)—впослѣдствіи вновь явилось bovum подъ вліяніемъ bovis и т. п.). Группы oue, oui, aui, если e, i не стояли въ концѣ слова, дали одно ō, ср. nōnus изъ *nouenos, mōtus изъ *moui̯tos, lōtus изъ *lauetos и т. п. Послѣ согласныхъ сохранялось частью u̯, частью оно исчезло (ср. ferus, стсл. **звѣрь**; индоевр. bhu̯, слабый звуковой видъ корня bheu̯, мы находимъ въ amā-bam, amā-bō, fīō; ср. далѣе equos и дринд. áçva-s), а группа du̯ въ началѣ слова перешла въ b (въ древней латыни du̯, dvonos = bonos), а внутри слова въ одно d*)

*) Случаи, гдѣ является d вм. b въ началѣ слова м. б. нефонетическаго происхожденія, ср. diennium = biennium подъ вліяніемъ duo и т. п.

(лат. bis, дринд. dviṣ, греч. δίς, но suāvis изъ *sṷādṷis, ср. дринд. svādú-ṣ, гр. ἡδύς). Сочетаніе «k лабіал.+ṷ» въ началѣ словъ дало одно ṷ: ср. vapor и греч. καπνός. Сочетанія ṷr и ṷl въ началѣ слова утратили ṷ, ср. rādix, и гр. ῥίζα «корень», лесб. βρίζα, гдѣ β=ϝ; lāna и русск. волна «шерсть» изъ вълна.

Въ общеславянскомъ яз. старое ṷ передъ гласной обратилось въ v, откуда стсл. **в**.

Примѣры: дринд. váhati «везетъ», лат. vehit, стсл. **вєзєть**, греч. ὄχος изъ ϝόχος. Дринд. svásā—сестра, лат. soror (изъ *sṷesōr), стсл. **сестра** съ утратой ṷ или v еще въ славянобалтійскомъ яз. и съ t, развившимся въ общеслав. яз. между t и r.

Группа bṷ дало одно b, ср. стсл. **облѣкж**, **облако** и **влѣкж**.

Передъ начальнымъ r и l, повидимому еще въ балтійскослав. яз. отпало ṷ, ср. стсл. **рана**, дринд. vraná-s «рана», лат. volnus; р. лѣска, ср. дринд. vlēṣka-s «петля».

Отъ стараго ṷ надо отличать новое ṷ, развившееся въ общеслав. яз. передъ u, ū, откуда y, ср. стр. 29; передъ o и ǫ такое u было діалектическимъ, ср. стсл. **жхати** и польск. wąchać, стсл. **конѧ** отъ того же корня съ **он**, сохранившимся передъ гласной.

Изъ исторіи сравнительной фонетики.

Для индоевропейскаго праязыка въ эпоху его распаденія Шлейхеръ принималъ слѣдующія гласныя: a, i, u; aa, стянувшееся въ ā, a + i, давшее ai, и a + u, давшее au, какъ первое поднятіе, и aā, давшее ā, aai, давшее āi, и aau, давшее āu, какъ второе поднятіе, ср. стр. 79. Что касается a, то еще Гриммъ утверждалъ, что въ индоевроп. праязыкѣ не было гласныхъ e и o, такъ какъ 1) ихъ не знаетъ древнеиндійскій языкъ, и 2) не всѣ европейскіе языки согласны между собою въ этомъ отношеніи: готскій языкъ въ соотвѣтствіи съ e другихъ языковъ представляетъ вообще i; литовскій языкъ не имѣетъ o краткаго; по аналогіи съ этимъ, а частью и по другимъ основаніямъ заключали, что въ праязыкѣ не существовало ē и ō. Бопиъ, державшійся въ началѣ, какъ мы можемъ судить по нѣкоторымъ мѣстамъ его сочиненій и писемъ, другого мнѣнія, примкнулъ впослѣдствіи къ этому ученію Гримма. Что касается теоріи поднятій, то она заимствована у индійскихъ грамматиковъ, которые, надо сказать, были послѣдовательнѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ европейскіе ученые, а именно Шлейхеръ принялъ ученіе Бопиа о томъ, что древнеиндійское r̥ въ чередованіи его съ ar (напр., въ основѣ pitar- со значеніемъ «отецъ» при pitr̥-) надо понимать какъ ослабленіе слога ar, между тѣмъ какъ, объясняя ai изъ a + i, надо объяснять, очевидно, и ar изъ a + r, т.-е. считать ar первымъ поднятіемъ, а нормальной ступенью r̥. Основная гласная a подвергается, по Шлейхеру, въ отдѣльныхъ языкахъ 1) полному исчезновенію; 2) ослабленію въ i и u; 3) измѣненію въ e и o, причемъ исчезновеніе и ослабленіе ставятся въ зависимость, между прочимъ, отъ ударенія безъ дальнѣйшихъ, впрочемъ, поясненій, а измѣненіе его въ e и o Шлейхеръ лишь отчасти пытается объяснить вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ, и это явленіе остается въ концѣ-концовъ необъясненнымъ. Съ этого послѣдняго пункта и началась критика всей системы, приведшая, какъ мы увидимъ, не только къ фактическимъ, но и цѣннымъ методологическимъ пріобрѣтеніямъ.

Въ 1874 г. Курціусъ указалъ на то, что измѣненіе a въ e повторяется въ европейскихъ языкахъ нашей семьи, за исключеніемъ лишь готскаго языка, съ значительною правильностью въ извѣстныхъ грамматическихъ категоріяхъ, напр., въ основѣ настоящаго времени глаголовъ класса греч. φέρω, ср. лат. ferō, стсл. **беръ**, кельтск. berim, и что это обстоятельство исключаетъ возможность случайнаго совпаденія языковъ въ этомъ

отношеніи, какъ это допускалъ Шлейхеръ. Курціусъ дѣлаетъ отсюда выводъ, что измѣненіе a въ e произошло не въ каждомъ языкѣ отдѣльно, а въ эпоху ихъ совмѣстной жизни, причемъ, въ виду индоиранскаго a, являющагося въ соотвѣтствіи съ европ. e (древнеинд. bhárāmi), останавливается на мысли о совмѣстной жизни европейскихъ народовъ индоевропейскаго племени уже по отдѣленіи отъ азіатскихъ сородичей, т.-е. на признаніи европейскаго праязыка, тѣмъ болѣе, что нѣсколько ранѣе къ такому же выводу пришелъ Лоттнеръ, ссылавшійся, между прочимъ, на европейское l, между тѣмъ какъ для индоиранскаго и индоевропейскаго праязыка въ то время принимали лишь одно r. Гласная i, являющаяся въ готскомъ языкѣ въ соотвѣтствіи съ гласной e другихъ европейскихъ языковъ нашей семьи (ср. готское ist, лат. est, греч. ἐστί, стсл. **ѥсть**), является, слѣдовательно, не ослабленіемъ непосредственно исконнаго a, а европ. e, которое по Курціусу и сохранилось въ готскомъ языкѣ при положеніи передъ r и h, ср. готское bairа (написаніе ai обозначаетъ краткое открытое e) съ греч. φέρω.

Дальше Курціуса пошелъ Амелунгъ (статьи его появлялись въ 1871, 1874 и 1875 гг.), который утверждалъ, что европ. e получилось изъ индоевропейскаго a, а европ. o и a, какъ видоизмѣненіе этого послѣдняго, изъ индоевроп. ā, въ древнеинд. же языкѣ изъ индоевроп. a получилось a, изъ индоевроп. ā—a и ā. Къ этому выводу привело его наблюденіе надъ чередованіемъ гласныхъ въ глаголѣ, а именно онъ указалъ на то, что греч. δέδορκε соотвѣтствуетъ древнеинд. dadárça, а греч. γέγονε—древнеинд. jajána, а такъ какъ немыслимо, какъ это допускалъ Шлейхеръ, чтобы въ одной и той же грамматической категоріи являлась то основная гласная, то 1-е поднятіе -ā, слѣдовательно, первое поднятіе въ древнеинд. яз. является въ видѣ a и ā. На подробностяхъ теоріи Амелунга я не останавливаюсь въ виду того, что на нее обратили вниманіе уже послѣ появленія статей Бругмана, который не зналъ его выводовъ. Итакъ, мы видимъ, что Амелунгъ первый сдѣлалъ попытку возвести европ. e и o (a) къ двумъ различнымъ звукамъ индоевроп. праязыка; противъ «расщепленія» одного звука праязыка въ дальнѣйшей жизни каждаго отдѣльнаго его потомка на нѣсколько звуковъ, не оправдываемаго никакими видимыми условіями, онъ возсталъ рѣшительно въ теоріи, хотя на практикѣ самъ отступалъ отъ этого требованія (ср. европ. o и a, какъ его видоизмѣненіе).

Въ 1876 году появились статьи Бругмана, которыми онъ такъ блестяще началъ свою ученую дѣятельность. Онъ указалъ на то, что европ. o соотвѣтствуетъ въ древнеинд. языкѣ передъ одной согласной не въ концѣ слова ā, а передъ двумя a, ср. приведенныя dadárça и jajána. Впослѣдствіи Бругманъ опредѣлилъ точнѣе, что въ древнеинд. языкѣ ā соотвѣтствуетъ при указанномъ положеніи только такому европейскому o, которое является въ чередованіи съ e. Изъ указаннаго правила видно, что мы находимъ и въ древнеинд. языкѣ извѣстное соотвѣтствіе различію между европ. e и европ. o, а именно европ. e соотвѣтствуетъ древнеинд. a, а европ. o при извѣстномъ условіи—ā; отсюда неизбѣженъ выводъ: индоевроп. праязыкъ имѣлъ не одно a, а два звука, которымъ Бругманъ даетъ

условныя обозначенія a_1 и a_2. Къ этимъ звукамъ a онъ присоединяетъ еще одно a, которое извлекаетъ изъ слѣдующихъ соотвѣтствій: древнеинд. ájāmi, греч. ἄγω, лат. agō; дринд. pitá, греч. πατήρ, лат. pater. Впослѣдствіи было доказано, что то греч. и лат. a, которому соотвѣтствуетъ въ древнеинд. языкѣ не a, а i, восходитъ къ особому звуку индоевроп. праязыка (неопредѣленной гласной), отличавшемуся отъ того звука, къ которому восходитъ древнеинд. a, являющееся въ соотвѣтствіи съ европ a.

Другіе лингвисты—Johannes Schmidt и Collitz, не принявшіе правила Бругмана о появленіи при извѣстномъ условіи въ индоиранскихъ языкахъ ā изъ индоевр. a_2, съ своей стороны указали на то, что древнеинд. c и j являются, какъ смягченіе k и g, фонетически лишь передъ такимъ a, которому въ европейскихъ языкахъ соотвѣтствуетъ e; ср. древнеинд. catváras съ слав. четыре, литовск. keturì, греч. τέτταρες, гдѣ первое τ изъ k; инд. основу janas съ греч. γένος; съ другой стороны, древнеинд. мѣстоименную основу ka- ср. съ старослав. мѣст. основой **ко-**, лат. quo-; древнеинд. yugá-m съ греч. ζυγόν, лат. jugum. Итакъ, и тѣ лингвисты, которые не приняли правила Бругмана, давая тѣмъ фактамъ, какіе объясняются этимъ путемъ, другія, маловѣроятныя, объясненія, съ другой стороны, пришли къ тому же, къ чему пришелъ Бругманъ: европ. e и o восходятъ къ двумъ различнымъ звукамъ праязыка, которые различаются извѣстнымъ образомъ и въ индоиранскихъ языкахъ. Далѣе послѣдовалъ цѣлый рядъ блестящихъ открытій относительно звукового состава индоевроп. праязыка, и лингвисты окончательно покончили съ теоріей «расщепленія», наоборотъ, во многихъ случаяхъ было доказано совпаденіе нѣсколькихъ звуковъ праязыка въ одномъ звукѣ его потомка; напр., въ герм. a, слав. o совпали два звука праязыка, различающіеся въ другихъ европ. языкахъ нашей семьи, а именно o и a. На исторіи всѣхъ этихъ открытій я здѣсь не могу останавливаться, такъ какъ для меня важно слѣдить не столько за фактическими, сколько за методологическими пріобрѣтеніями въ области нашей науки, которыя явились результатомъ критики ученія Шлейхера, но прежде чѣмъ говорить о нихъ, я долженъ вкратцѣ разсказать судьбу другой части ученія Шлейхера о вокализмѣ индоевропейск. языка, именно судьбу его теоріи поднятій.

Шлейхеръ, слѣдуя Гримму и индійскимъ грамматикамъ, понималъ чередованіе (въ различныхъ образованіяхъ отъ одного и того же корня) гласныхъ a, ā, гласной i съ дифтонгами ai, āi и гласной u съ дифтонгами au и āu слѣдующимъ образомъ: для различенія словъ, образованныхъ отъ одного и того корня, для выраженія различныхъ грамматическихъ отношеній къ основнымъ гласнымъ въ корнѣ a, i, u присоединяется еще a—первое поднятіе, а къ образовавшимся такимъ образомъ ā, ai, au еще a—второе поднятіе. Съ другой стороны, Боппъ объяснялъ различіе въ звуковомъ видѣ корня (напр. древнеинд. émi = εἶμι при imás—1-ое л. мн. ч.) различною тяжестью окончанія; такого рода объясненіе, очевидно, неудовлетворительно, такъ какъ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для различенія звуковъ и слоговъ по тяжести. Еще въ 1841 г. Holtzmann высказалъ вѣрную мысль, что чередованіе въ звуковомъ видѣ корня находится въ зависимости отъ положенія ударенія, ср. древнеинд. émi при imás.

Первый, кто провелъ этотъ взглядъ съ извѣстною послѣдовательностью, былъ Бенфей; съ одной стороны, онъ привелъ ослабленіе и полное исчезновеніе исконной гласной *a* въ зависимость отъ ея положенія въ слогѣ безъ ударенія при положеніи передъ слогомъ съ удареніемъ: ср. греч. πατρός при πατέρα; съ другой стороны, онъ объяснялъ чередованіе гласныхъ i и u съ дифтонгами слѣдующимъ образомъ: гласныя i и u, попадая подъ удареніе, получаютъ передъ собою a, такъ какъ оно одно можетъ имѣть на себѣ удареніе, гласная же a остается въ аналогичномъ положеніи безъ измѣненія. Шереръ, авторъ извѣстной книги Zur Geschichte der deutschen Sprache, вышедшей въ 1868 г., вывелъ изъ наблюденій надъ возникновеніемъ нововерхненѣмецкихъ дифтонговъ изъ средневерхненѣмецкихъ долгихъ гласныхъ (ср. средневерхненѣмецкое hūs, нововерхненѣмецкое haus) то заключеніе, что и дифтонги индоевроп. праязыка получились не непосредственно изъ гласныхъ i и u путемъ присоединенія гласной a, какъ думалъ Бенфей, а изъ i и u долгихъ при положеніи подъ удареніемъ; гласная a при наличности условій, вызывающихъ появленіе ai и au, протягивается. Итакъ, слѣдовательно, въ той индоевроп. основѣ въ различныхъ ея видахъ, которая является въ греческой основѣ со значеніемъ «отецъ», неслабымъ, нормальнымъ видомъ будетъ тотъ, который заключалъ въ словообразовательномъ суффиксѣ краткую гласную, изъ которой получилось греч. ε (греч. πατέρ-), слабымъ видомъ будетъ тотъ, который является въ греч. πατρ-, и сильнымъ видомъ тотъ, который заключалъ въ словообразовательномъ суффиксѣ долгую гласную (греч. πατήρ). Принципъ, выставленный Holtzmann'омъ и послѣдовательно проведенный Бенфеемъ и Шереромъ только тогда могъ восторжествовать надъ старой динамической теоріей, когда стало несомнѣннымъ, что чередованіе въ положеніи ударенія въ связи съ чередованіемъ звуковыхъ видовъ самихъ основъ, наблюдаемое въ древнеинд. языкѣ и сохранившееся въ остаткахъ въ греческомъ языкѣ, существовало и въ индоевропейскомъ праязыкѣ, а это стало доказаннымъ фактомъ лишь послѣ блестящаго открытія Вернера, который въ 1876 году указалъ на зависимость нѣмецкаго передвиженія согласныхъ, открытаго Гриммомъ, въ извѣстной его части, представлявшейся до тѣхъ поръ непонятнымъ исключеніемъ, отъ положенія существовавшаго нѣкогда въ нѣмецкомъ языкѣ свободнаго ударенія, при чемъ оказалось, что мѣсто его совпадаетъ въ общемъ съ мѣстомъ ударенія въ ведійскомъ нарѣчіи древнеинд. языка. Въ настоящее время соотношеніе по происхожденію i и u и дифтонговъ на i̯ и u̯ въ индоевроп. праязыкѣ понимаютъ уже не такъ, какъ его понималъ Шереръ; мы видѣли, что i и u получились вслѣдствіе сокращенія дифтонговъ, хотя подробности этого процесса понимаются учеными различно (ср. стр. 29 слѣд.).

За дальнѣйшимъ развитіемъ вопроса о чередованіи въ индоевроп. языкѣ сильнаго и слабаго вида корня, а также различныхъ по качеству гласныхъ (напр., съ чередованіемъ гласныхъ e и o, полученнымъ изъ индоевроп. праязыка, въ русск. «несу» — «носъ» [во 2-ой части сложныхъ словъ], ср. такое же чередованіе въ греч. языкѣ въ φέρω—φόρος) я слѣдить не буду и лишь замѣчу, что и до сихъ поръ въ этой области, какъ мы уже видѣли, много неяснаго, несмотря на цѣлый рядъ работъ современныхъ лингвистовъ по этимъ вопросамъ, ср. отдѣлъ 12.

Изъ открытій въ области исторіи согласныхъ я остановлюсь только на вопросѣ объ индоевроп. k и g. Шлейхеръ принималъ для индоевроп. праязыка только одинъ рядъ задненебныхъ k, g и gh (глухихъ придыхательныхъ въ то время вообще не принимали для праязыка), при чемъ оставалось непонятнымъ, почему въ цѣломъ рядѣ случаевъ языки, какъ мы теперь говоримъ, восточной группы (группы satəm, см. стр. 52) представляютъ согласно фрикативныя небнозубного класса тамъ, гдѣ другіе языки, языки западной группы (группы centom), представляютъ k, g, gh или ихъ дальнѣйшія измѣненія. Боппъ въ измѣненіи k въ звуки s и š въ индоиранскихъ и славянобалтійскихъ языкахъ видѣлъ указаніе на ближайшее родство этихъ группъ, но Шлейхеръ не придавалъ этому признаку значенія, такъ какъ въ области звука g древнеиндійскій яз. не раздѣляетъ этой особенности (теперь мы знаемъ, что въ древнеинд. j совпали ĝ и g задненебное передъ мягкими гласными). Итальянскому лингвисту Асколи принадлежитъ заслуга открытія въ 1870 г., что въ древнеинд. j надо различать по происхожденію два звука, при чемъ это различіе параллельно съ различіемъ въ области глухой k двухъ звуковъ въ древнеинд. яз. ç и c. Доказалъ онъ это положеніе (а также и то, что въ древнеинд. h совпали два звука) указаніемъ на языкъ Авесты, гдѣ одному j соотвѣтствуетъ z (сравн. ç—ав. s), а другому j—звуки j, ž (сравн. c—ав. c). Съ другой стороны, онъ обратилъ вниманіе на губные звуки, которые являются въ соотвѣтствіи съ древнеинд. c, j, h въ языкахъ той группы, которая теперь называется терминомъ «группа centom». Отсюда онъ заключилъ о томъ, что въ праязыкѣ было три ряда звуковъ k, g, gh, которые онъ, впрочемъ, опредѣлялъ не вполнѣ такъ, какъ это мы дѣлаемъ теперь, именно онъ думалъ, что звуки k, g, gh оставались въ праязыкѣ или таковыми, откуда и отдѣльные языки получили тѣ же въ общемъ звуки, или подверглись палатализаціи (индоиранскія и славянобалтійскія фрикативныя), или, наконецъ, получали измѣненіе, которое не поддается точному опредѣленію (индоиранскія c, j, губныя греч. (здѣсь частью и зубныя), латинскаго, германскихъ и кельтскихъ языковъ). Такъ какъ и въ первомъ ряду встрѣчаются въ древнеинд. c, j, h, то Асколи считалъ ихъ здѣсь позднѣйшимъ видоизмѣненіемъ k, g, gh подъ вліяніемъ неизвѣстныхъ причинъ. Дальнѣйшіе успѣхи въ дѣлѣ изслѣдованія судьбы звуковъ k, g, gh связаны съ именами Фикка, Шмидта, Коллица. Особенно важное значеніе имѣло открытіе, что древнеинд. c и параллельные ему j и h представители не двухъ различныхъ эпохъ, а получились вслѣдствіе смягченія передъ мягкими гласными (см. стр. 79). Примѣры, поясняющіе все вышесказанное, см. въ отдѣлѣ, посвященномъ исторіи звуковъ k и g непридыхательныхъ и придыхательныхъ.

Исторіи сравнительной фонетики со временъ Шлейхера посвящена книга Бехтеля (F. Bechtel, Die Hauptprobleme der indogermanischen Lautlehre seit Schleicher, 1892), гдѣ, впрочемъ, историческія справки частью соединены съ самостоятельными разысканіями автора.

Важнѣйшія пособія.

Лучшій очеркъ сравнительноисторической грамматики индоевропейскихъ языковъ, соотвѣтствующій современному уровню знанія, принадлежитъ Бругману и Дельбрюку и вышелъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ: „Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen". 1-й томъ въ первомъ изданіи вышелъ въ свѣтъ въ 1886 году, а во второмъ, переработанномъ изданіи—въ 1897 году. Этотъ томъ заключаетъ фонетику, т.-е. исторію звуковъ индоевропейскихъ языковъ, а второй томъ, выходившій съ 1888 по 1892 годъ, содержитъ исторію словообразовательныхъ формъ индоевропейскихъ языковъ и исторію формъ склоненія и спряженія въ этихъ языкахъ, т.-е. то, что мы называемъ морфологіей. Первая половина 2-го тома вышла въ новомъ изданіи въ 1906 г., I-й выпускъ 2-й половины въ 1909 году, II-й вып.—въ 1911 г. Эти два тома принадлежатъ Бругману. 3-й, 4-й и 5-й томы, написанные Дельбрюкомъ, содержатъ сравнительный синтаксисъ индоевропейскихъ языковъ. Они были изданы въ 1893, 1897 и 1900 годахъ. Въ новомъ (второмъ) изданіи, вслѣдствіе измѣненія плана, ученіе о значеніи формъ отдѣльныхъ словъ включено въ соотвѣтственные отдѣлы морфологіи.

На основаніи этого большого труда Бругманъ предпринялъ болѣе краткое изданіе сравнительной грамматики для начинающихъ. Первая часть этого изданія подъ заглавіемъ: „Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen" вышла въ 1902 году и содержитъ въ себѣ общее введеніе и фонетику; вторая часть (морфологія) появилась въ 1903 году, третья—въ 1904 г. (синтаксисъ).

Въ 1903 году вышло пособіе для общаго ознакомленія съ задачами, методами и важнѣйшими результатами сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ на французскомъ языкѣ: A. Meillet, Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes, 2-ое изданіе 1907 г.; нѣмецкій переводъ вышелъ въ 1909 г. „Einführung in die vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen von A. Meillet". Русскій переводъ, сдѣланный проф. Д. Кудрявскимъ, вышелъ въ 1911 г. (А. Мейэ, Введеніе въ сравнительную грамматику индоевропейскихъ языковъ. Юрьевъ, 1911 г.). Въ этой книгѣ полезны, напр., очеркъ исторіи сравнительнаго языковѣдѣнія, а также глава, посвященная лексическимъ вопросамъ. Вообще же слѣдуетъ начинающему обратиться къ указанному сочиненію Бругмана и большому труду Бругмана и Дельбрюка за дополненіями и разъясненіями, такъ какъ книга Meillet отличается слишкомъ большою краткостью въ изложеніи фонетики и субъективнымъ характеромъ какъ разъ по очень важнымъ принципіальнымъ вопросамъ, касающимся самого индоевропейскаго праязыка.

Очень конспективный, частью и не вполнѣ удачный, очеркъ общихъ явленій въ жизни языка и наиболѣе существенныхъ выводовъ сравнительноисторическаго изученія индоевропейскихъ языковъ составилъ на нѣмецкомъ языкѣ Мерингеръ подъ заглавіемъ: Indogermanische Sprachwissenschaft, 2-e Aufl. 1889, Sammlung Göschen, № 59.

Лучшій сравнительный (этимологическій) словарь индоевропейскихъ языковъ принадлежитъ Фику (Fick, Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen). Третье изданіе этой книги уже устарѣло, а четвертое пока не доведено до конца (1-я часть вышла въ 1891 г., 2-я въ 1894 г., 3-я въ 1909 г.).

Лингвистическія сочиненія, посвященныя отдѣльнымъ языкамъ.

1) По древнеиндійскому языку: Учебникъ санскритской грамматики съ разъясненіями историческаго характера, съ краткой хрестоматіей и словаремъ, составленъ Тумбомъ (Thumb, Handbuch des Sanskrit, I—II Teil, 1905). Историческая грамматика древнеиндійскаго языка начата Вакернагелемъ (J. Wackernagel, Altindische Grammatik. I. Lautlehre, 1896, II. Nominalcomposition, 1905). Краткій этимологическій словарь: Uhlenbeck, Kurzgefasstes etymol. Wörterbuch der altind. Spr., Amsterdam, 1898—1899. Лучшей описательной грамматикой является грамматика Уитнея на англійскомъ языкѣ, переведенная и на нѣмецкій языкъ (Whitney, Indische Grammatik, съ двумя приложеніями: 1) Holtzmann, Grammatisches aus dem Mahābhārata, 1884; 2) Whitney, Die Wurzeln, Verbalformen und primären Stämme der Sanskritsprache; очень цѣнно; 1885). Наиболѣе полный словарь: Sanskrit-Wörterbuch von Böthlingk und Roth, 7 Bände, St. Petersburg, 1852—1875. Сокращеніе этого словаря съ цѣнными дополненіями: Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung von Böthlingk, 1879—1889. Удобенъ для начинающаго словарь Capeller'a (Sanskrit-Wörterbuch, 1887). Пособіемъ къ начальному ознакомленію съ санскритомъ на русскомъ языкѣ является „Руководство къ изученію санскрита“ Миллера и Кнауэра, Спб., 1891 г.; 2-е изданіе этой книги вышло въ 1908 г. въ обновленномъ видѣ подъ заглавіемъ „Учебникъ санскритскаго языка“, составилъ Ѳ. И. Кнауэръ.

2) По греческому языку лучшія историческія грамматики: G. Meyer, Griechische Grammatik, 3-te Aufl., Leipzig, 1899. K. Brugmann: Griechische Grammatik, 3-te Aufl., München, 1900 (въ составѣ 2-го тома извѣстнаго изданія „Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft“, herausg. von Dr. Iwan v. Müller). Хорошій общій обзоръ древнегреческихъ діалектовъ и ихъ исторіи даетъ A. Thumb. Handbuch der griechischen Dialekte, 1909.

Въ изученіе языка Н. З. вводитъ J. H. Moulton, Einleitung in die Sprache des Neuen Testaments, 1911.

Вопросу о происхожденіи κοινή посвящена книга Тумба (A. Thumb, Die Griechische Sprache im Zeitalter der Hellenismus, Strassburg, 1901).

Хорошаго этимологическаго словаря греческаго языка пока нѣтъ, такъ какъ словарь Prellwitz'a (Etymologisches Wörterbuch der griech. Sprache) плохъ и во 2-мъ изданіи 1905 г. Этимологическаго словаря Boisacq'a (Dictionnaire étymologique de la langue grecque) вышло пока 7 выпусковъ (начало λ).

3) По латинскому языку лучшія историческія грамматики: F. Sommer, Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre, Heidelberg, 1902; F. Stolz und Schmalz, Lateinische Grammatik, 4-te Aufl., München, 1910 (въ составѣ 2-го тома Handbuch Мюллера); Lindsay, Die lateinische Sprache, Leipzig, 1897 (переводъ съ англійскаго); Historische Grammatik der lateinischen Sprache, I. Band, Lautlehre und Stammbildungslehre von Stolz, 1894—1895; второго тома пока нѣтъ, а 3-го тома (синтаксисъ) вышла 1-я половина въ 1903 г. Этимологическій словарь: Walde, Etymolog. Wörterbuch der lat. Sprache, 2-te Auflage, 1910.

4) По старославянскому языку лучшее пособіе: A. Leskien, Handbuch der altbulgarischen Sprache, 5-te Aufl., 1911; его же, Grammatik der altbulgarischen Sprache, 1909, вводящее въ изученіе сравнительной грамматики славянскихъ языковъ; 2-е изданіе Handbuch переведено въ 1890 г. на русскій языкъ А. А. Шахматовымъ и В. Н. Щепкинымъ съ важными дополненіями по языку Остромирова Евангелія. Полезное пособіе, знакомящее и съ важнѣйшими вопросами сравнительной грамматики славянскихъ языковъ, составилъ проф. С. М. Кульбакинъ, „Древне-церковно-славянскій языкъ“ (I вып.—фонетика, II вып.—морфологія, III вып.—хрестоматія, Харьковъ, 1911 г.). Надежный этимологическій словарь славянскихъ языковъ издается Бернекеромъ (Berneker, Slavisches Etymologisches Wörterbuh, пока вышло 8 выпусковъ). При нѣкоторой осторожности въ пользованіи (не всѣ статьи одинаковаго достоинства, есть опечатки и неточности) можетъ быть полезнымъ пособіемъ составленный А. Преображенскимъ „Этимологическій словарь русскаго языка“ (выходитъ въ Москвѣ, пока 5 вып. до слова „крамарь“). Относительно словаря Горяева 2-е изд. 1896 г., Тифлисъ) нужно замѣтить, что пользоваться имъ можно только тогда, когда есть умѣнье самостоятельно разбираться въ этимологическихъ вопросахъ.

Замѣченныя опечатки:

Стр. 70-я, стр. 6 снизу должно быть: dēvā^{n}s

Стр. 70-я, стр. 14 снизу должно быть:

исчезло съ удлиненіемъ предшествующей гласной, ср. agnī́...

Цѣна 1 р. 20 к.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

1. **Введеніе въ языковѣдѣніе.** 2-е изданіе. М. 1910. Цѣна **1 р. 10 к.**
2. **Элементы языковѣдѣнія и исторіи русскаго языка.** Пособіе для старшихъ классовъ средней школы. М. 1910. Цѣна **80 к.**
3. **Краткое пособіе къ лекціямъ по исторической грамматикѣ русскаго языка.** Введеніе и фонетика. М. 1910. Цѣна **90 к.**

СКЛАДЪ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
В. С. Спиридонова и А. М. Михайлова.
Москва, уг. Моховой и Тверской, д. Варваринскаго Акц. О-ва.
Телефонъ № 120-95.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00024004612